

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 **Парадигмы истории и общественного развития** [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 17-18. — Севастополь : СевГУ, 2020. — 132 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Баранов А. В.

Источники о действиях «Армии возрождения России» на Кубани и в Черноморье (1920 г.) 7

Белоглазов Р. Н., Осиповский С. Н.

Государственно- конфессиональные отношения в Крыму в середине 1940-х-2010-е гг. (по материалам Севастополя) 12

Коваленко В. В..

После Потемкина: Севастополь в 90-е годы XVIII в. 23

Ковалевский А. А.

«Великая Болгария» и национальный геополитический дискурс начала XX в. 31

Козлов М. Н., Шендрикова С. П.

Поминальный ритуальный комплекс в языческой культуре восточных славян 40

Лачаева М. Ю.

Геополитические маркеры в поведении союзников на юге России в конце 1918 – первой половины 1919 гг. (по воспоминаниям А. С. Лукомского) 44

Вакулова Т. В., Пикалов Ю. Н.

Севастопольская крепость перед Первой мировой войной 1914 – 1918 гг. и Гражданской войной 1918 – 1922 гг. 49

Рыбак И. В.

Православная церковь в годы Гражданской войны 56

Савчинский В. Э.

«Украинский вопрос» в 1917 г.: поиск компромиссов или отсутствие альтернатив 61

Терехов С. А.

И. И. Каминский – первый руководитель советских органов государственной безопасности в Крыму 70

Цыганов А. С., Нелина Л. П., Ирхин А. А.

Сотрудничество противоборствующих сторон во время Гражданской войны на юго-западе России 76

Шахин Ю. В.

Психологические аспекты этнического коллаборационизма 82

Вакулова Т. В., Семенихина Н. В.

Жизнь в Севастополе в период оккупации 1942-1944 гг. в документах из архива семьи Семенихиных 86

Философские науки

Миронов А. В. Бунт в логике социально-политического конфликта	98
---	----

Чугунов С. В. Отечественная философия о сущности революции и Гражданской войны в России	103
---	-----

Политические науки

Гарас Л. Н., Максимова Е. Н., Скребец Е. В. Особенности проведения избирательных кампаний в условиях информационно-коммуникационной революции: на примере Великобритании.	108
--	-----

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Нелина Л. П., Демешко Н. Э. Россия в поисках новой идентичности: исторический опыт и конкуренция цивилизационных проектов в XXI веке	114
---	-----

Шавардова Е. Ю. Имиджеобразующая функция политического языка	120
--	-----

Ярмак О. В., Цепкова А. С. Образ Крымской весны в медиaprостранстве Франции	125
---	-----

CONTENTS

Historical Studies

Baranov A. V. On the Actions of the “Army of Russia’s Revival” in Kuban and on the Black Sea Coast (1920)	7
Beloglazov R. N., Osipovskiy S. N. State-Confessional Relations in Crimea in the mid-1940s - 2010s (Based on Sevastopol Material)	12
Kovalenko V.V. After Potemkin: Sevastopol in the 1790s	23
Kovalevskiy A. A. "Great Bulgaria" and the National Geopolitical Discourse of the Early Twentieth Century	31
Kozlov M. N., Shendrikova S. P. Memorial Ritual Complex in the Pagan Culture of the Eastern Slavs	40
Lachaeva, M.Yu. Geopolitical Markers in Behavior of Allies in the South of Russia at the end of 1918 – the first half of 1919 (Based on the memoirs of A.S. Lykomsky)	44
Vakulova T. V., Pikalov Yu. N. Sevastopol Fortress before the First World War 1914-1918 and the Civil War 1918-1922	49
Rybak I. V. The Orthodox Church During the Civil War	56
Savchynskiy V. E. "Ukrainian Question" in 1917: Search for Compromises or Lack of Alternatives	61
Terekhov S. A. I. I. Kaminsky – the First Head of the Soviet State Security Agency in Crimea s	70
Tsyganov A. S., Nelina L. P., Irhin A. A. Cooperation Between the Combating Parties During the Civil War in the South-West of Russia	76
Shakhin Y.V. Psychological Aspects of Chetniks’ Collaboration	82
Vakulova T. V., Semenikhina N. V. Life in Sevastopol During the Occupation of 1942-1944 in Documents from the Archive of the Semenikhin Family	86

Philosophical Studies

Mironov A. V.

Revolt in the Logic of Socio-Political Conflict 98

Chugunov S. V.

Russian Philosophy on the Essence of the Revolution and Civil War in Russia 103

Political Studies

Garas, L. N., Maksimova, E. N., Skrebets, E. V.

Features of Election Campaigns in the Context of the Information and Communication Revolution: the Example of Great Britain 108

Irkhin, A. A., Moskalenko, O. A., Nelina, L. P., Demeshko, N. E.

Russia in the Search of New Identity: History and Contest of Civilization Projects in the 21st Century 114

Shavardova E. Yu.

Image-forming Function of Political Language 120

Yarmak O. V., Tsepikova A. S.

Image of the Crimean Spring in Media Space of France 125

УДК 93:94(47)''1920''

Автор исследует комплекс вводимых в научный оборот источников о боевых действиях «Армии возрождения России» – одной из крупнейших повстанческих формирований в Кубанской области (лето – осень 1920 г.). Выявлена на основе новых архивных документов и воспоминаний направленность политических взглядов генерала М. А. Фостикова – командующего АВР. Аргументируется вывод о неразрешимых противоречиях между монархической программой АВР и проэсеровскими, самостийными ориентациями значительного слоя кубанских казаков и черноморских крестьян.

Ключевые слова: Гражданская война, Кубань, Черноморье, источники, «Армия возрождения России».

А. В. Баранов, профессор, д-р ист. наук, д-р полит. наук

Кубанский государственный университет

E-mail: baranovandrew@mail.ru

ИСТОЧНИКИ О ДЕЙСТВИЯХ «АРМИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ» НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ (1920 Г.)

Исследование исторических особенностей повстанческих выступлений в Кубано-Черноморской области (1920 г.) актуально для выявления причин долгосрочных политических конфликтов, региональной специфики перехода от Гражданской войны к гражданскому примирению.

Роль кубанского казачества в Гражданской войне привлекала внимание историков на протяжении всех развития научных исследований. Казалось бы, что нового может быть в изучении темы? Однако подобное мнение поверхностно. Исторические работы о движении «бело-зеленых» на Кубани многочисленны, но не системны. Советские авторы оценивали движение как форму классово-борьбы. А. Козаков [18], И. С. Стройло [25], Е. С. Шейдеман [12] признавали, что власть РКП(б) в казачьих областях удерживается на насилии. Они отличали сопротивление «военному коммунизму» от белого движения и преступности. Мятежи расценивались как продолжение Гражданской войны. В 1930–50-х гг. тема была предана забвению. Историки 1960–80-х гг. возобновили исследование темы на более широкой источниковой основе (работы И. Я. Трифонова [26], Б. И. Степаненко [24], Н. Ф. Бугая [4]). Исследователи 1990 – 2010-х гг. (А. А. Зайцев [15], А. В. Баранов [2], А. А. Черкасов [29], Н. В. Кратова [19]) переосмысливают проблему антибольшевистских выступлений. Полезная информация содержится также в научно-популярной истории органов государственной безопасности Краснодарского края [3]. Вместе с тем, до сих пор не создано системное источниковедческое исследование о политической истории Кубани и Черноморья в период с весны по зиму 1920 г. Крайне мало известно о биографиях видных участников антибольшевистских выступлений.

Цель работы – систематизация и комментирование комплекса новых источников о действиях «Армии возрождения России» в Кубанской области и Черноморской губернии в 1920 г. Материалы статьи могут стать обоснованием для публикации сборника документов.

В числе принципов анализа взяты за основу: 1) выявление источников должно проводиться как в центральных, так и в региональных архивах; 2) выявленные документы должны охватывать весь изучаемый период, позволять реконструировать целостную картину событий; 3) объективность и полнота информации достигается благодаря сравнительному анализу противоборствующих сторон – органов власти и повстанческих группировок. Это потребовало провести критический анализ состояния историографии по теме, а также выявленных и опубликованных предшественниками документов. Одновременно решались задачи исторического и археографического анализа источников различной видовой принадлежности и политической направленности. Документы выявлялись в Российском государственном военном архиве (далее – РГВА), Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), Центре документации новейшей истории Краснодарского края

(ЦДНИКК). Археографическая работа потребовала сравнить опубликованные и неопубликованные варианты текстов, выявить редкие книжные и периодические издания.

Комплекс источников состоит из следующих видов документов:

1. Документы политических партий, подразделяемые на директивные (резолуции и постановления) и нормативные (протоколы и стенограммы заседаний, информационные тексты, отчеты о работе) [28]. Документы РКП(б) характеризуют идейную направленность и замыслы правящей элиты, показывают противоречивый процесс их воплощения в жизнь. Особенно ценны стенограммы областных партконференций и информационные доклады обкомов, направленные в ЦК. Они отражают острую борьбу умеренного и радикального течений по вопросам раскачивания и репрессий.

2. Документы органов государственного управления регионального и местного уровней (революционных комитетов, Советов и их подразделений) имеют исключительное значение для познания форм и методов политики, правовых норм, обратной связи общества с властью [10]. Специфика советской системы, отрицавшей разделение властей, затрудняет поиск механизмов принятия решений. Незавершенность данной системы в начале 1920-х гг., что выражалось в проявлениях оппозиции на предвыборных собраниях и беспартийных конференциях, дает возможность выявить политические настроения. Вторичную информацию содержат доклады и отчеты о политическом состоянии местностей. Весьма важен и комплекс документов казачьей секции при отделе управления Кубано-Черноморского ревкома [8], руководители которой осуждали крайние проявления раскачивания.

3. Информационные сводки, обзоры и анкеты органов ВЧК, Особых отделов РККА, милиции и ЧОН [11] – наименее изученный вид источников. В силу важной роли «силовых структур» в системе органов власти 1920-х гг. эти источники сравнительно объективны. Они дают регулярные и подробные сведения о динамике общественного мнения, о ходе боевых действий и дислокации оппозиционных сил. Поскольку обзоры областных и краевых органов включали в себя как детальные сообщения с мест, так и их краткий обобщенный анализ, можно перепроверить информацию и установить ее источник. Сравнительная ценность сводок неодинакова. Самую подробную, но неупорядоченную информацию дают станичные и уездные «политбюро» (местные органы ВЧК) в ежедневных сообщениях и анкетах. Наиболее аналитичны еженедельные и двухнедельные сводки с мест, а также обзоры областных ЧК. По этим документам нужно перепроверять сводки ВЧК и Центральной межведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом.

4. Военно-оперативная документация (директивы командования фронтов и подразделений, аналитические разработки о военном положении, рапорты и разведсводки с мест) дает представление о ходе боевых действий. Обособленную часть массива источников составляют документы политотделов воинских частей и комиссий по борьбе с дезертирством, позволяющие судить об общественном мнении. Нами выявлены в РГВА документы повстанческих соединений – приказы командующего Армией возрождения России М. А. Фостикова; воззвания повстанческой армии; листовки отрядов [23]. В частности, в воззвании командарм определял цель АВР – уничтожить коммунизм и установить строгий народный порядок посредством созыва Учредительного Собрания. М. А. Фостиков призывал срывать мобилизацию призывников в Красную армию на Кубани, не допускать продразвёрстки и конфискации скота. Документ изобилует грубыми антикоммунистическими и антисемитскими оборотами речи, содержит жалобы на отказ многих казаков и карачаевцев вливаться в ряды повстанцев [23, л. 75–76]. Близок по содержанию приказ командующего АВР № 7 от 28 июня 1920 г. (составлен в станице Верхне-Кардоникской). Любопытен призыв в документах АВР забыть былую вражду казаков и «иногородних» крестьян. Аутентичность содержания источников установлена сравнением подлинников и заверенных копий повстанческих текстов с воспоминаниями и пересказами в советской военной документации. Военно-оперативная документация обеих сторон конфликта перепроверена по иным видам источников, так как, будучи изученной изолированно, ведет к односторонним выводам и не дает сведений об операциях РККА.

5. Документы следственных и судебных органов, к сожалению, с наибольшим трудом поддаются объективному анализу, т. к. большинство документов всё еще недоступно. Изучен ряд приказов Реввоенсовета 9-й армии и Кубано-Черноморского областного революционного комитета, протоколов выездных сессий реввоен трибуналов и судебных приговоров, решений комиссий местных ревкомов по рассмотрению жалоб лиц, лишенных прав гражданства [9]. Сопоставление этих источников дало возможность приблизиться к истине.

6. Статистические материалы представлены данными всеобщей переписи населения 1920 г., сводками о текущей численности населения станиц, материалами экономических обследований [21]. Они важны для объективной оценки масштабов смертности воюющего и мирного населения, миграции, этнического и сословного состава населения, изменений землепользования и социальной стратификации.

7. Периодическая печать (газетные и журнальные сообщения) играли главную роль в создании общественного мнения. Поскольку архивные материалы за 1920 г. сохранились неравномерно, так как в обширных местностях шли непрерывные бои, материалы периодики остаются важным источником оперативной регулярной информации о многих событиях. Из советских изданий наиболее ценны по проблеме журналы «Война и революция» и «Красный воин» (г. Москва), газеты «Советский Юг» (г. Ростов-на-Дону) и «Красное знамя» (г. Краснодар). Богатейшая традиция периодики возникла в зарубежье. Выделим по информативности эсеровский журнал «Революционная Россия» (г. Прага), казачьи издания «Вестник Казачьего Союза» и «Информационный листок Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека» (г. Париж). Эти и другие эмигрантские журналы давали сообщения о политических событиях в казачьих областях, публиковали письма казаков зарубежным родственникам.

8. Воспоминания участников и современников повстанческой борьбы можно классифицировать по воззрениям авторов, по степени их вовлеченности в события и осведомленности, по времени создания текста. Так, активными участниками утверждения советской власти были С. М. Буденный [5], Е. И. Ковтюх [17], И. Б. Шевцов [30], И. Л. Хижняк [27]. Недавно стали доступными для изучения мемуары эсеров Г. К. Покровского (под псевдонимом Люсьмарин) [20] и Н. В. Вороновича [6]. Участники белого движения – П. Н. Врангель [7], М. А. Фостиков [13], И. М. Калинин [16], Г. Н. Раковский [22], К. Баев [1], Ф. И. Елисеев [14] анализировали причины провала врангелевских десантов 1920 г. и мятежей.

Создатели мемуаров в различной мере вовлечены в водоворот событий. Одни оставались созерцателями и выражали только личные эмоции. Другие участвовали в борьбе, будучи на второстепенных ролях (Хижняк, Покровский, Ковтюх). Третьи руководили крупными политическими и военными структурами (Буденный, Врангель). Естественны различия в ракурсе освещения темы, в круге источников и на уровне информированности авторов.

Замысел мемуаристов во многом определил выбор жанра. Выделим три группы текстов. Врангель, Буденный, Воронович претендовали на объективность и политический резонанс своих работ, написанных в пылу острой полемики о прошлом. Их воспоминания, в которых широко используются архивные документы и приемы публицистов, близки к жанру военно-исторического очерка. В ином ключе созданы жизнеописания Ковтюха. В них главным стало описание личного участия в событиях, индивидуальных переживаний. В-третьих, мемуары в стиле журналистского репортажа. Публикации Люсьмарина и Раковского подчеркнута сиюминутность, рассчитаны на немедленный политический эффект. Цель Люсьмарина – усилить антибольшевистские настроения на Западе перед судом над правыми эсерами (1922 г.). Напротив, Раковский стремился обличить «разложение» врангелевского лагеря, почти не прибегая к антикоммунистической риторике.

Информация данного вида источников может быть разделена на три сюжетных «узла»: врангелевские десанты 1920 г. и одновременные действия «Армии возрождения России»; повстанческое движение эсеровской ориентации; политика РКП(б) в регионе. Особенно ценны свидетельства советских военачальников, репрессированных в 1930-х годах, – Е. И. Ковтюха, И. Б. Шевцова. В них часты документальные приложения и цитирование редких архивных материалов. Впервые вводятся в научный оборот мемуары повстанцев М. А. Фостикова и К. Баева. Насколько нам известно, М. А. Фостиков – единственный военачальник крупного повстанческого формирования, оставивший детальные воспоминания. Он подробно описывает политическую и военную ситуацию в горной полосе Кубани в 1920 г., перечисляет все созданные регулярные подразделения и места их дислокации [13, с. 84–87]. Фостиков признаёт свою последовательную поддержку Русской армии П. Н. Врангеля, перечисляет факты саботажа снабжения АВР со стороны самостийников – Кубанской казачьей рады и «Комитета спасения Кубани» [13, с. 120]. Он описывает переход разгромленной АВР через Кавказский хребет в районе г. Псеашхо и временное занятие Адлера, вызвавшее конфликт с эсеровским «Комитетом освобождения Черноморья». Текст Ф. И. Елисеева – редкое свидетельство офицера Кубанской армии, насильно мобилизованного в РККА и избежавшего расправы в 1920–1921 гг.

Проведены поиск и составление биографических справок на лиц, упоминаемых в источниках. На основе комплекса документов составлен указатель биографических сведений.

Сделаем выводы. Антибольшевистские выступления части казаков и крестьян на завершающем этапе Гражданской войны рассмотрены системно, как многофакторный процесс. В нём играли важную автономную роль социально-демографические и этнические факторы, противостояние политического «центра» страны и ее «периферийных» территориальных сообществ, ценности культуры и ориентации общественных настроений жителей Кубано-Черноморья. Антибольшевистские выступления в Кубано-Черноморской области в 1920 г. включали в себя разнородные социальные группы. Явление повстанчества – сложное, в нём переплелись неприятие «военного коммунизма» большинством казаков, классовая борьба, сословный конфликт между казаками и «иногородними» крестьянами, противостояние унитаризма, автономизма и самостийности.

Повстанческие выступления казаков и в меньшей степени крестьян вызваны комплексом причин: сословными и классовыми противоречиями, нерешенностью земельного вопроса, опытом участия в Гражданской войне. Основным фактором затягивания борьбы стала политика «военного коммунизма». Первоначально партийно-государственная власть имела в Кубано-Черноморье слабую общественную поддержку и могла опираться, в первую очередь, на военные и правоохранительные органы.

«Армия возрождения России», действовавшая в верховьях р. Кубань (в Лабинском и Майкопском отделах Кубанской области, а на завершающем этапе – в Сочинском округе) летом – осенью 1920 г., имела монархическую и «единонеделимскую» программу. Она выражала интересы зажиточных и середняцких слоёв линейного казачества. Такое позиционирование препятствовало сотрудничеству с проэсеровскими и «самостийными» повстанческими отрядами в части Кубанской области, заселённой черноморскими казаками, а также с эсеровскими крестьянскими повстанцами в Сочинском округе. Данные обстоятельства облегчили разгром АВР и переход повстанческих отрядов преимущественно к «самостийной» проэсеровской ориентации с конца 1920 г.

Список литературы

1. Баев, К. Восстания на Северном Кавказе в конце 1920-го года / К. Баев. – Париж: P.I.U.F., 1979. – III, 157 с.
2. Баранов, А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) / А. В. Баранов // Белая гвардия. – Вып. 8. Казачество России в Белом движении. – М.: Посев, 2005. – С. 119–129.
3. Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности Кубани. Очерки, статьи, документальные повести / ред. А. А. Морусов, А. М. Беляев, М. Э. Бабакаев. – Краснодар: Советская Кубань, 2005. – Кн. 1. – 648 с.
4. Бугай, Н. Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа 1919–1921 гг. / Н. Ф. Бугай. – М.: Наука, 1979. – 236 с.
5. Будённый, С. М. Пройдённый путь / С. М. Будённый. – М.: Воениздат, 1973. – Кн. 3. – 408 с.
6. Воронович, Н. В. Меж двух огней: записки зелёного / Н. В. Воронович // Архив революции. – Берлин: Изд. И.В. Гессена, 1922. – Т. 7. – С. 53–183.
7. Врангель, П. Н. Воспоминания: Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.) / П. Н. Врангель. – М.: Терра, 1992. – Часть 2. – 474 с.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 424. Л. 20.
9. ГАКК. Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 53. Л. 100 об; Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 82. Л. 128.
10. ГАКК. Ф. Р-757. Оп. 2. Д. 40. Л. 56, 73-76, 9.
11. ГАКК. Ф. 757. Оп. 2. Д. 40. Л. 49–50 об, 4.
12. Голубев, А. В. Врангелевские десанты на Кубани: Август – сентябрь 1920 г. / А. В. Голубев. – М.; Л.: Гос. изд-во; Отдел воен. литературы, 1929. – 166, 2 с.
13. Дневник генерала М. А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров / под ред. П. Н. Стрелянова-Калабухова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – С. 15–181.
14. Елисеев, Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России / Ф. И. Елисеев. – М.: Центрполиграф, 2006. – 163 с.

15. Зайцев, А. А. Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.: на материалах Дона и Кубано-Черноморья / А. А. Зайцев. – Краснодар: Традиция, 2009. – 210 с.
16. Калинин, И. М. Под знаменем Врангеля: Записки бывшего военного прокурора / И. М. Калинин. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1991. – 352 с.
17. Ковтюх, Е. И. От Кубани до Волги и обратно: Из воспоминаний о походах и боях красных таманских частей / Е. И. Ковтюх; Штаб РККА. Упр. по использованию и исследованию опыта войн. – М.: Госвоениздат, 1926. – 110, 2 с.
18. Козаков, А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний / А. Козаков // Красная Армия. – 1921. – № 9. – С. 21–39.
19. Кратова, Н. В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века / Н. В. Кратова. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 254 с.
20. Люсьмарин, Г. Кубанская чрезвычайка / Г. Люсьмарин // Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. – Берлин: Изд-во Центрального бюро Партии социалистов-революционеров, 1922. – С. 205–241.
21. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. // Труды ЦСУ. – М.: Изд-во ЦСУ РСФСР, 1921. – Т. 1. – Вып. 1–3.
22. Раковский, Г. Н. Конец белых: От Днепра до Босфора (вырождение, агония и ликвидация) / Г. Н. Раковский. – Прага: Воля России, 1921. – 274 с.
23. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 192. Оп. 2. Д. 431. Л. 7–61.
24. Степаненко, Б. И. Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Б. И. Степаненко: Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1972. – 205 с.
25. Стройло, И. С. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа / И. С. Стройло // Красная Армия. – 1921. – № 9. – С. 55–65.
26. Трифионов, И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа / И. Я. Трифионов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. – Ч. 1. – 311 с.
27. Хижняк, И. Л. Годы боевые. Воспоминания / И. Л. Хижняк; лит. обраб. П. К. Иншакова. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1973. – Кн. 1. – 255 с.
28. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 11. Оп. 1. Д. 41. Л. 17, 120б.
29. Черкасов, А. А. Деятельность Армии возрождения России на территории Кубани и Черноморья (март – октябрь 1920 г.): материалы исследования / А. А. Черкасов. – Сочи: Сочин. гос. ун-т туризма и курортного дела, 2004. – 55 с.
30. Шевцов, И. Б. Особое задание (Воспоминания о деятельности причерноморских партизан в 1919–1920 гг.) / И. Б. Шевцов. – М.: Госполитиздат, 1960. – 112 с.

Статья поступила в редакцию 2.03.2020

Baranov, A. V. On the Actions of the “Army of Russia’s Revival” in Kuban and on the Black Sea Coast (1920)

The author explores a set of sources on the military operations of the «Army of Russia’s Revival» – one of the largest rebel forces in the Kuban region (summer – autumn 1920). On the basis of archival documents and memoirs, the author shows the orientation of the political views of General M. A. Fostikov – commander of the ARR. The conclusion is made on the insoluble contradictions between the ARR monarchist program and the pro-Eser autonomous orientations of a significant number of the Kuban Cossacks and Black Sea peasants.

Keywords: Civil War, Kuban, Black Sea Coast, sources, «Army of Russia’s Revival».

УДК 322:28/29(47)"194/201"

В статье рассмотрено становление и эволюция государственно-конфессиональных отношений в Севастополе в 1940-е – 2010-е гг. Установлено, что в развитии данного процесса можно выделить три самостоятельных этапа. Во-первых, середина 1940-х – конец 1950-х гг., когда в СССР проводилась относительно лояльная конфессиональная политика, что способствовало в регионе началу религиозного возрождения. Во-вторых, период новых гонений на церковь и религию, открытый при Н. С. Хрущеве (конец 1950-х гг.), и продолжавшийся в СССР с определенными корректировками до второй половины 1980-х гг. В-третьих, этап либеральных преобразований, обусловленных политикой перестройки и распадом Советского Союза, сформировавших современную демократическую систему отношений государства и религиозных организаций.

Ключевые слова: Русская православная церковь, религиозные конфессии, государство, католики, протестанты, мусульмане.

Р. Н. Белоглазов, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: belovr73@mail.ru

С. Н. Осиповский, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: simosip@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ В СЕРЕДИНЕ 1940-Х – 2010-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВАСТОПОЛЯ)¹

В СССР до начала Великой Отечественной войны неуклонно развивался процесс закрытия культовых зданий и ликвидации религиозных организаций. Партийно-государственное руководство, опиравшееся в своей вероисповедной политике на коммунистическую атеистическую доктрину, преследовало цель полного искоренения религии и институционального уничтожения всех конфессий. Наиболее агрессивно и последовательно советское государство применило административно-репрессивное давление на верующих и духовенство в конце 1920-х – 1930-е гг. В результате на территории Крымского полуострова в 1940 г. осталась только одна действовавшая церковь в Симферополе.

Возрождение религиозной жизни в регионе началось в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками, которые позволили под контролем своей администрации восстановить деятельность приходских общин большинства местных конфессий. Для оккупантов такой подход имел конъюнктурный характер и был лишь средством использования религиозного вопроса в своих политических и пропагандистских целях для усиления позиций в борьбе против СССР.

В оккупационный период в Крыму было открыто и действовало более 80 православных храмов и молитвенных домов, относившихся в церковно-административном отношении к Украинской автономной, Румынской православной и так называемой обновленческой церквям. Кроме того, функционировали общины евангельских христиан-баптистов (3), евангелистов (3), адвентистов седьмого дня (2), молокан (1), армяно-григориан (1), караимов (1) и более 50 мечетей [20, с. 323; 15, с. 67].

После освобождения на Крымском полуострове насчитывалось до 70 православных культовых зданий [13, с. 16], уменьшение числа которых было связано с организационным распадом части приходов в населенных пунктах, где проживали греки и болгары, подвергшиеся насильственному переселению в июне 1944 г. На учете состояло всего 89 священно- и церковнослужителей [20, с. 329].

Религиозная сфера Крыма в середине 1940-х – в начале 1950-х гг. формировалась под влиянием ряда политических и социальных факторов. Во-первых, произошло изменение традиционной поликонфессиональности региона вследствие проведенных депортаций по национальному признаку (крымские татары, греки, болгары, армяне). Во-вторых, на полуострове несколько лет сохранялось тяжелое социально-экономическое положение, что не способствовало восстановлению организационной сети конфессий. В-третьих, советское руководство из конъюнктурных соображений

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства г. Севастополя, проект «История взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти в Севастополе (1783-2017 гг.)» № 18-49-920003.

временно проводило толерантный курс по отношению к Русской православной церкви (далее – РПЦ) и ряду других конфессий в связи со стремлением использовать их авторитет для консолидации общества в период борьбы с гитлеровской Германией и укрепления позиций СССР на международной арене в условиях формирования советской зоны влияния в Европе.

В сентябре 1944 г. местоблюстителем патриаршего престола РПЦ Алексеем (Симанский) на кафедру архиепископа Симферопольского и Крымского был назначен архимандрит Александр-Невской лавры Иоасаф (Журманов), который провел первые церковно-административные преобразования в епархии, где было создано 7 благочиний: Симферопольское, Евпаторийское, Ялтинское, Керченское, Джанкойское, Феодосийское, Белогорское [19, с. 329].

В июне 1945 г. был изменен административно-территориальный статус Крыма в связи с ликвидацией Крымской АССР и созданием вместо нее в географических границах полуострова Крымской области с 8 городами областного подчинения и 26 районами. Православные храмы, открытые в период оккупации, действовали во всех городах и 22 районах.

В мае 1946 г. в рамках ротации на посту архиепископа Симферопольского и Крымского Иоасафа заменил известный ученый-хирург, епископ Лука (Войно-Ясенецкий), благодаря подвижнической деятельности которого происходило возрождение православной веры в Крыму в конце 1940-х – в начале 1960-х гг.

Действовавшее после войны советское законодательство о религиозных организациях по-прежнему основывалось на постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», которое не утратило своей актуальности до конца 1980-х гг. Согласно требованиям нормативной базы, верующие были обязаны создать группу не менее 20 человек («двадцатка», религиозное общество), которая регистрировалась и заключала договор с органами власти на аренду культового здания и другого необходимого имущества для функционирования прихода. Однако новый церковный устав РПЦ закреплял положение о том, что руководителями «двадцаток» являлись представители духовенства, что было существенной уступкой церкви со стороны властей, которые временно отошли от практики 1920-х – 1930-х гг., когда во главе приходской общины могли находиться только миряне.

В системе административного аппарата по контролю за деятельностью религиозных организаций произошли существенные перемены. В СССР при правительстве (Совет Народных Комиссаров СССР / Совет Министров СССР) были созданы две новые специальные структуры: Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов, представленные в регионах соответствующими уполномоченными. Эти чиновники контролировали на местах соблюдение законодательства, координировали осуществление конфессиональной политики между различными органами власти и информировали центр о развитии ситуации на местах.

В первые послевоенные годы православная община Крыма переживала период подъема: с июля 1945 г. был снова разрешен колокольный звон, возобновилась торговля свечами, ежедневные богослужения совершались в городских храмах и не реже 2-3 раз в неделю в сельских, верующие активизировали социальную работу (формирование касс взаимопомощи, организация благотворительных обедов, помощь сиротам и вдовам) [13, с. 14, 15].

Об участии населения Крыма в таинствах и совершении обрядов дает представление следующая таблица [14, с. 152, 238]:

Название таинства или обряда	1945 г.	1946 г.
Крещение	4731	8007
Венчание	92	258
Похороны	1323	1747

Таб.1 Участие населения в таинствах и совершении обрядов (1945-1946 гг.)

Основные тенденции развития православной религиозности бдительно отслеживались со стороны органов власти, которые на начальном этапе попытались сдерживать этот подъем в основном административными мерами, направленными на сокращение под различными поводами и предложениями числа действовавших культовых зданий. Так, с 1944 по 1947 гг. в Крыму подверглись ликвидации 12 приходов. Исследователь Б. Колымагин дал этим фактам следующую оценку: «Первый епископ послевоенного Крыма определенно был слаб. И власти без лишнего шума с его помощью закрывали одну церковь за другой» [13, с. 16].

К концу 1947 г. в епархии существовало уже 8 благочиннических округов в новой территориальной конфигурации: Симферопольский, Евпаторийский, Керченский, Джанкойский, Феодосийский, Белогорский, Советский и Севастопольский. В состав последнего входило 8 приходов, расположенных в Бахчисарае (1), Бахчисарайском районе (1), Ялте (2) и Алушке (2), а

также непосредственно в Севастополе (2). В частности, на территории города действовало 2 храма, возобновивших свою деятельность еще в период войны: Всех святых на городском кладбище (настоятель протоиерей Е. В. Левитский) и Покровский собор (настоятель – протоиерей И. Ф. Крашановский, священник М. В. Барзаковский) [14, с. 119-120].

В первые послевоенные годы Всехсвятская церковь нуждалась только в небольшом ремонте, что не создавало существенных препятствий для функционирования прихода. Двухъярусный Покровский собор сильно пострадал в дни военных действия, поэтому церковные службы в нем проходили в нижнем храме. Во время ревизии в 1946 г. деятельности религиозных общин Севастополя уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР по Крымской области (далее – Уполномоченный) Я. И. Жданов потребовал от учредителей «двадцатки» оперативно принять меры, чтобы вывести здание храма из аварийного состояния. [14, с. 62-63].

Главным критерием внешних проявлений и показателем развития религиозности среди населения органы власти считали число людей, участвовавших в церковных службах, таинствах и обрядах. В 1947 г. Я. И. Жданову удалось собрать соответствующие данные о Севастополе, на основании которых, он пришел к выводу, что при общей численности населения города около 60 тыс. человек две приходские церкви в праздничный день Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) посетило почти 2 % его жителей [14, с. 243].

Кроме того, в регионе действовало еще 2 небольшие сектантские общины евангельских христиан баптистов и субботников, которые не оказывали существенного влияния на развитие общей религиозной ситуации.

О масштабе участия севастопольцев в православных таинствах и церковных обрядах в 1945 – 1948 гг. можно судить по материалам следующей таблицы [14, с. 153, 323, 341, 438, 497, 511]:

Название таинства или обряда	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г. (январь-сентябрь)
Крещение	424	1028 (42,8 % от родившихся)	1173 (52,1 % от родившихся)	815
Венчание	2	6	1	-
Похороны	48	71	33	86
Посещение церквей Севастополя на Пасху	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
	2000	1600	5500	6500

Таб. 2 Участие севастопольцев в православных таинствах и церковных обрядах (1945-1948 гг.)

Очевидные факты подъема православной религиозности среди жителей были выражением общих для Крыма и остальной части страны тенденций. Для города, имевшего глубокие исторические традиции исповедания православия, пережившего ужасы немецкой оккупации, – это выглядело закономерной и естественной реакцией со стороны населения в условиях относительной либерализации положения РПЦ в стране, а также после фактически насильственной ликвидации религиозных общин во время антицерковного погрома 1930-х гг.

Эта тенденция воспринималась властными структурами негативно и с настороженностью. Правящая коммунистическая партия, владевшая монополией на власть, не могла позволить возродиться полноценно во всех отношениях РПЦ, которая наряду с другими конфессиями по-прежнему представляла единственную легальную существовавшую идеологическую альтернативу советской системе. В полной мере такая политика была характерна и для Крымской области. В частности, в годовом отчете о деятельности епархии в 1947 г. архиепископ Лука был вынужден констатировать: «Крымский уполномоченный проявляет мало благожелательности в отношении Церкви. Охотно закрывает церкви и неохотно содействует их открытию новых. В Балаклаве народ усиленно ходатайствует об открытии храма, занятого под клуб, но уполномоченный ставит интересы клуба выше интересов христиан и не дает ходу их ходатайству» [14, с. 269].

Особенно сложной оставалась ситуация с отдельными сельскими приходами, так как в некоторых населенных пунктах местные жители в обстоятельствах послевоенной разрухи не могли материально поддержать свою церковь или молитвенный дом, что создавало предпосылки для их закрытия. Единственным ощутимым содействием в этих условиях являлась помощь со стороны епархиального управления, что было следствием принципиальной позиции архиепископа Луки, пытавшегося сохранить все функционировавшие на полуострове храмы. Однако добиться этого не всегда было возможным в силу разных причин. С 1946 по 1950 гг. в епархии удалось открыть только одну новую церковь, а в течение того же периода закрылось 11. Всего в Крыму оставалось до 1958 г. 48 действовавших храмов [14, с. 574].

Существенно лучше на рубеже 1940-х – 1950-х гг. складывалось положение в городах, что прослеживалось и в условиях Севастополя. В 1949 г. был завершен капитальный ремонт по восстановлению здания Покровского собора (с января 1948 г. настоятель протоиерей И. Ф. Крашановский, с июня 1952 г. второй священник И. П. Шишадский), на который епархиальное управление выделило 80 тыс. рублей, патриархия 25 тыс. рублей и Новосибирская епархия 9,8 тыс. рублей [14, с. 598]. Материальное положение прихода оставалось стабильным и имело тенденцию к улучшению.

В отношении церкви Всех святых (настоятель с июля 1948 г. священник В. Т. Чайкин, псаломщик с 1944 г. Д. И. Закалюжный) Уполномоченный Я. И. Жданов отмечал в служебных документах хорошее состояние культового здания, где в 1952 г. был завершен очередной ремонт на сумму 30 тыс. рублей. Кроме того, церковный совет приобрел для своего причта жилой дом и начал работы по восстановлению сторожки [14, с. 760].

В целом по поводу положения и деятельности православных приходов в Севастополе Я. И. Жданов констатировал: *«По заявлению самих церковников, посещаемость церкви верующими не уменьшается. А находится примерно на уровне прошлых лет. Случаев грубого нарушения законов и постановлений правительства и указаний Совета как со стороны духовенства, так и представителей Советских органов не отмечалось»* [14, с. 761].

Ограниченные из конъюнктурных политических соображений в арсенале применения грубых административно-репрессивных мер против духовенства и верующих РПЦ властные структуры в первой половине 1950-х гг. имели широкие возможности по ослаблению влияния церкви при помощи средств агитации и пропаганды. Однако общая наметившаяся в стране после смерти И. В. Сталина обстановка политической «оттепели» не способствовала радикализации антирелигиозной работы в духе практик 1930-х гг. Не было в этом отношении до определенного времени и консолидированной позиции среди функционеров высшего партийного аппарата. Борьба с религией в информационно-идеологической сфере не приобрела форсированного характера, институциональные основы церкви сохраняли стабильность.

В течение указанного периода в Крымской епархии продолжился рост посещаемости церквей в городах и укрепления организационно-материальной базы соответствующих приходов. В связи с этим в документах, направленных в патриархию в 1956 г., архиепископ Лука отметил следующее: *«В важнейших городах Крыма, и особенно Симферополе, ярко выражен подъем церковной жизни: очень небольшой (до 2500 ч. вместимостью) кафедральный собор не вмещает молящихся»* [14, с. 983].

В отчете за 1-е полугодие 1957 г. новый Уполномоченный А. С. Яранцев писал: *«На ремонт и благолепие храмов, по данным Крымской епархии, за 1956 г. израсходовано свыше 650000 рублей. И надо отдать должное церковникам, они сумели привести в такой порядок церкви, что многие из них, как в Евпатории, Симферополе, Севастополе и Ялте, имеют такой вид, какого не имели церкви даже в дооктябрьский период»* [14, с. 983].

В 1956 г. в Севастополе был завершен очередной этап ремонтных работ Покровского собора на общую сумму 654 тыс. рублей, что было связано с окончательной ликвидацией разрушений, вызванных военными действиями. По данным священнослужителей храма, в 1957 г. за два дня праздника Пасхи в соборе побывало около 20 тыс. человек, ежемесячно проводилось более 30 крещений [14, с. 1007-1008].

Конец 1950-х гг. открыл т. н. хрущевский период гонений на церковь и борьбы с религией в СССР, что было связано с укреплением в системе высшей государственной власти положения Н. С. Хрущева. Новый советский лидер являлся приверженцем левацких радикальных подходов к религиозным вопросам, стратегическая цель которых нашла выражение в одной из его известных вульгарных формулировок по данной проблеме: «показать последнего попа по телевизору».

Очередная антирелигиозная кампания административного давления и негласных неправовых действий против конфессиональных общин закономерно сопровождалась усилением атеистической идеологической работы. Так, 16 августа 1957 г. бюро Крымского обкома Компартии Украины (в 1954 г. Крым был передан в состав УССР) провело обсуждение вопроса «О состоянии и мерах улучшения антирелигиозной пропаганды в области», результатом которого стало принятие новых решений по активизации соответствующего идеологического воздействия на население с привлечением всех необходимых для этого сил и средств партийного и государственного аппарата [12, с. 29-30].

Уже в 1958 г. в положении церкви в Крыму стали происходить существенные изменения в худшую сторону. В частности, в годовом отчете о своей деятельности новый Уполномоченный А. С. Гуськов поставил себе в заслугу то, что в регионе прекратились такие ранее распространенные практики, как иконопись для храмов со стороны крымских художников, оказание помощи советскими работниками местным приходам в приобретении стройматериалов, участие детей и молодежи в церковных хорах и прислуживании в храмах. При этом было отмечено следующее: *«Со второй половины этого года антирелигиозная пропаганда стала носить более действенный*

наступательный характер, сейчас больше стало проводиться бесед и особенно индивидуальных, именно с верующими и главным образом с церковным активом, и это дало результаты (Найденюк, Садовое, Грушевка, Партизанское, Алушка и др.), а верующие стали решительно отходить от церкви и выходить из состава двадцатки» [14, с. 1079].

На этом фоне констатировалось начало уменьшения посещаемости церквей во время больших религиозных праздников (в среднем на 10 %), числа крещений (1957 г. – 8819, 1958 г. – 7002) по области, поступления финансовых пожертвований. Как и в довоенные годы, давление на церковь сопровождалось очередным увеличением налоговой нагрузки на духовенство, что в Крыму в 1958 г. было выражено в повышении подоходного налога для этой категории граждан на 8-10% (в среднем по области – 10000 руб.) [14, с. 1080].

Одним из наиболее показательных моментов начала нового этапа гонений на церковь следует считать постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»». Кроме традиционных для такого типа руководящих документов указаний об усилении антирелигиозной идеологической работы, в нем также были сформулированы задачи по усилению административного контроля за религиозными организациями, что фактически означало принятие мер по ограничению их прав и деятельности.

Последовательно воплощая в жизнь новые партийные установки, Уполномоченный А. С. Гуськов фактически стал одним из главных координаторов на региональном уровне по проведению антирелигиозной работы всех видов, направленной на ликвидацию организационной структуры церкви.

На территориях регионов, которые в годы войны находились под немецко-фашистской оккупацией, на должности Уполномоченных преимущественно назначали сотрудников органов госбезопасности [13, с. 15], которые могли иметь опыт по разоблачению и ликвидации религиозных организаций, что достаточно четко прослеживалось и в работе А.С. Гуськова. В частности, в его служебных документах приводилась характеристика негласных неправовых методов, применяемых в борьбе против церкви, по которым можно было определить специфические приемы и навыки печально известного для верующих и духовенства ведомства. Так, в годовом (1959 г.) отчетно-информационном докладе по этому поводу Уполномоченный писал: *«Проводилась работа со священником ГОРБАЧЕВЫМ из с. Мускатное, Красногвардейского района, и молодым дьяконом Евпаторийской церкви ПОТАПОВЫМ. Священник Горбачев помог своим невмешательством разложить церковную двадцатку»* (выделено авторами), *что и было сделано, а он, Горбачев, выступил в газете «Крымская правда» со статьей «Почему я порвал с религией?»* [13, с. 1128].

Кроме того, А. С. Гуськов использовал и старые хорошо проверенные в ходе антирелигиозных кампаний 1920-х – 1930-х гг. подходы по поиску в деятельности «двадцаток» в процессе эксплуатации культовых зданий (страховые выплаты и налоги, ремонтные работы) мелких недочетов и ошибок как формальных поводов для закрытия храмов. В результате его целенаправленных антицерковных действий в Крыму с 1958 г. (48 приходов) стала развиваться тенденция к сокращению числа церквей и молитвенных домов, которых к 1963 г. осталось всего 14 (в городах и поселках городского типа – 13, в сельской местности – 1) [14, с. 1168, 1075].

В январе 1960 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», которое запретило священнослужителям возглавлять руководящий орган прихода (церковный совет), что означало прямое вмешательство во внутренние дела церкви и вынуждало вернуться к практике довоенных лет, когда деятельностью приходской общины могли руководить только верующие из числа членов-учредителей «двадцатки».

В свою очередь 7 июня 1960 г. секретариат Крымского обкома Компартии Украины утвердил постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». В связи с его исполнением в Крыму в течение года во всех городах и районах были созданы комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при городских и районных исполкомах как дополнительные рычаги оказания давления на религиозные общины и обеспечения мелочного административного контроля и регламентации их деятельности [12, с. 30].

В результате проведенной властными структурами работы в 1960 г. из 30 служивших в епархии представителей православного духовенства 27 получили взыскания за нарушения законодательства о религиозных организациях, а некоторые из них были лишены регистрации. По сравнению с 1957 г. отмечалось уменьшение числа крещений и отпеваний в 2 раза, венчаний в 3 раза, а финансовых пожертвований со стороны прихожан в 8 раз. В течение 1960 – 1962 гг. из 48 действовавших в Крыму храмов РПЦ 22 было закрыто [14, с. 1154, 1168].

В начале 1960-х гг. для властных структур стало очевидно, что основу организационной устойчивости Крымской епархии составляют приходы в городах, которые постепенно стали главной

мишенью изощренных действий по удушению религиозной жизни в области. Применительно к Севастополю эта проблема считалась наиболее актуальной в отношении главного храма – Покровского собора, расположенного в городском историческом центре.

Первоначально, не имея формально-правовых оснований для закрытия собора, местные власти попытались прибегнуть к распространенной еще с 1930-х гг. практике административного произвола и неправовых действий. В частности, в 1961 г. Севастопольский горисполком предпринял попытку закрыть храм, используя административное вмешательство во внутренние дела приходской общины [14, с. 1182]. Однако лицемерие и иезуитский характер по отношению к верующим и духовенству государственной конфессиональной политики в условиях так называемой хрущевской «оттепели» требовал хотя бы внешнего соблюдения того, что называлось «социалистической законностью». Проявления крайностей и перегибов на местах, как тогда было принято называть такие прецеденты, в данном случае не получили поддержки на уровне областного начальства.

Однако это не означало, что подготовка к закрытию собора не проводилась другими методами. Самым распространенным и действенным из них была так называемая индивидуальная работа с активными верующими и членами церковных советов. Фактически она сводилась к изощренной морально-психологической обработке с элементами шантажа и угроз общественного порицания или увольнения с места основной работы, что иногда сопровождалось публичной травлей при помощи печатных средств массовой информации.

Примером такой «индивидуальной работы» можно считать статью некоего А. Боровкова «Два лица Евдокима Васильева», опубликованную в главной городской газете «Слава Севастополя» в 1962 г., и посвященную штатному регенту Покровского собора, работавшему также мастером одного из промышленных предприятий. Принадлежность к церковному служению стала основанием для того, чтобы подвернуть Е. Васильева уничижительной критике, преподнесенной в духе грубого политического доноса. О тональности данной «статьи» свидетельствует следующая цитата: «*Сам собой напрашивается вывод, что двуликий Васильев не может быть мастером и отвечать тем высоким требованиям, которые предъявляются ему. Половинчатости быть не может: или мастер или регент собора, т. е. служитель культа*» [19, с. 140].

18 июня 1963 г. исполком Севастопольского городского совета принял решение о снятии с регистрации религиозного общества Покровского собора РПЦ, в котором была названа следующая причина такого действия: «*...состоявшая на регистрации «двадцатка» распалась, новых лиц, желающих взять на себя ответственность за здание и имущество культа не оказалось, в связи с чем церковные службы с февраля 1963 года не приводятся...*» [19, с. 140].

Как покажет дальнейшее развитие ситуации в конфессиональной сфере Севастополя, православные верующие в течение всего оставшегося периода существования советской власти, так и не смирились с закрытием главного городского собора. Это является аргументом для обоснования вывода о том, что храм был закрыт в результате административного произвола и негласных неправовых акций со стороны властных структур по разобщению, моральной и правовой дискриминации и запугиванию членов приходской общины.

Хрущевская антирелигиозная кампания стала очередной попыткой в короткие сроки уничтожить религию и организационную структуры церкви, которая, как и «шторм небес» периода сталинских пятилеток, провалилась. Однако применяемые в этот период практики имели большие негативные и отдаленные по времени последствия. В Севастополе на долгие годы остался единственный православный приход при небольшой церкви Всех святых, религия была выведена за рамки общественной жизни и ограничена обрядовой стороной в пределах культового здания, в условиях постоянных гонений и дискриминации в отношении верующих от церкви удалось отсечь молодежь и наиболее социально активную часть населения.

В так называемый брежневский период партийно-государственное руководство СССР старалось избегать радикализма и крайностей левацкого характера в антирелигиозных и антицерковных действиях, допускавшихся при Н. С. Хрущеве. Тем не менее, стратегия советской конфессиональной политики оставалась неизменной, что можно проследить и на примере Крымской области.

В 1967 г. в Крыму находилось на регистрационном учете 14 приходов РПЦ, общины старообрядцев (1), иудеев (1), евангельских христиан баптистов (14), адвентистов седьмого дня (2), пятидесятников (12), свидетелей иеговы² (2) [6, л. 98].

В 1969 г. уполномоченный Совета по делам религий (структура была создана в декабре 1965 г. путем объединения Советов по делам РПЦ и религиозных культов) по Крымской области (далее – Уполномоченный) А. Ф. Глухов в одном из итоговых отчетов, констатировал, что в Крыму с 1965 г.

² Религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящие в ее структуру местные религиозные организации запрещены на территории России.

произошло сокращение церковной сети на 1/3, а также существенно изменился состав верующих. В частности, из 344 человек членов «двадцаток» РПЦ, которые формировали наиболее активные прихожане, 256 (74 %) были лица старше 60 лет. Кроме того, из них 299 не работали в производственной сфере, 179 находились на пенсии и 267 (около 80 %) составляли женщины. Из указанного общего числа только 21 человек имел среднее образование, а остальные относились к числу малограмотных. Общее количество верующих, посещавших храмы по области в дни больших религиозных праздников, определялось около 25 тыс. человек. В 1968 г. в церквях Крыма было совершено крещение 10235 детей (37,7 % родившихся), приняли крещение в церкви 53 юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет, а также 31 ребенок школьного возраста [7, л. 78].

Определить точное число верующих в регионе не представлялось возможным, поэтому органы власти считали наиболее показательным критерием в этом отношении масштаб участия населения в церковных службах и совершении обрядов. Особое значение при этом придавалось проведению учета крещений, число которых тщательно фиксировалось как по области в целом, так и по каждому району в отдельности.

В связи с этим применительно к концу 1960-х гг. большую озабоченность в аппарате Уполномоченного вызывал относительно высокий средний по региону процент (более 30%) крещений родившихся в Крыму детей, который был значительно выше по отдельным аграрным районам области (50-60 % в Раздольненском, Белогорском, Сакском) [7, л. 76]. Последний факт объяснялся переездом в порядке планового переселения граждан из областей Западной Украины (только в 1966 году прибыло 5948 семей), где жители отличались высоким уровнем религиозности.

Главной причиной, сложившейся, по мнению А. Ф. Глухова, такой тенденции было пренебрежение партийно-государственными органами на местах проведением антирелигиозной работы, о которой он, писал следующее: *«Рекомендованные в свое время Центральным комитетом партии меры по усилению атеистической пропаганды, и разработанные на основе этих рекомендаций мероприятия партийных комитетов по существу забыты»* [7, л. 76].

Из этих констатаций следует, что антикультовая агитация и пропаганда оставалась на посредственном уровне, и все успехи в преодолении «религиозных предрассудков» населения были результатом административных мер по ограничению прав и деятельности религиозных общин. В первой половине 1970-х гг. благодаря сохранению соответствующих практик в Крыму удалось несколько улучшить с точки зрения властных структур положение с количественными показателями участия населения в православных обрядах и церковных службах.

К августу 1976 г. в Крымской области было 14 районов (10 городских), 7 городов областного подчинения и 1 республиканского (Севастополь). На территории региона действовало 34 зарегистрированных религиозных общин всех конфессий (14 православных, 12 евангельских христиан-баптистов (1825 человек), 4 адвентистов седьмого дня (255 человек), 2 пятидесятников (58 человек), 1 старообрядческая, 1 иудейская), которые располагались в 8 районах, 6 городах областного значения и Севастополе [8, л. 70; 9, с. 51].

В 1971 – 1975 гг. количество крещений новорожденных детей в Крыму было снижено благодаря активизации работы комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при исполкомах с 35,2 % (1971 г.) до 22,1 % (1975 г.). При этом в сельских районах данный показатель оставался на уровне около 32,5 % и выше (Нижнегорский район – 40%). Самый низкий процент (1,9) по крещениям был зафиксирован в Севастополе, что объясняли социальным составом населения города, занятого преимущественно в промышленных отраслях народного хозяйства в отличие от районов с аграрной специализацией, где традиционно был более высокий уровень религиозности [9, с. 6].

Внешняя сторона участия в таинствах и обрядах жителей не всегда объективно отражала ситуацию в конфессиональной сфере, что в определенной степени было актуально именно для Севастополя. Местная православная община не желала мириться с искусственной маргинализацией своего положения в городе, что, прежде всего, проявилось в ряде обращений верующих в различные инстанции по поводу необходимости возврата церкви здания (переоборудовано под городской архив) закрытого в 1963 г. Покровского собора.

Весной 1976 г. Севастопольский горисполком провел разъяснительную беседу с инициаторами такого заявления, мотивируя свой отказ тем, что религиозные потребности православных в городе удовлетворялись за счет прихода церкви Всех святых. Одновременно подобного рода ответ А. Ф. Глухов направил в адрес жительницы Севастополя Е. Н. Коноваловой, обратившейся в письменном виде с аналогичным ходатайством в Совет по делам религий при Совете министров СССР [9, л. 16-18].

Следующая попытка была предпринята в 1979 г., которая имела более организованный и массовый характер. Так, 8 января по инициативе мирян К. Г. Клещенко, К. Д. Сало и Лазаревой возле Всехсвятской церкви состоялось собрание верующих без разрешения органов власти для обсуждения

вопроса о возбуждении ходатайства о возврате религиозной общине здания Покровского собора. Учитывая возможные манипуляции с формальной стороной нормативно-правовой базы, которые имели место во время закрытия храма в 1963 г., собравшиеся утвердили состав религиозного общества («двадцатки») и избрали его старосту. После этого соответствующее заявление с приложением протокола собрания, заверенного подписями 207 человек, было направлено на имя патриарха Пимена (Извеков), генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, патриаршего экзарха Украины Филарета (Денисенко) и архиепископа Симферопольского и Крымского Леонтия (Гудимов) [10, л. 2, 4, 5].

Ответной реакцией властей стала организация и проведение новой разъяснительной беседы с инициативной группой верующих, в ходе которой до них была доведена уже ни один раз озвученная позиция. В итоговом отчете по этому вопросу Уполномоченный Ю. М. Суханов писал: *«По нашему мнению вопрос о снятии с регистрации религиозного общества Покровского собора в г. Севастополе, как прекратившего свою деятельность в свое время был решен правильно. Действующая в Севастополе кладбищенская церковь потребности верующих удовлетворяет»* [10, л.5].

Политические установки на маргинализацию церкви, выведение ее за скобки общественной жизни оставались актуальными для 1970-х гг. и большей части 1980-х гг., чему пытались противостоять в допустимых законом формах православные Севастополя. Так, верующие инициировавшие указанное выше обращение отказались принять аргументы органов власти по поводу закрытия Покровского собора и заявили, что не откажутся от попыток направлять повторно соответствующие ходатайства.

По мере приближения юбилейной даты 1000-летия принятия христианства на Руси православная община города стала еще активнее поднимать эти вопросы, обращая внимание на плачевное состояние некоторых бывших культовых зданий. В частности, в декабре 1983 г. в ЦК Коммунистической партии Украины поступило заявление от мирян Севастополя об открытии для церковных служб часовни на территории Братского кладбища и передаче верующим херсонесского собора Св. Владимира с условием его восстановления за собственный счет [4, л. 57].

В декабре 1986 г. группа из 18 человек с целью привлечь внимание к проблеме разрушения культовых сооружений попыталась провести собрание в г. Белокаменске (Инкерман) возле бывшего пещерного монастыря Св. Климента, которое было пресечено органами власти [5, л. 188]. В 1987 г. в адрес Севастопольского исполкома поступили ходатайства о передаче верующим двух церквей, одна из которых находилась на реставрации, а другая использовалась для утилитарных целей.

Кроме одного православного прихода в Севастополе продолжали действовать единичные общины протестантских деноминаций. Так, религиозное общество евангельских христиан баптистов смогло незначительно увеличить свою численность в течение 1961 – 1981 гг. со 168 до 235 человек [3, л. 46]. При этом в городе без регистрации функционировали малочисленные сектантские группы баптистов-раскольников, пятидесятников и свидетелей иеговы³, которые регулярно проводили свои молитвенные собрания, что считалось административным правонарушением. Местному исполкому предписывалось пресекать такую практику, добиваясь от них прохождения процедуры легализации.

В конце 1980-х гг. форсирование политики перестройки привело к демократизации всех сторон жизни советского общества, что нивелировало антирелигиозные партийные установки и создало условия для генезиса новой системы государственно-конфессиональных отношений основанной на подлинно демократических принципах свободы совести, учета интересов верующих и духовенства, политической и правовой реабилитации религиозных конфессий. В большинстве советских республик и в дальнейшем в постсоветских независимых государствах началась разработка нового законодательства по религиозному вопросу. В Украинской ССР точкой отсчета данного процесса стало принятие 23 апреля 1991 г. Закона «О свободе совести и религиозных организациях».

В профильном нормативно-правовом акте было провозглашено право на свободу вероисповеданий в соответствии с убеждениями или выбором, равенство всех религиозных конфессий перед законом, невмешательство государства в их дела, защита прав и интересов религиозных организаций, запрет на установление каких-либо ограничений или привилегий по признаку вероисповеданий, проповедей в любой форме по распространению вражды, нетерпимости по отношению к неверующим и последователям других религий. Значительно упростилась легализация религиозных общин, для которой было достаточно создать группу верующих из 10 совершеннолетних лиц и подать ее устав на регистрацию.

³ Религиозная организация "Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России" и входящие в ее структуру местные религиозные организации запрещены на территории России.

Несмотря на демократический характер по своему содержанию, новое украинское законодательство получило неоднозначную оценку со стороны экспертов, так как имело декларативный характер и не было обеспечено управленческим механизмом по контролю за его выполнением конфессиональными организациями. Указанный недостаток стал приобретать особую актуальность в стране в связи с началом активной деятельности в условиях общественно-политической либерализации социально опасных тоталитарных сект и неокультистов, как иностранного, так и отечественного происхождения.

Применительно к Севастополю ведущей тенденцией в 1990-е гг. стало восстановление и расширение церковно-организационной структуры Севастопольского благочиния Украинской православной церкви Московского патриархата (далее – УПЦ МП), возрождение ислама и мусульманской религиозной общины в связи с репатриацией крымских татар, активность миссионеров различных протестантских деноминаций, сумевших создать заметную зону влияния в конфессиональной сфере города. В целом эти процессы соответствовали исторически характерным для региона особенностям развития, которые были наиболее ярко выражены на рубеже XIX – XX вв. [1] и сохранялись до 1930-х гг., когда религиозные общины независимо от вероисповедания были ликвидированы в ходе кампании, инспирированной властными структурами.

Проявления раскола в украинском православии и другие межцерковные конфликты не получили в Крыму и Севастополе особой актуальности, так как неканонические религиозные организации, выступавшие антагонистами УПЦ МП, не могли рассчитывать на региональном уровне на широкую социальную базу поддержки и имели откровенно маргинальный характер.

В 1991 г. было положено начало длительному и сложному процессу по возврату государством бывших культовых зданий, конфискованных в разные годы органами советской власти. Так, 8 октября 1991 г. Севастопольский горисполком заключил договор с Крымским епархиальным управлением УПЦ МП о поэтапной в течение 25 лет передаче в собственность последнего как правопреемника РПЦ в Крыму 8 соборов и церквей с соответствующими земельными участками [11].

Действовавшая в украинский период нормативная база о реституции регулировала не все вопросы, связанные с бывшей собственностью конфессий. Так, в Севастополе костел Св. Климента Римского, закрытый в 1936 г. и переоборудованный под кинотеатр, находился в имущественном комплексе органов самоуправления (городской совет) и поэтому не мог быть возвращен верующим на основании национального закона или постановления правительства. Несмотря на настойчивые просьбы конфессиональной общины, Севастопольский горсовет в силу разных причин не принимал решение о передаче здания храма.

В 1994 г. в городе уже действовало 27 зарегистрированных религиозных обществ различных конфессий, большинство из которых относилось к УПЦ МП. В вероисповедном отношении кроме православных общин были представлены евангельские христиане-баптисты (5), адвентисты седьмого дня (2), евангельские христиане в духе апостолов (1), методисты объединенной церкви (1), греко-католики (1), католики (1), буддисты (2) и кришнаиты (1) [17]. С 1991 г. была зарегистрирована и начала действовать первая мусульманская община «Мюневер», которой в 1994 г. передали здание бывшей городской соборной мечети Акъяр Джами, закрытой в 1938 г.

Дальнейшее развитие конфессиональной ситуации в Севастополе шло в соответствии с теми тенденциями, которые определились в начале 1990-х гг.: значительное ежегодное увеличение числа легализовавшихся организаций (в 1997 г. на 30 %), появление представителей новых религиозных течений. К 1 марта 1997 г. в Севастополе были зарегистрированы уставы 56 соответствующих общин, принадлежавших 19 конфессиям [18].

Развитие государственно-конфессиональных отношений в городе в 2000-х – в начале 2010-х гг. имело в целом конструктивный характер при сохранении ведущих позиций УПЦ МП по числу верующих и приходов, увеличению ее влияния в общественной и духовной жизни, что соответствовало историческим традициям Севастополя, национальному составу и вероисповедной принадлежности большинства его жителей. Особенностью региона было также отсутствие значительных конфликтов на религиозной почве.

Конфессиональная ситуация в Севастополе при совпадении главных тенденций несколько отличалась от остального Крыма. Так, процент общин УПЦ МП от общего числа религиозных организаций был выше, чем в Автономной Республике Крым (соответственно 53,3 % и 42,7 %). На второй позиции по этому показателю в городе оказались представители протестантских деноминаций (27 %) в отличие от остального полуострова, где на этом месте были мусульмане (29%), а протестанты следовали за ними (20%) [16].

После воссоединения Крыма с Российской Федерацией в марте 2014 г. большинство конфессиональных общин Севастополя безболезненно интегрировалось в российское правовое и культурное пространство, чему способствовали законодательная база (Федеральный Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г.) и правоприменительная практика,

получившие развитие в России в рамках эволюции постсоветской демократической модели государственно-конфессиональных отношений. Характерными составляющими для нее стали четкая регламентация деятельности религиозных организаций, создание механизмов адекватного административного контроля за выполнением соответствующих нормативно-правовых актов.

По данным департамента общественных коммуникаций правительства Севастополя, в 2018 г. в городе насчитывалось 54 православных церквей и соборов, 5 монастырей и скитов, около 120 тысяч прихожан УПЦ МП. Кроме того, в регионе с многонациональным составом населения действовало 6 мусульманских общин с числом активных верующих около 1300 человек, 34 национально-культурных общества и 4 национально-культурных автономии [2].

Одним из знаковых событий благополучного развития ситуации в конфессиональной сфере стала также передача в июне 2018 г. католической общине здания костела Св. Климента Римского, что означало решение в пользу верующих вопроса, который оставался актуальной проблемой в отношениях с местными католиками на протяжении почти всего постсоветского периода.

Таким образом, характер, содержание и приоритеты государственно-конфессиональных отношений в Севастополе в рассматриваемый период находились в зависимости от общественно-политической ситуации и особенностей государственной вероисповедной политики.

Во-первых, после освобождения Крымского полуострова от немецко-фашистских оккупантов и до конца 1950-х гг. в Крыму и Севастополе наметился процесс религиозного возрождения, связанный с временным отказом советского руководства от жестких мер по ограничению деятельности религиозных организаций. В этих условиях в городе было два православных прихода, которые стали главной составляющей развития духовной жизни его жителей, возвращавшихся к вере после антирелигиозных кампаний и погромов 1920-х – 1930-х гг., а также испытаний военного времени. Кроме того, получили возможность легализоваться и некоторые малочисленные сектантские общины. Актуализация этих тенденций опровергла мифы советской пропаганды о якобы естественном отмирании «религиозных предрассудков» в обществе по мере строительства социализма в СССР.

Во-вторых, в период хрущевских гонений на церковь и религию чиновники и пропагандисты стремились максимально ограничить присутствие и влияние РПЦ в Севастополе, что, прежде всего, проявилось в организации административного и морально-психологического давления на церковный совет главного городского храма – Покровского собора, результатом которого стало его закрытие в 1963 г. Во время очередной антицерковной кампании широко применялся управленческий произвол, усилились разнообразные притеснения активных верующих и духовенства. Государственная политика была ориентирована на маргинализацию религиозных общин, отсечение от них представителей молодежи и других социально активных групп населения. Несмотря на дискриминацию прав и высокую вероятность применения репрессивных санкций, православные Севастополя оказались несломленными в моральном отношении, так как не боялись заявлять о своей гражданской позиции, поднимая перед властными структурами разного уровня проблему о необходимости и неизбежности возврата здания Покровского собора и других городских храмов церкви.

В-третьих, политика перестройки на рубеже 1980-1990-х гг. привела к возникновению условий для создания новой демократической системы государственно-конфессиональных отношений, становление и эволюция которой состоялись в большинстве независимых постсоветских государств в 1990-е – 2000-е гг. Под влиянием этого процесса в Крыму и Севастополе произошло подлинное религиозное возрождение, восстановление утраченных при советской власти позиций традиционных для региона конфессий. Формирование религиозной сферы города имело конструктивный характер, происходило на фоне низкого уровня конфликтности с определением ведущей роли преобладающей по общественному влиянию, числу верующих и приходов УПЦ Московского патриархата, что соответствовало историческим особенностям Севастополя. Указанные положительные факторы и тенденции не утратили своей актуальности, так как получили дальнейшее развитие после интеграции Крыма в политико-правовое и культурное пространство Российской Федерации.

Список литературы

1. Белоглазов, Р. Н. Развитие конфессиональной ситуации в Севастополе на рубеже XIX-XX веков / Р. Н. Белоглазов, С. Н. Осиповский // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 23-29.
2. Глеб Шагун: Севастополь – пример мирного содружества разных народов // Информационное агентство AmurMedia.ru.: сайт – URL: <https://amurmedia.ru/news/755100/?from=31> (дата обращения 1.06.2020).
3. Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК), Р-3909, оп. 2, д. 18.
4. ГА РК, Р-3909, оп. 2, д. 21.

5. ГА РК, Р-3909, оп. 2, д. 23.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), Ф. 6691, оп. 6, д. 100.
7. ГА РФ, Ф. 6991, оп. 6, д. 222.
8. ГА РФ, Ф. 6991, оп. 6, д. 821.
9. ГА РФ, Ф. 6991, оп. 6, д. 1023.
10. ГА РФ, Ф. 6991, оп. 6, д. 1657.
11. Договор о передаче культовых сооружений города Севастополя Крымскому Епархиальному Управлению 1991 г. // Законодательное Собрание города Севастополя: сайт – URL: http://sevzakon.ru/view/istoriya_goroda_sevastopolya/9313/istoriya_zakrytiya_i_vozvrashheniya_kultovyh_sooruzhenij/ (дата обращения 1.06.2020).
12. Катунина, Е. В. Политика партии в отношении религиозных культов в 40-60 годы XX века (на материалах Крыма) / Е. В. Катунина // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 66. – С. 27-33.
13. Колымагин, Б. Крымская экумена: Религиозная жизнь послевоенного Крыма / Б. Колымагин. – СПб.: Алетей, 2004. – 246 с.
14. Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов. 1946 – 1961 гг.: Сборник документов / сост., предисловие: протоирей Николай Доненко, Р. А. Замтарадзе, С. Б. Филимонов. – Симферополь: Н.Оріанда, 2015. – 1232 с.
15. Кырымал, Э. Положение мусульманской религии в Крыму / Э. Кырымал // Вестник института по изучению истории и культуры СССР. – 1955. – № 2 (15). – С. 55-67.
16. Минкультуры Украины обнародовала религиозную карту Крыма 2014 года // Власти.нет: сайт – URL: <http://vlasti.net/news/191296> (дата обращения 1.06.2020).
17. Слава Севастополя. – 1994. – 24 авг.
18. Слава Севастополя. – 1997. – 15 окт.
19. Статья в газете «Слава Севастополя» «Два лица Евдокима Васильева» // Покровский собор в Севастополе: страницы истории / сост.: Н.М. Терещук, С.Е. Сорокин. – К.: КММ, 2010. – С. 139-140.
20. «Таврическая и Крымская Епархия. Архипастыри Крыма за 2000 лет». Из серии мартиролог Украинской Православной Церкви XX столетия / составитель А. В. Валякин. – Симферополь: «Родное слово», 2013. – 416 с.

Статья поступила в редакцию 2.06.2020

Beloglazov, R. N., Osipovskiy, S. N. *State-Confessional Relations in Crimea in the mid-1940s - 2010s (Based on Sevastopol Material)*

The article considers the formation and evolution of state-confessional relations in Sevastopol in the 1940s – 2010s. It is established that in the development of this process, three independent stages can be distinguished. First, the mid-1940s - the end of the 1950s, when a relatively loyal religious policy was pursued in the USSR, which contributed to the beginning of a religious revival in the region. Secondly, the period of new persecution of the church and religion that started under N.S. Khrushchev (late 1950s) and continued in the USSR with certain adjustments until the second half of the 1980s. Thirdly, the stage of liberal transformations caused by the policy of perestroika and the collapse of the Soviet Union, which formed the modern democratic system of relations between the state and religious organizations.

Keywords: Russian Orthodox Church, religious denominations, state, Catholics, Protestants, Muslims..

УДК 94(292.471-14)''179''

В статье рассматриваются различные аспекты истории Севастополя в 90-годы XVIII века. Ф. Ф. Ушаков, одержавший ряд блестящих побед в морских сражениях во время Русско-турецкой войны 1787-1791 гг., после её окончания продолжил командовать корабельным флотом, базировавшимся в Ахтиарской гавани. Являясь руководителем города в статусе старшего морского начальника, он проявил незаурядные качества администратора. Без заботы адмирала не оставалась ни одна сторона жизни офицеров, матросов и гражданского населения. Севастополь, внимание к которому со стороны высшего руководства страны ослабло после смерти Г. А. Потемкина, продолжал развиваться не только как военное поселение, но и как город со своим уникальным обликом.

Ключевые слова: Ф. Ф. Ушаков, А. В. Суворов, Ф. И. Деволян, Г. К. Голенкин, С. А. Пустошкин, П. С. Паллас, Павел I, П. К. Карцов, П. И. Сумароков, В. В. Измайлов, Ахтиар, Севастополь.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlencow.vitalij@yandex.ru

ПОСЛЕ ПОТЕМКИНА: СЕВАСТОПОЛЬ В 90-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА

Светлейший князь генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин, Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор, создатель и Главный начальник Черноморского флота, принимавший самое деятельное участие в основании и обустройстве Севастополя, скончался 5 октября 1791 г. в возрасте 52 лет. В этом же месяце Екатерина II поручила начальство над армией и флотом на юге России графу Михаилу Васильевичу Каховскому. Вице-адмирал Николай Семёнович Мордвинов в феврале 1792 г. был назначен «председательствовать в черноморском адмиралтейском правлении в Николаеве и командовать черноморским флотом и портами» [18, с. 394].

Фёдор Фёдорович Ушаков, которого Потемкин в январе 1791 года назначил старшим членом Черноморского адмиралтейского правления и фактически командующим флотом [14, с.373], вновь оказался в подчинении у Н. С. Мордвинова. Произведённый в сентябре 1793 г. в вице-адмиралы, Фёдор Фёдорович продолжал командовать корабельным флотом, базировавшимся в Севастополе. Как в военное, так и в мирное время его основное внимание было обращено на боевую и морскую подготовку личного состава. Севастопольская эскадра под командованием Ушакова ежегодно выходила в море для практического плавания. Жесткие меры принимались им для поддержания воинского порядка, пошатнувшегося после окончания военных действий. Пьянство, драки, карточные игры, самовольные отлучки, побегі стали едва ли не повседневным явлением. Приказы адмирала в этот период содержат многочисленные выражения: «наказать при команде по рассмотрению», «наказать жестоко при разводе фрунта», «наказать нещадно кошками», «наказать шпицрутенами» [23, с.67].

Ушакова, как старшего морского начальника в Севастополе, интересовало не только то, как несли службу, но и как отдыхали офицеры и матросы. В лесистой балке на Корабельной стороне поставили качели и карусели для народных гуляний. Офицерский состав в зимние месяцы, когда флот стоял в гавани, не скучал. В городе устраивались маскарады и балы, организовали театр, директором которого был капитан II ранга Петр Алексеевич Данилов, командир 50-пучного фрегата «Св. Николай» [6, с.127-128]. Для заболевших военнослужащих на возвышенности Павловского мыса возвели двухэтажное каменное здание госпиталя.

Потёмкин в свое время поручил Ушакову «раздать, по его усмотрению, вблизи Севастопольского порта нескольким флотским штаб-офицерам небольшие земли для заведения на своем иждивении хуторов с огородами» [25, с.182]. Экипажам кораблей также были выделены сельскохозяйственные участки. Это способствовало улучшению снабжения продуктами питания как военнослужащих, так и членов их семей. Место, доставшееся Ушакову, было в Георгиевской балке. Сверх того, по распоряжению Екатерины II, ему отданы были в вечное и потомственное владение леса и земли в 15 верстах от Севастополя близ деревни Дуванки [25, с.182-183], ныне Верхнесадовое, общей площадью 8506 десятин. Кроме этого, адмирал купил на Северной стороне участок земли в 1462 десятины, с находящимся на нем татарской деревней Учкуй [23, с.74].

В декабре 1792 г. Ушаков получил разрешение императрицы на четырехмесячный отпуск для поездки в Петербург. За короткое время адмирала пять раз приглашали в Зимний дворец на званные обеды к Екатерине II, где обычно присутствуют члены императорской фамилии и узкий круг высших сановников, военачальников, дипломатов [23, с.67]. Во время отсутствия Федора Федоровича должность командующего Севастопольским портом и флотом исполнял его боевой товарищ капитан генерал-майорского ранга Гавриил Кузьмич Голёнкин. Во время войны с Турцией он командовал новым 66-пушечным кораблем, спущенным на воду в 1789 г. и названным «Мария Магдалина». Отличился в сражениях в Керченском проливе, у Тендры и Калиакрии. У Тендры захватил 66-пушечный корабль «Мелеки – Бахри», включённый в состав Черноморского флота под названием «Иоанн Предтеча». Вскоре после возвращения Ушакова из столицы Г. К. Голёнкин произведён в контр-адмиралы с назначением членом Черноморского адмиралтейского правления [17, с. 395].

В 1792 г. была создана Экспедиция строения южных крепостей. Первоначально её возглавлял М. В. Каховский, которого вскоре сменил генерал-аншеф А. В. Суворов, назначенный командующим войсками, расквартированными в Екатеринославской губернии, Таврической области и в Крыму. К этому времени проект укреплений Севастополя, составленный ещё в 1786 году инженер-полковником Н. И. Корсаковым и утверждённый Екатериной II, так и остался на бумаге. Крепость по-прежнему защищали лишь земляные батареи открытого типа, поставленные в 1778 г.

По поручению Суворова инженер-подполковник Франц Павлович де Воллан (Деволан) составил новый «План Севастопольским укреплениям». Согласно этому проекту защита входа в бухту возлагалась на четыре форта, расположенные попарно на противоположных берегах рейда. Пятый приморский форт должен был не допустить высадки десанта непосредственно в город. Со стороны суши городские строения оборонял бастион на городском холме. Приморские укрепления на северной стороне бухты от нападения с тыла защищал большой редут, расположенный на возвышенности [26, с. 30]. В феврале 1793 г. Суворов прибыл в Севастополь.

К его приезду здесь сохранилось восемь батарей: Константиновская, Александровская, Николаевская, Павловская, № 1, № 2 (Михайловская), № 4 и № 5. На холме за Константиновской батареей располагалось сомкнутое укрепление неправильной конфигурации [29, с. 210]. Осмотрев фортификационные сооружения, Суворов уточнил «План Севастопольским укреплениям» де Воллана. Откорректированный документ был отправлен в столицу. Одновременно Суворов подписал «Распоряжение для производства работ предполагаемым к защите Севастопольской гавани», согласно которому осуществление плана следовало начать с 29 апреля 1793 г. [29, с. 29]. Однако в столице план де Воллана откорректировали, признав необходимыми наличие лишь четырёх фортов, защищавших вход в Севастопольскую бухту. Из них Александровский, Константиновский и Николаевский считались уже построенными и подлежали лишь реконструкции, а Северный начатым и подлежащим достройке [29, с. 34].

Весной 1794 года в Севастополе побывал Пётр Симон Паллас, немецкий учёный-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник, действительный член Петербургской Императорской Академии наук и художеств. В 1793 – 1794 годах он совершил путешествие по южным наместничествам, включая Крымский полуостров. В Севастополь П. С. Паллас добирался от Бахчисарая. На Северной стороне он увидел «большие заезжие дома, недавно построенные несколькими торговцами, думавшими создать здесь род городского предместья, чтобы содействовать перевозке съестных или иных припасов из деревень по Бельбеку и Каче в город, расположенный по другую сторону бухты. Переправа отсюда делается на шлюпках, переплывающих в город через рейд, оставляя обыкновенно экипажи подле устроенной для того почтовой станции» [20, с. 36].

Севастополь, пишет Паллас, расположен амфитеатром по южную сторону рейда, на возвышенном мысе между малой Южной бухтой и еще меньшей Артиллерийской. Он построен параллельными, поднимающимися улицами и разделен поперечными на кварталы. На самом мысе расположен так называемый дворец, дом, устроенный в 1787 г. для приема императрицы. Далее следует адмиралтейство, арсенал и дома морских офицеров, а выше – жилища горожан, рынок и недавно построенная греческая церковь, кроме другой, имеющейся для флота.

Госпитали, морские казармы и магазины находятся по большей части по другую сторону Южной бухты. Они образуют вместе с гарнизонными казармами, построенными выше, род предместья. Вне города, близ Артиллерийской бухты, находятся таможня, артиллерийские казармы и несколько домов. У следующей за ней бухты стоит здания карантин, а по берегам большого рейда – загородные дома, или хутора, принадлежащие морским офицерам. Сам по себе город Севастополь – не длиннее полутора верст. Его ширина не превышает 200 сажень (ок. 425 метров – В. К.), но в это пространство не входят ни полковые казармы, построенные более чем в 400 сажнях от верхней

части города, ни матросские казармы и госпитали, находящиеся на противоположном берегу Южной бухты.

Вход в порт защищен сильными батареями, расположенными на обоих противоположных мысах при входе на рейд. Кроме этих батарей есть еще одна, против города, и две - на двух мысах в самом городе, а также выше расположенная оборонительная линия. Одна из этих батарей, полукруглая, защищает также вход в Артиллерийскую бухту, без чего город был бы в опасном положении. У бывшей деревни Ахтиар устроены морские магазины. Когда флот разоружается, то заходит на стоянку в Южную или Малую гавань (Паллас приводит ещё одно татарское название её: Карталы-кош или «Бухта коршунов»), где находится в совершенной безопасности. Вооружившись, суда стоят в линию на Большом рейде [20, с. 37-38].

П. С. Паллас отметил в Севастополе дороговизну съестных припасов, которая вызывалась не только недостаточным снабжением, но и спекуляцией со стороны мелких торговцев, «не довольствующихся малой прибылью, но, как вошло у них в обычай, варварски притесняющих мелких морских чиновников и матросов» [20, с. 40]. Более изобильны и дешевы, чем где-либо в Крыму, лишь ржаная мука и рыба. Первая – потому что матросы, так же, как и солдаты, продают то, что не съедают, а вторая – потому что шлюпки каждого морского капитана ходят на рыбную ловлю и продают добытое на рынке. В числе рыбы особенно встречается в бухте кефаль, маленькая макрель, или пелагида, и султанка, но только самой мелкой породы – все это в больших количествах. Несколько лет тому назад открыли, что в порту есть и устрицы [20, с. 39].

Остро стояла проблема снабжения города и флота мясом. Её пытался решать Ушаков, не только направляя ходатайства во все инстанции, но и предпринимая меры на месте. Русские купцы пригоняли в город скот из степей. Свой вклад вносили хозяйства офицеров на хуторах, где откармливали птицу и свиней. Сена для прокорма коров, собираемого на месте и привозимого татарами с гор, было крайне недостаточно, особенно зимой, когда стоимость его доходила до рубля за пуд. Паллас пишет, что матросы решали вопрос по-своему, «прибегая к неоправданным средствам добычи» [20, с. 39] и дешево продавая мясо. О том, что за «средства» использовались, можно судить по следующему эпизоду:

В период отсутствия Ушакова «в Севастополе произошёл случай, который глубоко оскорбил его как начальника и возмущил своей бесчеловечной жестокостью. По просьбе одного купца, сержант морского батальона послал в поле шестерых матросов - накопать хрена. Увидев пасущееся стадо овец и баранов, матросы нашли дубины и побежали к стаду с целью похитить несколько голов, а татарин-пастух, испугавшись, бросился убежать. Матросы догнали пастуха и до смерти забили его дубинами по голове, после чего взяли несколько баранов. Севастопольский кригсрехт (военный суд) вынес по этому делу приговор: троих матросов «колесовать и на колесо тела их положить», а остальных троих прогнать шпицрутенами шесть раз сквозь строй, и вычест из их жалования за похищенных баранов. Но в виду того, что императрица запретила смертную казнь, то суд вместо колесования постановил прогнать всех шестерых шпицрутенами через тысячу человек - каждого по двенадцать раз. Сержанта, который послал тех матросов копать хрен, разжаловать в рядовые «чтоб впредь самовольно неотваживался посылать военнотружущих на партикулярные услуги» [5, с. 264].

Академик Паллас обратил внимание на дороговизну строевого леса и дров. Редкость топлива так велика, писал он, что можжевеловый, прежде довольно многочисленный на почве Херсонеса, истреблен. Город испытывал нужду в достаточном количестве «хорошей здоровой воды» [20, с. 39]. Зажиточные жители доставляли ее за пять верст по Балаклавской дороге из колодца глубиной в четыре сажени. Остальные же не имели на это средств, и употребляли солоноватую воду из нескольких колодцев на берегу моря. Вместе с употреблением соленых припасов обычной пищи, это, по мнению Палласа, способствовало распространению в зимний период заболевания цингой [20, с. 39-40]. Много времени уделил академик исследованию остатков древних городов Херсонеса и Инкермана, оставив подробнейшие описания их руин.

В первой половине 90-гг. XVIII века в Севастополе продолжалось формирование органов местного самоуправления. 5 марта 1791 г. открылся сиротский суд, задачей которого являлось сохранение собственности вдов и малолетних сирот. Согласно российскому законодательству, в состав его должны были входить городской голова и члены магистрата. Поскольку в Севастополе городской голова к этому времени не избирался, то подпись за него поставил бургомистр Георгий Фризин [28, с. 10]. В ноябре 1793 г. были образованы два словесных суда, по одному в каждой части города. В них разбирались мелкие гражданские тяжбы, большинство из которых заканчивалось мировыми соглашениями. Известно, что в 1796 г. словесными судьями были утверждены избранные горожанами купцы Михаил Суворов и Иван Константинов [28, с. 10].

В российских городах с упрощённым местным самоуправлением домохозяева ежегодно избирали городского старосту. Он выполнял задания магистрата, неся ответственность как перед ним, так и перед городским обществом. Известно, что в 1793 г. городским старостой в городе был Дмитрий Шетунов. В 1796 г. Таврическое областное правление утвердило на должности севастопольских старост мещанина Кузьму Кондратьева и грека Яни Хаджи Кокони. Они были приведены к присяге и допущены к исполнению обязанностей [28, с. 11]. В этом же 1796 г. первым городским головой Севастополя был избран на трехлетний период купец Михаил Левашов. К этому времени он уже имел большой опыт работы на общественном поприще. До 1790 г. был одним из городских присяжных оценщиков, задачей которых было определение стоимости недвижимого имущества, а с 1791 г. – бургомистром Севастопольского городского магистрата [28, с. 105].

6 ноября 1796 г. на российский престол вступил новый император Павел I, решительно приступивший к реформированию сложившихся при Екатерине II порядков. В начале 1797 года он направил контр-адмирала Петра Кондратьевича Карцова для инспекции Черноморского флота, пользовавшегося с момента основания значительной самостоятельностью. 16 апреля 1797 г. Карцов послал императору донесение [15, с. 86-88], в котором приводит подробное описание Севастополя как города, порта и крепости. В документе отмечалось, что при входе в севастопольский залив, на северном и южном мысах, также возле города и при самой бухте, построены, довольно сильные каменные батареи, которые однако, до конца не готовы.

Суда, находящиеся в порту, расположены на якорях возле берега и содержатся чисто и с бережливостью. У каждого корабля есть своя пристань, на которую положена его артиллерия и рангоут, и также магазин, где хранятся припасы и такелаж. Пороховых погребов не имеется, но порох удобно хранится в специально вырытых прибрежных пещерах, в основном в Инкермане. Строительство новых кораблей в адмиралтействе не производится, только починка и исправление. К донесению Карцова следует добавить, что в севастопольском адмиралтействе к этому времени уже был опыт нового судостроения. В 1794 году здесь заложили две морские шхуны длиной корпуса 23, 8 метра и глубиной трюма около 3 метров. Построенные по чертежам и под руководством корабельного мастера секунд-майора Ивана Ивановича Юхарина, они были спущены на воду 18 августа 1795 г. На каждой из шхун, назначенных в состав гребной флотилии, поставили по восемь артиллерийских орудий [9, с. 134].

Карцов сообщал императору, что казармы для экипажей построены на высотах берегов вокруг гавани против каждого корабля. Они каменные, одноэтажные, сухие и чистые, некоторые покрыты черепицей, другие землёй. Строительство казарм и корабельных магазинов, а также обустройство берега делается корабельными служителями без всякой платы от казны, с небольшим обеспечением казёнными материалами. Имеется двухэтажный каменный госпиталь на 300 человек, с казармами для госпитальных служителей при нём. Бельем и все необходимым он достаточно снабжён, «больные пользуются и содержатся с рачением» [15, с. 87].

Дома в Севастополе по большей части принадлежат морским офицерам и прочим флотским и адмиралтейским чинам. Многие здания довольно хорошо выстроены, в числе их 20 домов принадлежащих казне, в которых помещаются флагманы, штаб и обер-офицеры. Год спустя губернский землемер, коллежский асессор и кавалер Павел Семёнович Чуйко заметил, что положение Севастополя между двумя гаванями, на возвышенном и гористом месте, привело к тому, что он «так стеснён, что в самом городе не только пространных дворов, ниже самых нужных иметь невозможно; казённое строение, и многие партикулярные выстроены из дикого бутового, а некоторые из тесаного камня» [24, с. 32-33].

В Севастополе в это время были две каменные церкви. Одна из них, церковь Св. Николая (Адмиралтейская), перестроенная на средства казны из часовни. Вторая – греческая церковь Св. Петра и Павла, возведенная на городском холме, была освящена в 1792 г. Через два года при ней числилось 30 дворов и 104 прихожанина, из них 26 офицеров и 12 купцов [13, с. 208]. В окрестностях Севастополя греческие храмы действовали также в Балаклаве, селах Карань (ныне Флотское - ВК) и Камары (ныне Оборонное – В. К.) [3, с. 181]. До 1799 г. все севастопольские церкви находились в подчинении викарного епископа феодосийского и мариупольского [3, с. 183].

Подавляющее большинство жителей города в первые десятилетия после его основания составляли военнослужащие. К донесению адмирала Карцова, направленного императору 16 апреля 1797 г., прилагалась табель, в которой указана численность разных чинов, находившихся в Севастополе: «флотских 7126, артил. 1238, солдатск. 1129, ведом. комиссариатского и интендантского 590, гарниз. 5, итого 10088 человек» [15, с. 88]. Число гражданских лиц в городе долгое время осталось незначительным. Согласно «Ведомости о населении, дворах, землях, скоте, заводах и

мельницах по Таврической области», составленной не ранее 1792 г. и подписанной правителем Таврической области генерал-майором Семёном Семёновичем Жигулиным, в Севастополе насчитывалось дворов 28, жителей мужского пола 197, женского 49, лавок и магазинов 211, постоянных дворов 10 [24, с. 32].

27 мая 1794 г. последовал рескрипт Екатерины II на имя адмирала Н. С. Мордвинова. Императрица обратила внимание на то, что «в порте Севастопольском с начала его заведения поселились между воинскими служителями по берегам бухт Корабельной и в окрестностях адмиралтейства без различия люди для флота посторонние, а у них уже имеют пристанище и всякого рода приезжие иностранцы». Поэтому было повелено ненужных для флота людей вывести из военной гавани и порта Севастопольского [10, с. 65]. Ревностное исполнение этого рескрипта местным начальством стало одной из причин того, что численность гражданского населения города несколько уменьшилась.

При Павле I Высочайшим указом от 13 февраля 1798 г. в Севастополе, как военной гавани, запрещалось селиться иностранцам [22, с. 65]. В этом году в городе, по данным губернского землемера, проживали 141 мужчина и 62 женщины (соответственно 31 и 20 купеческого сословия, 95 и 29 мещанского, 12 и 3 помещичьего, 3 священнослужителя) [24, с. 32]. При этом среди гражданского населения в 1799 году насчитывалось всего 94 христианина (50 мужчин и 44 женщины) [13, с. 211], остальные были иноверцами – мусульманами и иудеями.

Единственным крупным предприятием в городе оставалось адмиралтейство. Казённая промышленность также представлена каменными карьерами, кирпично-черепичными и известковыми производствами, хлебопекарнями и сухарным заводом, которые предназначались для обеспечения потребностей флота и крепости [8, с. 46]. Городская торговля была развита слабо. Путешественник и писатель, отставной штабс-капитан Павел Иванович Сумароков, в 1799 году насчитал в городе 86 лавок, продажа по которым «весьма маловажна, и дороговизна в нём для жизни чрезмерна ... живность с трудом найти можно, а прочие вещи привозимые из столицы выходят уже из цены» [27, с. 115].

Окрестные жители не могли снабдить город сельскохозяйственными продуктами, так как их хозяйства носили в значительной степени натуральный характер. Одной из существенных причин, сдерживающих развитие экономики города, было отсутствие удобного сухопутного сообщения. Особенно это сказывалось в осенние и зимние месяцы, когда грунтовые дороги становились труднопроходимыми [12, с. 54]. Приезжающие на судах иностранные купцы торговали по воскресным дням шелковыми, бумажными и шерстяными тканями, бакалеей и другими товарами. Два раза в год были ярмарки – 1 мая и 1 сентября. Севастопольские купцы и мещане вели торговлю не только в своем городе, но и в других [24, с. 32], но в весьма скромных объемах. Так, например, стоимость товаров, вывезенных через крымские порты в 1793 г. составила в Феодосии 54281 рубля, Керчи 9960 рублей, Еникале 4322 рубля, а в Севастополе всего лишь 858 рубля [7, с. 254].

При Павле I Севастополь в официальных документах стали именовать Ахтиаром. Вопрос о том, когда и на основании какого указа императора произошло переименование, остается открытым. Редактор «Морского сборника» генерал-майор Р. К. Скаловский в 1856 г. писал о том, что в ноябре 1797 года последовало Высочайшее повеление: «Все места в Крыму находящиеся, называть прежними их именами», и потому города: Евпатория назван был – Кезлов; Севастополь (по гречески: знаменитый город) – Ахтиар (по татарски: белая или меловая гора); Симферополь (по гречески: град пользы, или пользу приносящий) – Ахмечеть (по татарски – белая мечеть); Феодосия - Кефа, и проч.» [25, с. 191].

В. Ф. Головачёв в книге «История Севастополя», вышедшей в 1872 году, писал, не указывая источник: «В ноябре 1797 года состоялось высочайшее повеление об именовании Севастополя его старым названием Ахтиара» [4, с. 195]. Это же повторяет Н. К. Шильдер в биографии Павла I, изданной в 1901 году [30, с. 304], также без указания на источник. В 1908 году Д. И. Каллистов приводит соответствующую цитату из сочинения Р. К. Скаловского [19, с. 13-14]. Севастопольский историк Г. И. Ванеев в 1783 году писал, что император Павел I переименовал Севастополь в Ахтиар 12 декабря 1796 года [2, с. 13]. При этом он ссылается на вышедшие в 1951 году «Очерки по истории Крыма» П. Н. Надинского [16, с. 96], который, впрочем, не указал источник своего утверждения.

«Полное собрание законов Российской империи» и другие публикации, содержащие указы Павла I, не приводят текст соответствующего рескрипта. Согласно опубликованным источникам, император ещё в своем указе на имя адмирала Александра Ивановича Круза от 23 апреля 1798 г. именовал город Севастополем [15, с. 231]. 15 сентября Павел I впервые называет его Ахтиаром в указе на имя адмирала Ф. Ф. Ушакова [15, с. 264]. В документах Адмиралтейств-коллегии это

наименование впервые встречается в журнале от 16 ноября 1798 г. (№ 7967) [15, с. 333]. В дальнейшем в официальных документах город называется Ахтиаром вплоть до конца правления Павла I, затем до февраля 1826 года использовались оба названия.

Осенью 1798 года Севастопольская бухта опустела. Россия и Турция заключили военный союз против Французской республики, начавшей экспансию в Средиземноморье. Павел I направил в Италию 45-тысячный корпус под командованием А. В. Суворова, а в Средиземное море эскадру под командованием Ф. Ф. Ушакова. В августе 1798 г. 6 кораблей, 7 фрегатов и 3 посыльных судна вышли из Ахтиарской бухты и взяли курс на Константинополь. На борту, кроме экипажей, находились 1700 морских гренадеров Черноморских флотских батальонов, предназначенных для десантных операций [15, с. 298]. Старшим морским начальником в Ахтиаре остался капитан над портом Семен Афанасьевич Пустошкин [18, с. 630].

В Дарданеллах под начальство Ф. Ф. Ушакова поступила турецкая эскадра в составе 3 кораблей, 6 фрегатов, 3 корветов и 14 канонерских лодок под начальством опытного адмирала Кадыр-Абдулбея, участвовавшего во многих морских сражениях [25, с. 243]. Основные силы союзников направились к Ионическим островам, занятым французами годом ранее. В течение шести недель, с 25 сентября по 2 ноября, в бурную и ненастную погоду, десантные отряды при артиллерийской поддержке с кораблей заняли острова Цериги, Занте, Кефаллония и Святой Мавры [25, с. 270]. 19 февраля 1799 г. капитулировал французский гарнизон острова Корфу. За взятие Корфу Павел I произвел Ф. Ф. Ушакова в адмиралы.

После исправления кораблей эскадра направилась к берегам Италии для спасения союзника Павла I неаполитанского короля Фердинанда IV. Моряки и десантные отряды освободили от французов Неаполитанское королевство, города Бриндизи, Бари и Манфредония. Отряды контр-адмирала Павла Пустошкина и капитана 2 ранга Николая Войновича блокировали Геную, Анкону и другие порты. Десант под командованием капитан-лейтенанта Григория (Генри) Белли после освобождения от французов Неаполя направился к Риму и 30 сентября 1799 г. вступил в город.

Осенью 1799 г. Павел I, раздосадованный вероломством и пренебрежительным отношением со стороны австрийских и британских союзников по Второй антифранцузской коалиции, принял решение о возвращении в Россию войск, находившихся в Средиземноморье. Адмирал Фёдор Ушаков получил рескрипт императора, предписывавший «соединить с собою все отделённые эскадры», и, забрав «находящиеся в Неаполитанском Королевстве войска Наши... возвратиться к своим портам. В Корфу и прочих островах могут введены быть турецкие гарнизоны по выходе вашем» [1, с. 174].

Путь в родную гавань оказался долгим. Лишь вечером 26 октября 1800 г. Севастополь встретил эскадру адмирала Ф. Ф. Ушакова. За время его двухлетнего отсутствия в руководстве Черноморским флотом произошли перемены. 21 января 1799 г. адмирал Н. С. Мордвинов был вызван императором в столицу и уволен от службы. Должность Главного командира Черноморского флота занял любимец Павла I, 60-летний адмирал Вилим Петрович Фондезин. Ф. Ф. Ушаков в ожидании монаршего решения о своей дальнейшей службе продолжил исполнять обязанности старшего морского начальника в Севастополе. Много времени отнимала у него подготовка отчётов о Средиземноморской экспедиции, составление документации на ремонт кораблей, приведение в порядок основательно запущенных личных хозяйственных дел. Капитан I ранга Семен Афанасьевич Пустошкин после возвращения эскадры Ушакова вернулся к хлопотным обязанностям капитана над портом.

За время двухлетнего отсутствия Ушакова в Севастополе произошли лишь незначительные перемены. Появилось несколько новых частных домов, да прибавилось немного оседлых жителей из окрестных мест, «преимущественно промышленного класса и между ними небольшого числа караимов» [4, с. 215]. С последних Высочайшим указом повелено было «не брать двойных податей, каковыя положены на всех вообще евреев, а взыскивать их наравне с прочими купцами и мещанами, живущими в Таврической губернии, наблюдая при этом, чтоб в общество сих Караимов не входили из Евреев, известных под названием раввинистов» [21, с. 705].

О том, каким представал Севастополь перед его гостями в это время, мы можем судить по запискам современников. Уже упоминавшийся Павел Иванович Сумароков впервые побывавший в нём в июне 1799 г., отметил, что прежде город «назывался Севастополем, а ныне наречён Ахтиаром». Пробыв здесь десять дней, он написал, что город «очень хороший», построен «в новейшем европейском вкусе» и «странный представляет собой вид посреди прочих азиатских в Крыму городов». Он расположен на берегу Южной бухты, «к которой склоняются амфитеатром несколько рядов улиц, одна другой выше с преизрядными каменными добрых фасад домами» [27, с. 112].

Постройки, разбросанные по берегам, придавали городу «весьма приятный вид». Впрочем, как отмечает Сумароков «местоположение его единообразно и некрасиво». Возможно такое впечатление было вызвано грустным видом гавани, опустевшей после ухода эскадры в Средиземное море. Павел Иванович насчитал в Ахтиаре, не считая казарм, 741 дом, из которых 610 принадлежали морским и 45 отставным офицерам, 68 - купцам, мещанам и священнослужителям. Крепости в Ахтиаре нет, отмечает Сумароков, но приближение к нему по бухте защищено огромными батареями, которые, как и пристань, «сделаны из белого камня довольно искусно» [27, с. 115].

В 1799 г., через несколько месяцев после П.И. Сумарокова, в городе побывал отставной секунд-майор, писатель и журналист Владимир Васильевич Измайлов, путешествовавший по южной России. Осмотрев Инкерман, он на баркасе перебрался в Ахтиар, которые с своих записках именует только Севастополем. Приверженный в своем литературном творчестве крайнему сентиментализму, Измайлов описывает «славный порт» в восторженных тонах: «Возвышенный берег, омываемый морем, представляет взорам путешественника город Севастополь в образе величественного и прекрасного амфитеатра. В сем городе живет дух Екатерины II... Севастополь родился, так сказать из руин Херсонеса; камни и мраморы, оставшиеся от сего древнего города, служили основанием нового. Одно упадает, другое возвышается» [11, с. 17-18].

«Город очень хорош; есть прекрасные здания, дома в несколько этажей, и по большей части каменные; улицы регулярны, все показывает вкус Екатеринина века; Русских жителей довольно, но ещё более чужестранных» [11, с. 19]. Владимир Измайлов обратил внимание не только на преимущество Севастополя от античного Херсонеса, но и на тесную связь жизни города с пребыванием в нём флота: «За два года перед сим была здесь, как сказывают, чрезвычайная живость; флот стоял в море; купеческие корабли отовсюду приставали к берегам; но раздались военные громы, флот удалился, и торговля померкла» [11, с. 19]. Это пронизательное замечание сохраняло актуальность для всей последующей истории Севастополя.

Список литературы

1. Адмирал Ушаков. Сборник документов и материалов. Т. 3. – М.: Военно-морское издательство Министерства Военно-морских Союзов СССР, 1956. – XXVIII, 562 с., 2 л. ил.
2. Ванеев, Г. И. Севастополь. Станицы истории. 1783 – 1983: Справочник / Г. И. Ванеев. – Симферополь: Таврия, 1983. – 207 с.
3. Гермоген, еп. Таврическая епархия / [Соч.] Гермогена, еп. Псковского и Порховского, бывшего Таврического и Симферопольского. – Псков : тип. Губ. правл., 1887. - [2], IV, 520 с., 1 л. табл.; 24.
4. Головачов, В. Ф. История Севастополя как русского порта / В. Ф. Головачов. – СПб.: Типография департамента уделов, 1972. – 268 с.
5. Гребенщикова, Г. А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. В 2 т. / Г. А. Гребенщикова. – СПб. : Остров, 2012. Т. II. – 559 с.
6. Данилов, П. А. Жизнь моя. Записки адмирала Данилова / П. А. Данилов. – Кронштадт: Изд. Кроншт. Вест., 1913. – 168 стр.
7. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. / Е. И. Дружинина. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 279 с.
8. Дьяконова, И. А. Под жезлом Меркурия / И. А. Дьяконова // Достойный поклонения. – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 45-52.
9. Зубов, Б. Н. Развитие кораблестроения на юге России / Б. Н. Зубов. – Калининград : Кн. изд-во, 1990. – 382 с.
10. Иванов, П. А. Очерк деятельности на юге России адмирала графа Н. С. Мордвинова / П. А. Иванов // ИТУАК. 1895. № 23. – С. 24-70.
11. Измайлов, В. В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова / В. В. Измайлов. Часть Третья. – М. : В типографии Христоф. Клаудия, 1805. – 148 с.
12. История города-героя Севастополя. 1783-1917 / Отв. ред. д-р ист. наук С. Ф. Найда. – Киев: Изд-во АН УССР, 1960. – 370 с.
13. Лебединцев, А. Г. Столетие церковной жизни Крыма. 1783 – 1883 г. / А. Г. Лебединцев // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса, 1883. Т. 13. – С. 201-219.
14. Материалы для истории Русского флота. Часть XV. – СПб: Типография Морского Министерства, 1895. – 596 с.

15. Материалы для истории Русского флота. Часть XVI. – СПб: Типография Морского Министерства, 1902. – 671 с.
16. Надинский, П. Н. Очерки по истории Крыма. / П. Н. Надинский. Ч. 1. – Симферополь: Крымиздат, 1951. – 232 с.
17. Общий Морской список. Часть III. Царствование Екатерины II. – СПб.: Типография В. Демакова, 1890. – 608 с.
18. Общий Морской список: Ч. IV : Царствование Екатерины II. К-С. – СПб.: Типография В. Демакова, 1890. – 712 с.
19. О праве Морского ведомства на землю в городе Севастополе и в его окрестностях / Сост. Д.И. Каллистов. – Севастополь : тип. Н.А. Ковалева, 1908. – [4], VIII, 137 с.
20. Паллас, П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / П. С. Паллас. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
21. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXIII. 1789 – 6 ноября 1796 гг. – СПб. : Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 974 с.
22. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXV. 1798 – 1799 гг. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 932 с.
23. Сацкий, А. Г. Федор Федорович Ушаков / А. Г. Сацкий // Вопросы истории. – 2002. – № 3. – С. 51-78.
24. Севастополю 200 лет, 1783-1983 : Сб. документов и материалов / Сост. Г. И. Ванеев и др. – Киев : Наук. думка, 1983. – 410, [5] с.
25. Скаловский, Р. К. С. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова / Р. К. Скаловский. – СПб. : Мор. учен. ком., 1856. – [2], 6, XXVI, 445 с.
26. Скориков, Ю. А. Севастопольская крепость / Ю. А. Скориков. – СПб.: Стройиздат, 1997. – 320 с.
27. Сумароков, П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – М.: Университетская типография, 1800. – 250 с.
28. Терещук, Н. М. Севастопольское городское управление. Конец XVIII – первая половина XIX в. Часть I / Н. М. Терещук. – Севастополь : Телескоп, 2019. – 188 с.
29. Тимченко-Рубан, Г. И. Очерк деятельности великого князя и императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью. Т. II.: Инженерная подготовка границ / Г.И. Тимченко-Рубан. – СПб.: Типография Главного Военно-Технического Управления, 1914. – 429 с.
30. Шильдер, Н. К. Император Павел I : Историко-биографический очерк / Н. К. Шильдер. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901. – [8], 606 с.

Статья поступила в редакцию 25.04.2020

Kovalenko, V.V. *After Potemkin: Sevastopol in the 1790s*

The article considers various aspects of history of Sevastopol in the 1790s. Having gained a number of brilliant victories in sea battles during the Russian-Turkish war of 1787-1791, after the termination of the war F.F. Ushakov continued commanding the fleet based in Akhtiar harbor. Being the city head in the status of the local naval commander, he showed outstanding administrator qualities. The admiral attended to every aspect of life of officers, bluejackets and civil population. Sevastopol, attention to which from the top management of the state had weakened after G. A. Potemkin's death, continued developing not only as a military settlement, but also as a city with the unique image.

Keywords: F. F. Ushakov, A. V. Suvorov, F. I. Dewolang, G. K. Golenkin, S. A. Pustoshkin. P. S. Pallas, Pavel I, P. K. Kartsov, P. I. Sumarokov, V. V. Izmaylov, Akhtiar, Sevastopol.

УДК 94(497.4)''190/192''

В статье рассматриваются особенности болгарского геополитического дискурса в начале XX века, связанные с попытками реализации национального идеала «Великой Болгарии». Показывается, что после восстановления Болгарского царства в 1908 году в стране началась активная кампания по продвижению великоболгарской имперской идеологии и её символов, проводником которой был царь Фердинанд I Кобург. В этот период Болгария пытается осуществлять территориальную экспансию во всех направлениях - Беломорская Фракия, Македония, Поморавия и Северная Добруджа, а в мире возник образ болгар как «пруссак на Балканах». Стратегические просчёты болгарского руководства привели к тому, что страну постигли две национальные катастрофы, сделавшие чрезвычайно сложной решение болгарского национального вопроса. Обращается внимание на попытки переложить ответственность за последствия этих стратегических просчётов на Россию.

Ключевые слова: болгарский геополитический дискурс, «Великая Болгария», Фердинанд I, Балканские войны, Первая мировая война, великие державы.

А. А. Ковалевский, ст. преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: ilabian.org@gmail.com

«ВЕЛИКАЯ БОЛГАРИЯ» И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НАЧАЛА XX В.

Современная этногеополитическая ситуация на Балканах характеризуется ростом националистических настроений, нарастанием противоречий и высоким риском эскалации напряжённости, возрождением традиционных амбиций и соперничества региональных держав. Македонский вопрос вновь, как и в начале XX в., оказывается в центре балканской «повестки дня», но к нему добавляются косовско-албанский и черногорский вопросы. В связи с этим представляет интерес изучение особенностей болгарского геополитического дискурса в начале XX века, связанных с попытками реализации национального идеала «Великой Болгарии», что и является целью данной статьи.

22 сентября 1908 г., во время премьерства лидера Демократической партии Александра Малинова, Болгария воспользовалась сумятицей в Османской империи и отбросила вассальную зависимость от Османской империи. При провозглашении независимого Болгарского царства Восточная Румелия окончательно вошла в состав Болгарии. В тот же день в Церкви Сорока Севастийских мучеников в древней столице Второго Болгарского царства Тырново Фердинанд I был провозглашен «царём болгар», восстановив титул болгарских монархов Первого и Второго царств. В манифесте, провозгласившем независимость Болгарского царства, специально отмечены две предшествующие исторические даты: 19 февраля 1878 г. – падение турецкого рабства, с благодарностью Царю Освободителю великого братского Русского народа и королю Румынии, и 6 сентября 1885 г. – объединение Болгарского княжества с Восточной Румелией [15].

Россия первой признала Фердинанда царем. К тому же, опередив коллегу из Вены, русский посланник предъявил первым свои грамоты и стал дуаиеном дипломатического корпуса, к большому неудовольствию царя Фердинанда. В апреле 1909 г. именно Россия дала материальную возможность Болгарии откупиться от Порты, списав причитавшуюся России часть османского долга, оставшегося после войны 1877-1878 гг. – 125 млн. золотых франков или по тогдашнему курсу около 50 млн. золотых рублей, которая была зачтена в выплату за Болгарию стоимости участка Восточных железных дорог в Восточной Румелии. Независимость Болгарии была признана 6 апреля 1909 г. подписанием протокола в Константинополе [15]. В обмен на признание Османской империей независимости Болгарского царства последнее гарантировало соблюдение религиозных и гражданских прав проживающих в Болгарии турок и других мусульман, которые с суверенизацией Болгарии оказались в статусе национального и религиозного меньшинства.

Статья 17 Конституции Болгарии гласила: «Българският Цар носи титлата Негово Величество Цар на България, а престолонаследникът - титлата Царско Высочество». Различие в титулах «Царь Болгарский» и «Царь Болгар (на България)» не так уж малозначительно. Второй титул обозначает претензию на власть над всеми болгарам, независимо от неустоявшихся балканских границ. После восстановления Болгарского царства началась активная кампания по продвижению великоболгарской

имперской идеологии и её символов. Так, в стране тиражировались открытки, на которых Фердинанд изображался с инсигниями византийских василевсов. Позолоченная мозаика столичного собора Св. Александра Невского изображает царственную пару Фердинанда и Элеонору (католика и протестантку) в одеянии византийских императоров, а ктиторский текст начинается следующими словами: «Во времена благочестивого и христолюбивого царя всех болгар Фердинанда Вотинского ...». Мозаика была разрушена по политическим причинам в 1947 г., но недавно была полностью восстановлена. Кроме того, перед Балканской войной в столице развернулись работы по созданию нового императорского дворцового комплекса на бульваре Царя-Освободителя.

Темпы культурного и экономического развития Болгарии в начале XX в. поражали Европу и не только её. В 1912 г. экс-президент США Теодор Рузвельт заявил, что «нет ни одной нации, которая бы за последние 35 лет имела бы такой бурный рост, как болгарская. Подъем Болгарии даже больше, чем подъем Японии». Царь Фердинанд уделял особое внимание армии и военному строительству. Болгарская армия была вооружена самым современным оружием и военной техникой.

Экономические успехи Болгарии, сделавшие её ведущей региональной державой на Балканах, как и хорошо организованная и мотивированная армия, создавали условия для попыток реализации доктрины «Великой Болгарии», воплотившей сильные национальные устремления к объединению болгарского народа. Она была ответом на сильное общественное возмущение раздробленностью этнических болгарских земель после Берлинского конгресса и незавидным положением болгар в соседних странах. Болгарская элита рассчитывала, что Болгария станет бесспорным гегемоном в Юго-Восточной Европе и получит возможность приобрести как можно большую долю османского наследства в ожидаемом распаде империи.

Внешнеполитическая программа Фердинанда I Кобурга [8] была последней из панидеев переустройства Балкан, опиравшихся на имперскую идеологическую традицию [14, с.17]. С 1896 по 1918 гг. он пытался военными средствами повторить геополитические успехи времен царя Симеона I. В этот период Болгария пытается осуществлять территориальную экспансию во всех направлениях – Беломорская Фракия, Македония, Поморавия и Северная Добруджа, причем болгарские войска почти достигают двух «жемчужин» Балканского полуострова – Константинополя и Салоник. Именно тогда возник образ болгар как «пруссаков на Балканах»!

Болгарская геополитическая мысль накануне и в ходе Балканской войны находилась перед стратегической дилеммой: Македония или Константинополь? При планировании военных операций в генштабе шёл спор о том, куда направить главные усилия болгарской армии – на запад (Македония) и юг (Беломорье) или на юго-восток (Восточная Фракия и Константинополь). Принималось во внимание, что Болгария не могла бы избежать столкновения с главными османскими силами на юго-востоке, а из-за ограниченности ресурсов продолжительная война не была в интересах болгар. Западное и южное направления отвечали бы задачам присоединения Македонии и Беломорской Фракии, но Порты в это время могла бы мобилизовать и сосредоточить превосходящие силы на востоке, что поставило бы болгарскую армию перед огромной проблемой. Поэтому с военной точки зрения разгром основных османских сил на юго-востоке был выгоднее, а предполагаемое взятие Константинополя дало бы веский аргумент в дальнейших переговорах по Македонии и Беломорской Фракии – ведь, несмотря на договоренности, Сербия и Греция могли бы отказаться передать их болгарам, как оно и случилось.

Неожиданный успех болгарской армии на Фракийском фронте в 1912 г. привел к тому, что Болгария, претендуя на роль наследницы Византии, попыталась реализовать второй сценарий. При этом в Софии сознавали, что он приведёт к столкновению болгарских и русских интересов, но исходили из того, что утверждение России в зоне Проливов отнюдь не поддерживалось безоговорочно ни союзниками России по Антанте, ни тем более её противниками, так как это серьезно изменило баланс сил в Средиземноморье и в Европе в целом [14, с.18]. По мнению Р. Р. Субаева, анализируя возможные варианты решения судеб Константинополя и Проливов, царь Фердинанд пришел к выводу, что ни сохранение здесь под контролем держав «прогнившей турецкой администрации», ни передача Константинополя новоявленному «Константину XII» – греческому королю датской династии Константину I, ни превращение священного города в международный «вольный город», что привело бы к созданию в нем «финансового рынка для европейских, американских и еврейских капиталов», ни тем более утверждение здесь России, «враждебной всем здоровым силам Европы», не являлось бы подлинным решением Восточного вопроса. Единственным приемлемым вариантом, с точки зрения болгарского царя, могла быть только его формула: «Утверждение на берегах Босфора государства, достаточно сильного для охраны Проливов, но

недостаточно могущественного для угрозы нарушения сложившегося в Европе баланса сил, то есть – Болгарии» [14, с.18].

В случае временной оккупации Константинополя мир с Турцией планировалось подписать там же, где и 35 лет назад – в Сан-Стефано, и желательно в тот же день 19 февраля (3 марта по н.ст.), а перед планируемой торжественной коронацией в соборе Св. Софии императором Великой Болгарии Фердинанд намеревался принять новое тронное имя – Симеон, чтобы, как пишет Р. Р. Субаев, спустя тысячу лет реализовать болгарскую имперскую идею построения ими, а не греками Империи Востока [14, с.18-19].

В этот же период усилиями, в частности, Й. Иванова и Хр. Сиянова формулируются концептуальные основы болгарского восприятия Македонии. По словам М.В. Кирчанова, «исследования Йордана Иванова и Христо Сиянова – классика, которая лежит в основании фундамента болгарских представлений о Македонии» [6]. Йордан Иванов (1872-1947) – один из крупнейших болгарских этнологов и автор ряда работ, посвященных этнической истории Балкан, среди которых наиболее известной является книга «Болгары в Македонии. Исследования и документы об их происхождении, языке и народности с этнографической картой и статистикой» [5]. Будучи последовательным примордиалистом, Й. Иванов полагал, что на территории Болгарии, Македонии и Фракии, начиная от проникновения славян, жило население славянского происхождения, которое в языковом и этническом плане являлось болгарским [5, с. 3-6]. Это славянское население было гомогенным, то есть болгарским. Из этого он выводил континуитет между первыми славянами на территории Македонии и её современным населением, которое определялось как болгарское [5, с. 32]. Й. Иванов полагал, что македонцы, будучи болгарами и носителями именно «болгарского сознания» [5, с.74], говорят на болгарском языке. Язык македонцев рассматривался им как один из болгарских диалектов, который связан с другими болгарскими говорами, развиваясь в рамках болгарского этнического массива на Балканах [5, с. 63].

Полемизируя с сербскими и греческими авторами, настаивавшими, что население Македонии не имеет национального сознания, являясь сербским и греческим, или потенциально будучи таким, он рассматривал историю Македонии как часть болгарской истории. Историю Болгарии он изображал как историю постоянных территориальных потерь в результате отторжения соседями исторических болгарских земель. В частности, отношения с греками Й. Иванов интерпретировал как «греко-болгарскую этническую борьбу» [5, с. 37]. Так, он настаивал, что Солунь в период Средневековья был преимущественно болгарским городом, а его эллинизацию он связывал с захватом города греками и изгнанием оттуда славянского болгарского населения [5, с. 42-43]. Аналогичным образом он оценивал отношения с сербами, отмечая, что сербы отторгли болгарские территории в Македонии, пытаясь ассимилировать местное население. С сербским господством он связывал проникновение сербских элементов в язык славянского населения Македонии, говорившего на болгарских диалектах [5, с. 48-49]. Территориальные потери привели, как показывал Й. Иванов, к тому, что часть болгарского населения не только попала под «чуждые влияния» [5, с. 34], но и постепенно утратила свою болгарскую идентичность и связь с Болгарией.

Символической фигурой, воплощающей связь этой теории с усилиями по её реализации на практике, является Христо Сиянов – одним из идеологов болгарского македонизма и видных деятелей ВМОРО, занимавший к тому же прорусские позиции. В августе 1915 г. он опубликовал свою книгу «Сербско-болгарский спор и Россия», в которой выразил мнение, что сербские жизненные интересы сосредоточены вокруг Адриатики и Моравы, а болгарские – вокруг Вардара и Белого моря, поэтому российское стремление к поддержанию баланса сил в регионе не противоречит интересам Болгарии. Позднее, в 1933 и 1943 гг. вышла двухтомная книга Хр. Сиянова «Освободительная борьба в Македонии» [11], [12].

Как и Йорданов, Хр. Сиянов позиционировал борьбу Болгарии за право обладать Македонией как борьбу за объединение исторических болгарских земель и «духовную целостность болгарской нации» [11, с.VI]. По его мнению, территория Македонии была населена этническими болгарскими народами, поэтому македонская история – неотъемлемая часть болгарской истории. В связи с этим он акцентировал внимание на участии и вкладе «македонских болгар» в общеполитическую историю, подчеркивая, например, то, что «Македония участвовала в борьбе за независимую болгарскую церковь» [11, с.1]. В силу всего этого македонский вопрос не имеет самостоятельного характера, являясь исключительно частью болгарского вопроса [11, с.7]. По мнению Хр. Сиянова, Болгария имела все шансы подчинить Македонию во второй половине 70-х гг. XIX в., но Берлинский конгресс привел к сокращению территории Болгарии, в чём он видел сознательную попытку разделения болгарского народа [11, с.2], вызванную, в том числе, и иностранной пропагандой.

Одной из наиболее опасных иностранных пропаганд Хр. Силянов считал греческую. Греческие власти, проводившие политику последовательной эллинизации, инициировали кампанию, направленную на уничтожение в Македонии всего болгарского [11, с.69]. При этом, как подчёркивал Силянов, Греция активно сотрудничала с Османской империей, провоцируя антиболгарские акции со стороны турок [12, с.110]. Действия греков в Македонии, преследовавших свои узкие интересы, он называл «греческими злодеяниями» [12, с.234], а политику Афин в целом определял как «антихристианскую и нечеловеческую» [12, с.112], что способствовало укреплению негативного восприятия образа Греции.

Ко времени начала Балканской войны сербско-болгарские отношения улучшились, особенно после переворота в Сербии в 1903 г. К тому же правительство Гешова – Данева ориентировалось на сотрудничество со странами Антанты. В этой обстановке при содействии России в марте 1912 г. был подписан сербско-болгарский союзный договор, сформировавший ось Балканского союза, вокруг которого заключаются другие союзные соглашения – греко-болгарское в мае, черногорско-болгарское в июле и сербско-черногорское в сентябре. Сначала (8 октября) объявила войну Османской империи Черногория, затем Сербия и Болгария вместе 17 октября и, наконец, Греция 19 октября 1912 г.

Заключая сербско-болгарский союзный договор 1912 г., болгарские политики допустили, что северная и северо-западная части Македонии относятся к «спорному району» между Сербией и Болгарией. Это объясняется тем, что, во-первых, они были убеждены в том, что панмусульманская политика младотурок не позволила бы свободное национальное и культурное развитие болгар в Македонии и вынудила бы их покинуть свою родину и эмигрировать в Болгарию, изменив таким образом этнографический характер Македонии в ближайшем будущем. Во-вторых, они также полагали, что Болгария не сможет обеспечить свободное национальное и культурное существование македонских болгар, не отторгнув их земли из-под власти Османской империи, а это считалось невозможным без союза между Сербией и Болгарией; в противном случае, в случае войны с Турцией, Болгария рискует иметь против себя всех своих балканских соседей, как это и произошло в 1913 г. В-третьих, они искренне считали, что сохранение союза между Сербией и Болгарией необходимо для России, и она согласится отдать Сербии от «спорной зоны» только Скопье. Наконец, в-четвёртых, они были уверены, что Сербия попытается присоединить к себе Черногорию и даже Боснию и Герцеговину, а это спровоцирует её конфликт с Австро-Венгрией, в результате чего Сербия сама будет вынуждена отступить из Скопье, отдав его Болгарии в обмен на нейтралитет в этом конфликте.

Следует подчеркнуть, что предметом спора между Болгарией и Сербией была не вся Македония, но лишь «спорная зона». Согласно ст. 2 «Тайного приложения» к союзному договору между Сербией и Болгарией, заключенному 29 февраля 1912 г., Сербия признала за Болгарией бесспорное право на территорию к востоку от Родопских гор и реки Струма, а Болгария предоставила Сербии то же право на территории к северу и западу от Шар-Планины. Что касается Македонии, т.е. «территории между горами Шар и Родопами», Архипелагом и Охридским озером» (как буквально указано в «Секретном приложении»), то Сербия обязалась не претендовать на земли за линией, отделяющей «спорную зону» от остальной Македонии. Это соглашение и «тайное приложение» к нему были опубликованы во французской газете «Matin» 24 ноября 1913 г.

Первым шагом к осуществлению доктрины «Великой Болгарии» силовым путём было отклонение поступившего в октябре 1912 г. из Константинополя предложения объявить перемирие и начать мирные переговоры и приказ двора генералу Радко Димитриеву атаковать Чаталджанскую укрепленную линию и двинуться на Константинополь. Приказ был выполнен, и атака произошла 4-5 (17-18) ноября 1912 г. Болгарская армия оказалась под стенами Константинополя, но прорвать линию Чаталджа не удалось. 29-й Ямболский полк овладел одним из важнейших оборонительных сооружений – Илеритабиа, но высшее военное командование Болгарии не знало этого, и когда вскоре полк был почти окружен оттоманскими частями, болгарская артиллерия по ошибке открыла огонь и по ямбольцам. Плохо спланированная и плохо обеспеченная операция привела к массовым жертвам и успешному отражению удара османскими войсками, к которым уже начали прибывать подкрепления из Анатолии. К тому же османский флот господствовал на двух флангах позиций у линии Чаталджа. Болгары просили, чтобы русский флот провёл демонстрационные манёвры вблизи Проливов, рассчитывая этим вынудить османов размазать свои резервы по побережью. В Санкт-Петербурге отказали, дав понять, что державы не разрешат болгарам взять Константинополь.

Эта позиция великих держав была ключевым фактором. Когда болгарская армия стояла в 25 километрах от Константинополя и предлагала России взять город и передать его Российской империи, в ответ Россия и Австро-Венгрия ультимативно потребовали отказаться от штурма. Россия

не могла вмешаться, так как это вызвало бы столкновение с Центральными державами уже тогда. К тому же в этом районе появилась английская эскадра для «спасения жизней подданных Британской империи». Переход Константинополя под контроль России означал в глазах Британии угрозу для ее позиций в Средиземноморье и для Суэцкого канала. Британское же господство над Проливами означало бы угрозу для русской морской торговли и позиций России на Черном море. Поэтому здравомыслящие болгары сейчас всё же призывают своих соотечественников: «болгары, не обвиняйте русских в том, что они не приняли Константинополь». Те, кто так говорят, понимают: «если бы мы завоевали Константинополь, англичане забрали бы его, прежде чем русские могли прийти. Британский флот был на Кипре и готов вмешаться в любой момент. Россия угрожала нам войной, потому что завоевание нами Константинополя фактически передало бы город англичанам, мы не смогли бы противостоять их нападению» [10].

После победы Балканского союза над Османской империей, закреплённой Лондонским мирным договором от 30 мая 1913 г., по которому Порты отказывалась от всех территорий к западу от линии Мидия-Энос, отношения между вчерашними союзниками вступают в критическую фазу, поскольку переговоры о разделе доставшихся земель, прежде всего Фракии и Македонии, населенных вперемешку разными народами, зашли в тупик. Когда Сербия не получила возможности соединиться с адриатическим портом Медова через северную Албанию, сербские переговорщики настаивали на том, чтобы Белграду было гарантировано железнодорожное сообщение с портом Драк через территорию Албании. После провала этих планов Сербия, подталкиваемая германскими и австрийскими дипломатами, полностью сконцентрировалась на Вардарской Македонии, настаивая на разделе территорий по принципу фактического контроля, а не на основе предварительных договорённостей. Россия, являвшаяся арбитром сербо-болгарского союза, не заставила Белград придерживаться ранее достигнутых соглашений. В этой ситуации в Софии, также не без влияния заинтересованных в развале Балканского союза Берлина и Вены, решили силой отобрать Македонию у Сербии (а также у Греции, так как сербы и греки, уже имевшие общую границу, заключили новый договор, направленный против Болгарии).

Формально Болгария выглядела агрессором. Как отмечал позднее видный болгарский политик Атанас Буров, «Болгария после своих побед почти достигла воплощения своих идеалов, когда она действительно обладала - вспомните, да, линию Мидия - Энос, Кавала, Драма, Серес до Тахинского озера, Штип, Кочани, Кратово, Эгри-Паланка и Добруджа без Силистры, и когда имелись все шансы на дальнейшее расширение Болгарии, на получение по арбитражу русского царя по меньшей мере бесспорной части Македонии, в отношении чего тогдашнее правительство имело самые официальные гарантии, когда Болгария была приглашена получить это, царь Фердинанд пустил по ветру это здание Болгарии, почти законченное, с актом преступного безумия» [2].

На деле же именно сомнительность шансов на получение бесспорной части Македонии, связанная с новой позицией Сербии, считавшей теперь спорной всю территорию Македонии, спровоцировала Фердинанда на начало новой войны. По словам британского дипломата Дж. Бьюкенена, «Болгария была ответственна за открытие враждебных действий, Греция и Сербия вполне заслужили обвинение в преднамеренной провокации».

Межсоюзническая война началась рано утром 16/29 июня неожиданной «демонстративной атакой» болгар на сербов на македонском участке границы по указанию Фердинанда. По словам Бурова, «наши несчастья начинаются с этой даты; он (Фердинанд) уже сделал первый необратимый шаг, который почти фатально привел к нашему участию в общеевропейской войне. 16 июня Болгария оказалась в одновременной войне с сербами, греками, румынами и турками, оставленная странами, на которых она строила всю свою политику с начала войны, и оставленная также австро-германским союзом, который толкнул её в эту авантюру» [2]. В этом с ним можно полностью согласиться.

Сначала Сербия, Черногория и Греция, а затем Румыния и Турция вторглись в Болгарию, чтобы забрать почти всё, что она выиграла в 1912-1913 гг., и даже часть её собственной территории. Россия попыталась предотвратить кровопролитие, но первыми её не послушали в Софии, отказавшись после некоторого колебания от предложенного Санкт-Петербургом посредничества. В это период Россия стремилась к поддержанию равновесия между балканскими народами, не всегда принимая в расчет преобладание в Македонии болгарского населения, что могло входить в противоречие с видением болгарских интересов её правительством. Официальный Санкт-Петербург стремился избежать радикального решения македонского вопроса, т. е. раздела Македонии между балканскими государствами или достижения её автономии в рамках Османской империи, опасаясь серьезного конфликта на Балканах, чего Россия, обремененная другими внешнеполитическими проблемами, не желала [13].

Между тем среди значительной части болгарского общества и научного сообщества сформировалось мнение, что именно Россия несёт ответственность за болгаро-сербо-греческое соперничество в македонских землях. Болгарский историк С. Германов [4] противопоставляет официальную балканскую политику России, «характеризующуюся непоследовательностью, колебаниями и нерешительностью» общественному мнению России в начале XX века. По мнению С. Германова, Россия, искавшая в начале XX века новые опорные точки на Балканах, создавала своей внешней политикой «условия для недоразумений и конфликтов между балканскими странами, затрагивающие наиболее чувствительно болгарскую нацию».

Уже после начала войны (16/29 июня 1913 г.) в Болгарии обвиняли Россию в нарушении военной конвенции от 31 мая 1902 г., три статьи которой обязывали Россию «защищать целостность и неприкосновенность болгарской территории всей своей мощью». Вместо этого Россия не только не остановила вторжение Румынии в Болгарию, но и подтолкнула её к этому, а после заключения Бухарестского договора император Николай II отправился в Констанцу (Кюстенджа), чтобы поздравить румынского короля-победителя и даже стал шефом румынского полка, который первым вторгся в Болгарию. Утверждалось также, что Болгария могла бы победить во второй Балканской войне, если бы она не послушала совета России отвести две свои армии, которые уже вторглись в Сербию.

Межсоюзническая война закончилась ровно через месяц после её авантюрного начала разгромом болгарской армии. Турция отвоевала Адрианополь и большую часть Восточной Фракии. Бухарестский договор от 10 августа 1913 г. стал итогом Второй Балканской войны и символом «Первой национальной катастрофы». По его условиям Болгария была ограблена настолько беспощадно, что скорый ответ на этот грабёж был неизбежен. Македонию оккупировала Сербия, Южную Добруджу – Румыния, у Болгарии оставалась лишь отвоеванная ранее у Османской империи центральная часть Фракии площадью 25 тысяч кв. км. Считается, что после подписания договора Фердинанд произнёс фразу: «Моя месть будет ужасна».

Итоги двух Балканских войн показали, что доктрина «Великой Болгарии» вошла в противоречие с интересами и России, и Великобритании, и других могущественных держав, а сам по себе болгарский народ, хотя и был самым многочисленным и хорошо развитым, не имел достаточных ресурсов, прежде всего экономических и военных, чтобы обеспечить установление полной гегемонии своей страны в регионе. Планы по реализации болгарской имперской идеи были сначала сорваны в результате поражения в Чаталджинском сражении 17–18 ноября 1912 г. перед самим Константинополем, а затем окончательно похоронены из-за поражения Болгарии в Межсоюзнической войне 1913 г.

Когда В. И. Ленин в статье «Балканская война и буржуазный шовинизм» в 1913 г. писал, что «Балканская война есть одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах Средневековья в Азии и в восточной Европе» [7, с. 38], он был абсолютно прав, но не совсем в том смысле, какой он имел в виду. Пришедшие на царствование Фердинанда две Балканские войны устранили не «гнёт местных феодалов и помещичье иго» над «балканскими крестьянами всяческих национальностей», а, по мнению Р. Р. Субаева, положили конец имперской политической традиции в Юго-Восточной Европе, с миражом Византии в его различных, этнически окрашенных ипостасях, целое столетие отравляющих идеологическое сознание балканских элит [14, с.19].

После Бухарестского договора 1913 г., закрепившего раздел территорий македонских вилайетов Османской империи, Македония стала ареной восстаний, войн и иностранной пропаганды, которые нанесли большой удар по Болгарии. Именно тогда начинает распространяться идея «Великой Македонии» в составе Вардарской, Эгейской и Пиринской Македонии, создавшая в дальнейшем огромную проблему для болгарского национального сознания.

После поражения Болгарии в Межсоюзнической войне к власти пришло коалиционное правительство Либеральной, Национал-либеральной и Младолиберальной партий во главе с лидером первой из них Василем Радославовым, который ориентировался на Австро-Венгрию и был известен антирусскими взглядами. Стремление к реваншу подтолкнуло Болгарию к участию на стороне Центральных держав в Первой мировой войне, когда элиты были привлечены большими обещаниями Македонии, Поморавии и Добруджи и, вероятно, прямыми материальными стимулами, но проигнорировали тот факт, что против Германии, Австро-Венгрии и Турции были задействованы ресурсы всего остального мира. Именно исходя из антисербской позиции, болгарское правительство вновь дистанцировалось от России и установило стратегические связи с Германией (хотя нельзя сбрасывать со счёта и немецкое происхождение царя Фердинанда). Страны Антанты также стремились убедить Болгарию вступить в войну на их стороне, но не были готовы обещать за это

Македонию, поскольку уже находились в союзе с Сербией, защищая которую, собственно, и вступили в войну сами.

В прессе продвигалась идея, что Болгария проиграла войну из-за того, что страны Антанты, в том числе Россия, поддержали врагов Болгарии – Грецию и Сербию, а значит, в будущем противостоянии, чтобы вернуть утраченные земли, следует поддержать Германию. Россия в это время безуспешно пыталась восстановить своё влияние в Болгарии, предлагая передать ей важный порт Кавала на эгейском побережье, но Франция и Великобритания не поддержали эту идею. Все попытки русских дипломатов восстановить Балканский союз провалились.

1 августа 1914 г. В. Радославов объявил в Народном собрании о решимости болгарского правительства соблюдать нейтралитет до конца войны. Однако София сразу же начала торги с Берлином и Веней, хотя курс на союз с Центральными державами и вообще идея участия в этой войне не были популярны в болгарском обществе. Последнее подтверждают итоги парламентских выборов, принесших большой успех «широким» и «тесным» социалистам и Болгарскому земледельческому народному союзу. Лидер последнего Александр Стамболийский резко выступал против нового столкновения с соседними странами и называл политику царя Фердинанда «авантюрной». Вступление в Первую мировую войну привело страну ко «Второй национальной катастрофе», когда Болгария лишилась доступа к Белому морю и стала второстепенной страной на Балканах.

Тем не менее, в Софии готовились поддержать Центральные державы. Запрос России о пропуске через болгарскую территорию русского транспорта с зерном для Сербии правительство Радославова категорически отклонило, тогда как транспортные средства из Германии и Австро-Венгрии следовали по территории Болгарии в Османскую империю. Несколько раз Антанта пыталась перетянуть Болгарию на свою сторону, гарантируя возвращение Восточной Фракии за счёт Турции и обещая начать переговоры с Белградом, Афинами и Бухарестом о передаче Болгарии некоторой части Вардарской Македонии, Эгейской Македонии и Южной Добрудже, но они так и не смогли определить конкретные территории, которые должны войти в состав Болгарии. К тому же в Софии были раздражены претензиями России на Константинополь.

Болгария официально присоединилась к Центральным державам 6 сентября 1915 г., когда после провала Дарданелльской операции, потери русской Польши и Галиции, при пассивности англо-французских войск на западном фронте, Антанта, казалось, была обречена на поражение, а «Германия обещала уплатить вдвое больше, чем давали союзники за её помощь», как выразился британский посол в Петрограде Дж. Бьюкенен [3]. Помимо военного займа на сумму 500 млн. марок Германия смогла примирить болгар и турок, подготовив договор, который удовлетворял болгар за счет Османской империи. Также Германия и Австро-Венгрия однозначно заявили, что в случае выступления Болгарии на их стороне София получит всю Македонию, Беломорскую Фракию, а также Южную Добруджу (если Румыния вступит в войну на стороне Антанты).

Также в своих переговорах с Центральными державами Болгария претендовала на Поморавию, юго-восточную Албанию, Северную Добруджу и район между хребтами горы Шар и Черногорией. Болгарский царь вынашивал планы о личной унии с Албанией, либо о передаче албанского престола болгарскому князю Кириллу, либо о болгарском протекторате в Албании. Хорошие отношения между болгарскими и албанскими народами, схожие национальные интересы двух стран и связи между ВМРО и Албанским национально-освободительным движением, которые в ходе Охридско-Деберского восстания 1913 г. объединили усилия против сербской оккупации Вардарской Македонии, привели к тому, что болгары увидели предпосылки для объединения двух стран через общего монарха.

План Фердинанда о личной унии с Албанией был разработан в очень короткое время летом 1915 г. и на переговорах с Центральными державами Болгария поставила албанский трон в качестве основного пункта своей версии проекта договора о вступлении в военный союз. Зная, что военная оккупация является одним из основных факторов при распределении территорий, Болгария глубоко углубляется в Косово и Албанию, и король Фердинанд отказывается отозвать свои войска, как того требовали в Вене. 1 апреля 1916 г. две страны достигли при посредничестве Германии соглашения о разделении завоеванных территорий: Болгария выводит свои войска из Эльбасана и Дяково, а Австро-Венгрия – из Приштины и Призрена.

Через месяц после того, как в сентябре 1915 г. Болгария объявила войну Сербии, болгары провели Нишскую операцию с целью освобождения Поморавии. 23 октября 1915 г. болгарская армия торжественно вошла в Ниш, который до этого был столицей Сербии военного времени. К тому же на двух фронтах – салоницком и румынском (после вступления Румынии в августе 1916 г. в войну на стороне Антанты) – болгарская армия сражалась с русской. На румынском фронте основные военные

действия велись в Добрудже, на территориях с болгарским населением. Участие на стороне румын армейского корпуса генерала Зайончковского вызывало удивление в болгарском обществе: «русские стреляют в созданную ими Болгарию!». После того, как к болгарской армии присоединились германские и австрийские части, они 6 декабря 1916 г. совместными усилиями взяли Бухарест, после чего болгарская армия достигла русских позиций, не предприняв попыток атаковать. На Салоникском фронте русские части были перемешаны с сербами, считавшимися тогда злейшими врагами, но когда в 1917 г. фронт стабилизировался, именно в местах противостояния русских и болгар начались первые братания.

В этом контексте примечательно типичное суждение современного болгарина на одной из дискуссионных интернет-площадок (2018 г., цитата с исправлением орфографии): «В ПМВ не Болгария, а Россия воевала (за интересы Великобритании) на болгарской земле против Болгарии. Ни один болгарский солдат не ступал на Российскую землю. Во ВМВ Болгария и СССР не воевали между собой. Они поддерживали нормальные дипломатические отношения. С 1944 г. Болгария воевала на стороне Красной армии, выставив против Вермахта полмиллиона солдат – вторая по численности военная группировка, союзная Советам на Восточном фронте» [1].

Осенью 1918 г. международное давление на Болгарию усилилось, отразившись на внутривнутриполитической жизни страны. Неблагоприятный ход военных действий заставил правительство искать выход из войны и 29 сентября 1918 г. болгарская делегация подписала в Салониках соглашение о прекращении огня. В силу перемирия Болгария обязана была немедленно покинуть «территории, всё ещё оккупированные болгарскими войсками в Греции и Сербии» и демобилизовать всю свою армию, кроме «трех дивизий, каждая из которых состоит из 16 батальонов, и 4 кавалерийских полков».

27 ноября 1919 г. в мэрии Нейи-сюр-Сен в Париже был подписан мирный договор между Болгарией и странами Антанты, согласно которому болгарское государство лишалось Западных покраин. Цариград, Босилеград, частично Тран и Кульско попали под власть вновь созданного Королевства сербов, хорватов и словенцев, которое получило и город Струмица с его окрестностями. После присоединения Западных покраин югославские правительства начали процесс сербизации местного болгарского населения, в ходе которого, в частности, были закрыты все болгарские школы и церкви. В фамилиях местных жителей вместо болгарских окончаний «ов» и «ев» вводятся сербское окончание «ич». Сербизация болгарского населения Западных покраин встретила сопротивление, что, в свою очередь, привело к усилению репрессий со стороны властей. В результате потери Западных покраин более 30 тысяч болгар нашли спасение в Болгарии, позже около 5 тысяч из них эмигрировали в Западную Европу и Северную Америку. Уже в наши дни председатель культурно-информационного центра «Босилеград» Иван Николов справедливо отмечает, что: «Западные покраины – это цена, заплаченная за независимость Болгарии в 1919 г. в Нейи» [9].

Кроме того, Южная Добруджа осталась частью Румынии, а Беломорская Фракия отдавалась под контроль союзников, которые в будущем должны были принять по ней решение. Однако ст. 48 предусматривала экономический доступ Болгарии к Эгейскому морю. Только через год на конференции в Сан-Ремо Фракия была передана в Грецию, а обязательства по ст. 48 остались невыполненными.

Болгарское царство мучительно переживало поражение в Первой мировой войне и крах своего национального идеала. Царь Фердинанд, главный проводник идеологии «Великой Болгарии» и носитель германофильской политики, на которого была возложена основная ответственность за постигшую страну катастрофу, вынужден был отречься от престола.

После «Второй национальной катастрофы» болгарский национальный вопрос вступил в фазу, в которой его реализация стала чрезвычайно сложной. Почти все выгоды от прежних войн были потеряны (кроме Пиринской Македонии и Родопов). Болгария оказалась в дипломатической изоляции и в последующие годы её правительства стремились сначала преодолеть ее, а затем – двигаться к мирному пересмотру договора. Но самым разрушительным последствием стало разрушение национального единства. С этого момента разделение общества становится особенно четким как с точки зрения внешнеполитических приоритетов, так и с точки зрения приоритетов внутреннего развития. В ближайшие годы Болгарию сотрясали политические убийства, перевороты, мятежи, теракты и постоянная конфронтация между различными социальными группами. А в течение последующего столетия относительного упадка после двух национальных катастроф начала XX в., болгарские этнические земли неуклонно сокращались до их самого узкого ядра, с исчезновением своей многовековой «периферии» в различных частях Юго-Восточной Европы и Передней Азии.

Список литературы

1. Болгария открывает дверь для возвращения России на Балканы. – URL: <https://topwar.ru/142488-bolgariya-otkryvaet-dver-dlya-vozvrascheniya-rossii-na-balkany.html> (дата обращения 11.04.2020)
2. Буров, А. Реч за причините за националната катастрофа и отговорността на Народната партия за бъдещето на страната, произнесена в клуба на Народната партия на 29 юни 1919 г. / Атанас Буров // Цветков, Жоро. Атанас Буров. Живот за България. София: изд. на БАН, 1992. – С.237–249.
3. Бьюкенен, Дж. Мемуары дипломата: Пер. с англ. - 2-е изд. / Дж. Бьюкенен. – М.: Международные отношения, 1991. – 344 с.
4. Германов, С. Реформената акция в Македония и руската общественост (1903 1908 гг.) // Исторически преглед. 1970. Кн. 1. С. 34-51.
5. Иванов, Й. Българите в Македония / Й. Иванов / под ред. на В. Божинов, Й. Заимов. София, 1986.; Ивановъ Й. Българитѣ въ Македония. Издирвания и документи за тяхното потекло, езикъ и народностъ съ етнографска карта и статистика. Второ допълнено издание / Й. Ивановъ. София: Царска придворна печатница, 1917.
6. Кирчанов, М. В. Классическая болгарская историография Македонии в первой четверти XX века / М. В. Кирчанов // European science. – 2017. – № 1(23).
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 23 / В. И. Ленин. – М.: Изд-во политической литературы, 1973. – 594 с.
8. Мадол, Х. Р. Фердинанд, цар на българите. Мечтата за Византия / Х. Р. Мадол. – София: Карина-М Година: 1992. – 143 с.
9. Николов, И. Съдбата на българите в Западните покрайнини / И. Николов. – София, 2010.
10. Ответ «неблагодарных братушек». Россия и Болгария в 1878-1944 годах – URL: <https://topwar.ru/168180-otvet-bratushek.html> (дата обращения: 11.05.2020).
11. Силяновъ, Хр. Освободителнитѣ борби на Македония / Хр. Силяновъ. – София: Държавна печатница, 1933. Томъ 1. (Илинденското въстание).
12. Силянов, Хр. Освободителните борби на Македония / Хр. Силянов / ред. Л. Панайотов. – София, 1983. Т. 2. (След Илинденското въстание).
13. Сквозников, А. Н. Македония в конце XIX-начале XX века – яблоко раздора на Балканах / А. Н. Сквозников. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2010.
14. Субаев, Р. Р. Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе как методологический принцип изучения истории Балкан: к вопросу о природе «мегалом-идей» / Р.Р. Субаев // Славяноведение. – 2015. – № 1. – С. 3-21.
15. Чуров, В. Царъ болгар. К 110-летию провозглашения независимости Болгарии и признания ее Российской империей / В. Чуров. – URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/tsar-bolgharskii-k-110-lietiiu-provozghlasheniia-niezavisimosti-bolgharii-i-priznaniia-ieie-rossiiskoi-impieriei> (дата обращения : 2.05.2020)

Статья поступила в редакцию 02.06.2020

Kovalevskiy, A. A. "Great Bulgaria" and the National Geopolitical Discourse of the Early Twentieth Century

The article discusses the features of the Bulgarian geopolitical discourse in the early twentieth century, associated with attempts to implement the national ideal of "Great Bulgaria". It is shown that after the restoration of the Bulgarian kingdom in 1908, an active campaign began in the country to promote the Great Bulgarian imperial ideology and its symbols, the conductor of which was King Ferdinand I Coburg. During this period, Bulgaria tried to carry out territorial expansion in all directions – White Sea Thracia, Macedonia, Pomeravia and Northern Dobrudja, and the image of the Bulgarians as "Prussians in the Balkans" arose in the world. The strategic miscalculations of the Bulgarian leadership led to the fact that the country suffered two national disasters, which made it extremely difficult to solve the Bulgarian national question. Attention is drawn to attempts to shift responsibility for the consequences of these strategic miscalculations to Russia..

УДК 930.2:393(=16)

Основной целью данного исследования стала историческая реконструкция древнерусского языческого поминального ритуального комплекса, то есть системы восточнославянских языческих обычаев и обрядов, связанных с памятью умерших людей. Опираясь на данные древнеславянских письменных источников XI-XVI вв., авторы смогли последовательно провести анализ поминальных обычаев и обрядов, связанных со смертью конкретных, недавно умерших людей, а также с календарными поминальными ритуалами. Были сделаны выводы о том, что во всех поминальных обычаях и обрядах наблюдается определенная биритуальность: начинались, они, как правило, с плачей и строгой трапезы, а затем превращались в хмельное и разгульное празднество с веселой музыкой, танцами, драками и человеческими жертвоприношениями.

Ключевые слова: поминальные обряды, Радуница, Семик, тризна, игрище, обычай.

М. Н. Козлов доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

С. П. Шендрикова профессор, д-р ист. наук

Гуманитарно-педагогическая академия в г. Ялта (филиал)

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

ПОМИНАЛЬНЫЙ РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В ЯЗЫЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В системе древнерусской дохристианской культуры особое место занимает поминальный ритуальный комплекс, то есть система языческих обычаев и обрядов, связанных с памятью умерших людей. Несмотря на тот факт, что древнерусские языческие поминальные обычаи и обряды неоднократно упоминаются в восточнославянских письменных источниках XI-XVI вв., многие детали древнерусской поминальной обрядности нам практически неизвестны. Между тем, полноценное изучение древнеславянского язычества невозможно без детальной реконструкции восточнославянского поминального комплекса.

В отечественной гуманитарной науке долгое время господствовала точка зрения, согласно которой поминальные обряды у наших предков назывались тризной, представляли собой хмельной пир и отмечались в день памяти покойника [6, с.65].

Однако уже Н. И. Карамзин, указал на тот факт, в древнерусских письменных источниках словом «тризна» обозначали воинские игры, практикуемые в день похорон родственниками умершего и никакого отношения к поминкам не имеют [7, с. 87]. Позже точку зрения Н. И. Карамзина полностью поддержал М. С. Грушевский. Однако, по мнению исследователя, тризной называли также поминальные обряды в честь погибших воинов [2, с.146 -147].

Более взвешенную позицию занял Б. А. Рыбаков, по мнению которого древнерусский языческий поминальный комплекс представлял собой сложную не до конца изученную систему обычаев и обрядов, связанных с памятью покойников [14, с.87].

В трудах современных ученых, посвященных исследованию древнерусской дохристианской духовной культуры, авторы либо игнорируют поминальный ритуальный комплекс, ограничиваясь лишь анализом погребальных обычаев и обрядов, либо проводят его реконструкцию, опираясь лишь на этнографические источники, зафиксированные в восточнославянских землях в XVIII – нач. XX вв. [10, с.29-32], [1, с.26-28].

В целом, на данный момент детального всестороннего исследования системы древнерусских дохристианских поминальных обычаев и обрядов не существует. Историческая реконструкция восточнославянского языческого поминального комплекса – основная цель данной статьи.

Согласно древнерусским письменным источникам, поминальный этап восточнославянской погребальной обрядности можно разделить на две отдельные группы обрядов. К первой группе можно отнести ритуальные действия, связанные с чествованием памяти конкретного, недавно умершего человека. Эти обряды были привязаны к определенным дням, связанным с датой смерти

покойника. Ко второй группе обычаев можно отнести те из них, объектом которых были все умершие предки. Они обычно имели место у восточных славян тогда, когда росла их зависимость от природных стихий (дождя, солнца, плодородия земли и т. п.).

К сожалению, в письменных источниках содержится очень мало данных относительно поминальных обычаев восточных славян, связанных со смертью конкретного человека. До наших дней дошли лишь краткое сообщение арабского автора X в. Ибн-Русте, а также отрывочные сведения из нескольких письменных источников XII-XVI в.

По словам автора «Книги драгоценных сокровищ», восточные славяне через год после захоронения покойника «берут двадцать кувшинов меда: несут их на холм, где собираются родные покойника, едят, пьют и расходятся» [3, с.264].

В древнерусском источнике XII в. «Слово о Левиотике» находим следующие строки: «Крстианам не подобаеъ творити оусопшим третины и млтва триднено и девятины на вспминание здъ оусопших вы же яко жидовъа людъе плакашися по ихъ и на всяко лето память им творите рожаницы крают хлбъ и сыръ и медъ браняшеся велми нъгда реч молвить пиющи и ядящи рожданичъ» [15, с.313].

Схожим образом поминки описываются также в «Слове от некоего отца к сыну своему»: «Каждое льто мртвца плачуть и тъже плачь скоро мнеть днь плачуть, а оутро оупиваются» [5, с.483].

В отрывке произведения польского хрониста XVI в. «О языческих обычаях пруссов, ливов и других восточных народов» Яна Менеция содержится рассказ о поминках умерших в белорусских и украинских владениях тогдашней Речи Посполитой. Согласно данным автора, поминки осуществлялись на третий, девятый и сороковой день после погребения мертвеца. На церемонию приглашали душу умершего. Ели все молча, при этом не использовались ножи. Две женщины разносили еду. Некоторые из участников трапезы бросали от каждого блюда кусочки под стол, где, по их представлениям, находились души умерших. После окончания трапезы хозяин дома обметал жилье веником и выгонял души умерших во двор. Вдова умершего, согласно тому же источнику, должна была в течение месяца после смерти покойника утром и вечером, на восходе и закате солнца ходить на могилу и оплакивать умершего [4, с.152].

Кроме поминок, связанных с памятью определенного человека в поминальный восточнославянский языческий обрядовый комплекс входила также группа обычаев, связанная с почитанием памяти всех умерших предков. Поминовения покойников в определенные дни года были направлены на защиту мира живых от негативного влияния мертвых. Впрочем, это лишь одна из функций поминальной обрядности. Главной же целью данных обрядов было, по нашему мнению, попытки наладить механизм воздействия на окружающую природу, с которой были якобы связаны умершие предки – берегини.

Первый этап календарных поминальных обрядов приходился на период весеннего равноденствия – то есть в то время, когда в землю было брошено зерно, и зависимость земледельцев от природных условий резко возрастала. Поминальные обряды, которые практиковались в период весеннего равноденствия, обычно осуществлялись во время недели перед Пасхой и назывались «Радуница» или «Фомина неделя». Во время празднования «Радуницы» ели место самые разнообразные группы обрядов – от приглашения умерших родственников на «трапезу» и «парения» покойников в бане до ритуальных действий вблизи ближайших рек и лесов, во время которых наши предки «оупивались», слушали веселую музыку, дрались между собой и даже приносили кровавые жертвы. Главной целью всех этих действий было заставить мертвецов «пустить дождь».

Начинался поминальный комплекс «радуница» с приглашения умерших предков в дом – «В Великий четверг порану солому палят и кличут мертвыхъ» [13, с.270] – говорится в материалах Московского Стоглавого Собора XVI в. Затем, угостив «гостей» во время поминальной трапезы, их обычно приглашают в баню. Ритуал «парения» душ предков хорошо описан в славянской вставке «Слова Иоанна Златоуста об идолах» – источнике XI в.: «крестьяны проповедающе мясо и молоко и масла и яйца и вся потребная бесом и на печь, и люще в бани, мытися им велят, чехол и оуброус в вешающе в мовнице. Бесы же злоумию их смиющеся в пепле томъ попорчатся и след свои показате на прощание им» [17, с.89].

Обычай «приглашать» умерших предков в баню и там «парить» сохранился почти до начала XX в. в Белоруссии, юге России, а также среди славянского населения Пермской губернии.

В отличие от первой половины праздника, которая проходила в кругу семьи, вторая его часть с участием большого числа людей проходила на берегах рек и лесах и сопровождалась пьянством, драками и «всевозможными бесованиями». Неизвестный автор славянской вставки к «Слову Ефрема Сирина о возврате на языческие дела», например, жалуется на то, что в святую неделю некоторые его

соотечественники: «стекутся и сражается на поле брани. Нарекши пирове им вечер им гусли или свирели ... и всю ночь по оусыпающе скончаютъ» [16, с.31].

Эти данные вполне согласуются с «Правилами Кирилла митрополита Русского». Согласно данному источнику восточные славяне, научившись от «безбожных эллинов» по большим праздникам «позоры творить со свистением и съ слезами и съ клчемь и с въплемь и быющеся дрькомсмь к самое смерты и възимаше в оубиваем х порты» [5, с. 392].

Интересные сведения относительно языческих обрядов, практикуемые во время поминовения умерших за день до Пасхи подает в своем «Летописи» святитель XVII века. Дмитрий Ростовский: «В канцы пресветлаго дне Воскресения Христова, собравше обоего пола юноши силы и старьи, друг друга по подобию некоего утешение въ воду вкладывают и случается в камень или в древо разбитися» [18, с. 50].

Вплоть до нашего времени в разных областях России, Украины и Белоруссии отмечают Радуницу во вторник и четверг на Фоминой неделе, а также в четверг на следующей неделе после Пасхи. Называют его обычно «навий день», «обед» или «проводы». В этот день посещают могилы умерших родственников [8, с.106-123].

Второй этап поминальной обрядности приходился на начало лета. В сознании восточных славян, именно в это время, когда все растения нуждаются во влаге, от «заложных мертвецов» - «русалок», связанных якобы с дождями, зависел весь будущий урожай. В так называемую «русалью» неделю или Семик (за неделю перед Троицей) поминали самоубийц, утопленников и других «нечистых» мертвецов, прося у них помощи и совета в своих делах. Как свидетельствуют письменные источники, начинался праздник у восточных славян с посещения захоронений своих умерших предков, где проходила традиционная трапеза, которая сопровождалась стенаниями и причитаниями.

В материалах Московского Стоглавого Собора представлены данные о том, что «в троицинскую субботу по селам и погостом сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробом с большими причитаниями» [13, с.269].

Впоследствии праздник приобретал оргиастические черты – появлялись «гудцы и перегудницы», хмельные напитки и т.п. В «Слове о посте» – источнике XI в. рассказывается о том, как во время «русалий» наблюдалось «плясанье, бубны, сопели, гусли, игра неподобная русальи» [5, стб.503-504]. В источнике XI в. – «Поучение христианам» - находим следующие строки: «егда играют русальи скоморосы текутся пьяници на пир зовут, бещные творяху на зборище идольскы игр» [5, стб. 530-531].

На подобный характер проведения «игр русальих» указывает и Феодосий Печерский в своем произведении «О казне Божиих», входившего в состав Лаврентьевского летописного свода: «дьявол трубами и скоморохы гуслими и русальи, види бо игрища оуточена, и людиы много множество ко упихаты начнуть друг друга позоры деюще» [11, с.170].

«Русальи игрища» были настолько популярны в простонародной среде, что даже составитель Ипатьевской летописного свода хронологически относит смерть одного из славянских князей к «русальной неделе» [12, с. 567].

В России еще в начале XX в. день памяти «заложных» покойников – русалок приходился на четверг последней недели перед Троицей и назывался «русалий день». Под вечер девушки разжигали огонь и вместе с молодыми людьми прыгали через него, веселились, выбирали между собою русалку и якобы «топили ее в реке» [9, с. 411]. В этих обрядах нетрудно угадать отголоски древнего обычая приносить в жертву покойникам, «живущих» в воде, человеческую жертву.

Кроме указанных этапов поминального обрядового действия в некоторых исторических источниках упоминается также первый понедельник Петрова поста, Дмитрова суббота и некоторые иные календарные дни к которым были привязаны обряды, связанные с поминовением умерших. Но они не отличались таким буйным характером как «радуница» и «русальи» и поэтому в раннехристианских письменных источниках эти обряды практически не упоминаются.

Таким образом, можно прийти к выводу, о том, что важное значение в древнерусской дохристианской духовной культуре играл поминальный ритуальный комплекс. Это было связано с языческими представлениями восточных славян о том, что от верного выполнения всех поминальных обычаев и обрядов зависело расположение умерших предков, которые, в свою очередь могли влиять на природные стихии, жизнь и здоровье людей.

В общей системе восточнославянской языческой поминальной обрядности имели место как обычаи и обряды, связанные с памятью отдельного человека, так и специальные календарные праздники, направленные в честь всех покойников. Во всех языческих поминальных церемониях

сохранилась одна и та же схема – сначала плачи и строгая трапеза, а затем веселая музыка, танцы, драки, человеческие жертвы.

Список литературы

1. Андриянина, М. А. Пространственные характеристики календарных поминальных обрядов / М. А. Андриянина // Живая старина. – 2008. – №4. – С.26-28
2. Грушевський, М. С. Історія української літератури / М. С. Грушевський. – Київ: Либідь, 1993. – Т.1. – 271 с.
3. Ибн-Русте. Книга драгоценных сокровищ / Ибн-Русте // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / Собрание, перевод и объяснения Гаркави А.Я. – СПб.: 1870. – С. 260-270.
4. Иоанн Менеций. О языческих обычаях прусов, ливов и других языческих народов / Иоанн Менеций // Шафарик П. Славянские древности. – СПб. – 1837. – Т.2. – С. 149-153
5. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков / под ред. А. Буслаева. – М.: Изд-во И. Глазунова, 1861. – 1124 с.
6. Кайсаров, А. Славянская и российская мифология / А. Кайсаров // Мифы древних славян. – Саратов: Надежда, 1993. – С. 23-84.
7. Карамзин, Н. История государства Российского / Н. Карамзин. – СПб.– 1818. – Т.1. – 221с.
8. Курочкин, О. Поховальні забави – релікти дохристиянського світогляду / О. Курочкин // Берегиня. –1998. – №3-4. – С. 106-123.
9. Милорадович, В. П. Заметки о малорусской демонологии / В. П. Милорадович // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – К.: Либідь, 1991. – С. 407-430
10. Овсейчик, В. Е. Обряд «Старорусские дзяды» у белоруссов Витебщины / В. Е. Овсейчик // Живая старина. – 2012. – №3. – С.29-32
11. ПСРЛ – Т.1.: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 472, стб.
12. ПСРЛ – Т.2.: Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 938 стб.
13. Русская жизнь XVI по Стоглаву. Материалы московского Стоглавого собора // Покровский М. Н. Русская история. – СПб.: Изд-во Мир, 1867. –Т.3. – Приложения. – С. 232-302.
14. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. – 782 с.
15. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. И. Срезневского // Сборник ОРЯС Т.12. –№1. – С.313-314.
16. Слово блаженного Ефрема Сирина о том, как возвращаются вспять на языческие дела // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1867. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 30–36.
17. Слово святого отца нашего Иоанна Златоустого о том, как первые поганые веровали в идолов // Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. – СПб. – 1914. – С. 89-90.
18. Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовского. Т.4. – Летопись. – М., 1840. – 284 с.

Статья поступила в редакцию 12.03.2020

Kozlov, M. N., Shendrikova, S. P. Memorial Ritual Complex in the Pagan Culture of the Eastern Slavs

The main goal of this research is the historical reconstruction of the old Russian pagan memorial ritual complex, that is, the system of East Slavic pagan customs and rituals associated with the memory of dead people. Based on data from ancient Slavic written sources of the XI-XVI centuries, the authors were able to consistently analyze the funeral customs and rituals associated with the death of specific, recently deceased people, as well as calendar funeral rituals. It was concluded that in all funeral customs and rites there is a certain birituality: they began, as a rule, with weeping and a strict meal, and then turned into a drunken and riotous festival with merry music, dancing, fights and human sacrifices.

Keywords: Funeral rites, Radunitsa, Semik, Trizna, play, custom

УДК 930.2:94(470)“1918/1919”

Рассматривается проблема геополитических интересов бывших союзников по Первой мировой войне в России в условиях Гражданской войны и ее понимание одним из видных участников Белого движения генералом А. С. Лукомским.

Ключевые слова: Гражданская война, А. С. Лукомский, геополитические интересы, смысл.

М. Ю. Лачаева, профессор, д-р ист. наук

Московский педагогический государственный университет

E-mail: lachaeva@mail.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ПОВЕДЕНИИ СОЮЗНИКОВ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ 1918 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 ГГ. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ А. С. ЛУКОМСКОГО)

В рамках решения вопроса о роли и позиции великих держав в Гражданской войне в России воспоминания генерала Александра Сергеевича Лукомского представляют несомненную ценность как исторический источник. Они издавались в Берлине в 1922 г. и спустя 90 лет в Москве. Московская публикация была дополнена архивными материалами. В мемуаристике белогвардейского генералитета (А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, П. Н. Краснова, В. В. Марушевского, А. Н. Родзянко, К. В. Сахарова) воспоминания Лукомского заняли свое место.

Завершение текста рукописи воспоминаний Лукомского, датированное автором 7/20 марта 1922 г., и место его пребывания в то время – Ницца, оказали влияние на характер изложения и смягчение отдельных авторских формулировок. И, тем не менее, хотя и запоздалое, трагическое прозрение заставило оставшегося в живых генерала встать под «дуло» бескомпромиссного и беспощадного вопроса о том, насколько серьезны были первоначальные намерения недавних союзников? Как менялись их планы и почему?

Лукомский разбирает историю испорченных отношений с бывшими союзниками русских противников большевизма и делает вывод о долговременном воздействии данного фактора на всю систему международных отношений в будущем, в котором, как он был убежден, без России не обойтись.

Седьмая часть второго тома воспоминаний Лукомского посвящена выяснению истинного отношения Франции и Великобритании к борьбе с советской властью в России.

Сам Александр Сергеевич – царский генерал, ровесник Николая II, представитель полтавской ветви дворянского рода Лукомских – после утраты государственности императорской России, и последовавшей затем потери российской государственности Временным правительством, имел четкую мотивацию собственного участия в вооруженной борьбе с большевиками. Он объяснял его (участие) необходимостью освобождения русской территории от советской власти и реализации идеи возрождения «Великой России» и русской армии. Также артикулировалось требование сохранения русских земель и недопущения растаскивания по кускам территории страны иностранцами. Добровольческая армия рассматривалась им как оплот русской армии. Лукомский был привержен соглашениям с союзниками, что было присуще командованию Добровольческой армии. «Трактуя себя непосредственной преемницей Русской Императорской армии, – писал генерал, – Добровольческая армия считала для себя вопросом чести оставаться верной союзникам и не допускала мысли пойти на какое-либо соглашение с германцами», что обернулось ухудшением положения Добровольческой армии весной 1918 г. [1, с.609]. Столкнулись разные ментальные системы: «вопрос чести» как приоритетный в определении линии поведения по отношению к союзникам и прагматический подход приобретений чужих земель, сфер влияния.

Изначально Лукомский не осознавал, что патриотические задачи, которые ставили лидеры Белого движения, для «бывших» союзников по Первой мировой войне были абсолютно неприемлемы. У тех были противоположные цели. Выяснение данного обстоятельства в ходе кровопролитной вооруженной борьбы давалось русскому генералу тяжело.

По отношению к французам и англичанам Лукомский неоднократно использует в тексте словосочетание «бывшие союзники», ставя акцент на первом слове – «бывшие». Его наблюдения подтверждают, что, несмотря на совместную борьбу в годы Первой мировой войны, русские, действовавшие жертвенно и, помогая союзникам, оказавшимся на Западном фронте в тяжелом положении, так и остались для них «чужими». Не помогло ни двукратное спасение Россией

Франции (битва на Марне, Верден) ценой большой русской крови, ни вековая привязанность русской аристократии к Парижу и Лондону. На словах в своих обращениях к командованию Добровольческой армии французы выражали благодарность русским «за помощь Великой России» в годы Первой мировой войны, но далее они возвращали русских к новой реальности, указывая им, что они «уже более чем возвратили» свой «долг натурой». Под «натурой» имелась в виду материальная помощь Белому движению [1, с.619].

Утрата государственности, и вместе с ней крах системы международных отношений в условиях Гражданской войны, подогревали аппетиты правительственных кругов Франции, Англии, а также США и Японии в отношении территорий бывшей Российской империи.

О действиях США и Японии в период Гражданской войны Лукомский ставит читателя в известность на основании подробного цитирования письма адмирала А. В. Колчака генералу А. И. Деникину от 11/24 января 1919 г.

Заметим, что пространное цитирование мемуаристом писем, в том числе, и Деникина, а также речей, например, У. Черчилля, или распоряжений командования союзников, - характерный для Лукомского прием изложения последовательности и сути событий и способ аргументации собственной правоты. Для нас же интересен круг источников, введенный Александром Сергеевичем в свои мемуары. Он был отобран автором для написания собственного источника. Так оказались «источники в источнике». И они все еще остаются не вычлененным комплексом, представляющим для нас ценность уже тем, что среди них есть уникальные свидетельства, сохраненные мемуаристом. Пространное цитирование Лукомским распоряжений представителей командования союзников, как правило, показывает не доброжелательную по отношению к командованию Добровольческой армии позицию.

Державы Согласия не могли не попытаться использовать в своих небескорыстных интересах кровавые события в России периода ее Гражданской войны. Их обнадеживающие слова о помощи и поддержке и реальные действия заметно расходились и превращались в свою противоположность. Иными они быть и не могли.

Цитируемое Лукомским письмо Колчака Деникину от 11/24 января 1919 г. свидетельствует о проведении политики координации белых русских сил на Востоке и Юге России. Колчак информировал Деникина о недостаточной помощи, получаемой им от союзников. Но основное внимание в письме уделено характеру действий японцев и американцев на Дальнем Востоке. Положение там Колчак оценил как «крайне тяжелое» вследствие его фактической оккупации японцами, «ведущими враждебную политику хищнических захватов», преследуя свои эгоистические цели [1, с.615-616]. «Что же касается американцев, – писал Колчак, – то пока они ограничиваются только обещаниями помощи, но реального от них пока мы ничего не получаем» [1, с.615].

Американцы тоже преследовали свои цели, прислав немногочисленные войсковые части для охраны Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), застолбив себе там место и сдерживая японцев. Материалы, включенные Лукомским в свои воспоминания, свидетельствуют о степени и характере его информированности. Они показывают, что его интересовала судьба России в целом. О том, что происходило в Сибири в период Гражданской войны, генерал судил на основании поступавших оттуда сведений, на основании которых он сделал вывод о том, что «присутствие там представителей и небольших американских войсковых частей в значительной мере умеряло» захватнические аппетиты японцев [1, с. 616]. Но и американцы действовали наперед.

Лукомский последовательно называет и характеризует ряд документов союзников, содержащих их внутренние решения, которые шли в разрез с принципами Белого движения. Но главное, на что обращает внимание белый генерал – это то, что решения и важнейшие документы не были доведены до сведения руководства Добровольческой армии, которое о них так и не узнало в период вооруженной борьбы. Особенно тяжелыми для белых войск были последствия из-за незнания их руководством изменившихся планов союзников. Так, Лукомский писал, что «командование Добровольческой армии долго не знало о решении союзников не посылать на юг России своих войск за исключением частей, предназначенных для занятия Одессы, Севастополя и Закавказья» [1, с.614]. Воевать с большевиками державы Согласия не хотели [1, с.617].

Командование Добровольческой армии, которое представлял тот же генерал Лукомский, по его словам, также «долго не знало, к кому из союзников и по каким вопросам надо обращаться» [1, с.614].

«Совершенно неясен, – вспоминал Александр Сергеевич, – был вопрос о взаимоотношениях на юге России между командованиями французским и Добровольческой армии. Долго командование Добровольческой армии не могло разобраться в «сферах влияния» на юге России Франции и Великобритании» [1, с.614-615]. Крым, как, оказалось, входил в зону французского влияния, поэтому

англичане категорически отказывались направлять запасы в Крым для нужд Добровольческой армии. Сначала их везли в Новороссийск, где и выгружали, «а затем уже, после сдачи начальнику русской базы» русские «могли их сами направлять в Севастополь». За этой тратой времени и сил скрывалась не бессмыслица, а четкое деление территории России на зоны влияния союзниками.

Основная задача англичан в Закавказье состояла в том, чтобы не допустить его воссоединения с Россией. В феврале 1919 г. по распоряжению главнокомандующего британскими войсками на Ближнем Востоке генерала Дж. Мильна был запрещен въезд в Батумскую область офицерам Добровольческой армии. Причем, форма общения и обращения британцев к русским генералам, лишившимся своей государственности, была надменной и унижительной. Генерал Гоф мог позволить себе письменно заявить о «тупоумии» и короткой памяти «многих» русских офицеров. Речь шла об опасении англичан в росте антианглийских настроений по мере нарастания непонимания и противоречий между союзниками и белогвардейцами.

Так, 10/23 марта 1919 г. генерал Ч. Дж. Бригс получил из Лондона указание, которое должно быть сообщено генералу А. И. Деникину. Правительство ее величества высказывало уверенность в том, что он (т. е. генерал Деникин) будет лояльно придерживаться общей политики союзников по отношению к маленьким государствам.

«Маленькие государства» рассматривались как дополнительный инструмент в геополитической игре «великих держав», поэтому англичане жестко боролись за свое влияние на них. Деникину сообщалось, что британское правительство «смотрит с большим неудовольствием» на назначение генерала В. П. Ляхова губернатором Дагестана. Как открылось Деникину и Лукомскому позднее, англичане считали Дагестан зоной своего влияния [1, с.641].

А. И. Деникину ставился ультиматум: «Великобритания постарается, чтобы грузины и другие кавказцы оставались нейтральными. Если же генерал Деникин будет действовать в направлении, не приемлемом для Великобритании, то это принудило бы правительство Его Величества отказать ему в своей поддержке и остановить отправку ныне посылаемых запасов» [1, с.641]. Таким образом, союзники рассматривали материальную помощь Белому движению как инструмент геополитического давления в конкретном, выгодном для себя направлении.

Что же касается «нейтральности» грузин и различий в понимании проблемы англичанами и командованием Добровольческой армии, Лукомский показывает «русскую» точку зрения, цитируя письмо А. И. Деникина британскому командованию в лице генералов Форестье Уоккера и Дж. Мильна от 1/14 февраля 1919 г.

По просьбе «официальных представителей Абхазского народа» Деникин уведомил англичан в том, что «ненависть абхазцев к грузинам так сильна, что никакое совместное жительство этих народов невозможно, и все равно путем кровавой борьбы абхазцы добьются своей свободы». А потому «промедление в удалении грузин из пределов Сухумского округа только ухудшит дело и вынудит прибегнуть к вмешательству посторонней вооруженной силы для восстановления порядка» [1, с.646].

Во избежание кровопролития Деникин настаивал на том, чтобы Сухумский округ был объявлен нейтральным, грузинские же войска и грузинская администрация были немедленно выведены оттуда, а поддержание порядка было возложено на абхазские власти, «свободно ими самими выбранные, и на военные отряды, сформированные из абхазцев» [1, с.647]. Представители британского командования, находившиеся в Грузии, – писал русский генерал, – «поддерживали морально Грузию и отстраняли от себя всякое воздействие на грузинское правительство, которое вело явно враждебную политику по отношению к Добровольческой армии и ко всему русскому» [1, с.648]. То, что удивляло Лукомского, являлось ничем иным как одним из геополитических маркеров, проявляющим себя и по сей день.

В арсенале средств геополитических решений союзники прибегали к откровенно антирусским стратегиям. На территории Украины французские оккупационные власти разыграли еще одну антирусскую карту. Высадка первого эшелона французских войск в Одессе (4/17 декабря 1918 г.) под командой генерала А. Бориуса к его огорчению не получила праздничного завершения. На следующий день французы не смогли, как планировали, вступить в Одессу с музыкой из-за враждебного настроения петлюровцев, занимавших город. Ситуацию исправил, правда не без потерь (24 убитыми и 100 ранеными) русский офицерский добровольческий отряд под командованием генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова, изгнавший петлюровцев из города. 7/20 декабря генерал Бориус по согласованию с представителем Добровольческой армии возложил на Гришина-Алмазова обязанности губернатора Одессы.

От своего командования генерал Бориус получил инструкцию занять только Одессу. Поэтому все усилия Гришина-Алмазова и командования Добровольческой армии реализовать план развития успеха и занятия южной части Новороссии, прилегающей к Черному морю, Херсона, Николаева –

богатого продовольственного и населенного района как плацдарма для последующих действий «по очищению» от петлюровцев и большевиков правобережной Малороссии, разбились о французскую инструкцию, выполнявшуюся Бориусом безукоризненно точно. Поскольку связь между Одессой и Новороссийском, где находилась ставка А. И. Деникина, была, по оценке Лукомского, «очень скверной», 15/28 декабря 1918 г. командованием Добровольческой армии было принято решение командировать генерала Лукомского в Одессу, чтобы он на месте разобрался в положении дел.

Встреча русского и французского генералов Лукомского и Бориуса убедила Лукомского в обреченности ведения переговоров с Бориусом, ожидавшим смены и приезда другого французского командующего – генерала Ф. Д'Ансельма. Одновременно Лукомский прояснил и другую неприятную для Добровольческой армии ситуацию, сложившуюся в Одессе, – откровенное противодействие пестрых в идейном, партийном и социальном отношении общественных сил и групп, находившихся в Одессе, – русской администрации города (во внутреннее управление которым французы не вмешивались), подчиненной генералу Деникину и состоявшему при нем Особому совещанию.

Под влиянием этих групп в городе укреплялось мнение, начинавшее обретать очертания требования о создании в Одессе особого автономного правительства. Сторонником этой точки зрения становился и генерал Гришин-Алмазов, который тяготился отсутствием возможности распоряжаться распределением денежных ассигнований, пользоваться имевшейся в Одессе экспедицией заготовления денежных знаков, а также другими ограничительными мерами, не позволявшими ему принимать быстрые решения. Однако основную оппозицию регламентирующим мерам Деникина составило антибольшевистское одесское общество – представители ряда финансовых, промышленных, торговых предприятий, деятели гетманского периода, бежавшие в Одессу после падения гетманства на Украине, некоторые политические круги, каждый из которых был по-своему недоволен политическим направлением генерала Деникина. Подогревалась мысль, доводившаяся до сведения французов, о консерватизме Деникина.

Глядя на историческую трагедию Белого движения ретроспективно, Лукомский писал об иллюзиях «общественности» в отношении союзников, полагавшей, что смена австро-германцев французами и англичанами внесет изменения в характер интервенции и сделает ее «активной». Однако сколько-нибудь реальных оснований для таких надежд, как показал Лукомский, не было изначально.

Внимание французов к Одессе было понятно. Это особый город, имеющий исключительное значение в торгово-промышленном отношении, организации деятельности морского транспорта через правления пароходных обществ, сосредоточенных в Одессе, товарообмена с заграницей.

С приездом 1/14 января 1919 г. в Одессу командующего союзными войсками генерала Ф. Д'Ансельма и его начальника штаба полковника А. Фрейденберга ситуация по отношению к генералу А. И. Деникину усиленно нагнеталась. В Одессе был отстранен консул Э. Энно, доброжелательно относившийся к Добровольческой армии и осведомленный в местных делах. Политика французского командования резко изменилась. Париж принял решение ограничиться удержанием Одесской зоны и Севастополя. Эту задачу французы собирались решать без русских военных сил, намереваясь формировать части из местных украинских уроженцев. Лукомский посчитал французскую идею «бригад-микст» из украинцев без русских доказательством недостаточной ориентированности французского командования в обстановке и непонимании им ментальности русского офицерства, которое, как писал русский генерал, «не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему русскому народу, с которым она составляет единое целое» [1, с. 629].

Однако дело было отнюдь не во французских опасениях шовинизма со стороны русского командования по отношению к населению Украины. Французы не уступали австро-венграм во возвращении украинского национализма, надеясь использовать его в своих геополитических пасьянсах. Злые семена, прорастая, давали всходы...

Ясности в отношении позиции союзников в условиях гражданской войны и интервенции у русской стороны не было, но у нее оказалось с избытком рыцарского романтизма и наивной надежды, тем более, что надеяться собственно было не на что и не на кого. Заметим, что в полной мере этот романтизм изжить, несмотря на весь горький опыт, тому же Лукомскому и не только ему, так и не удалось.

И, тем не менее, Лукомский показал, что геополитические интересы союзников сыграли видную роль в поражении Белого движения. Он считал, что советского правительства давно не существовало, если бы первоначальное решение, от которого позднее отказались, по отправке союзных войск «для обеспечения порядка и образования плацдарма в районе Малороссии было проведено в жизнь» [1, с. 662].

Советская власть была бы, по мнению Лукомского, свергнута, даже если бы французы и англичане обеспечили удержание только Одесского района и Крыма. И, «помимо материальной помощи в виде снабжения армии, оказали действительную помощь по восстановлению экономической жизни в освобожденных от большевиков районах, и открыли командованию «белых армий» достаточный кредит» [1, с.662].

Лукомский высказал соображение-предупреждение в адрес доброжелательно настроенных по отношению к России англичан и французов, основанное на его понимании исторического и практического опыта российской государственности, а затем трагедии ее утраты. «...все истинные сторонники союза с Россией во Франции и в Великобритании должны понять, что на будущую политику возрождения Великой России естественно должны будут повлиять нынешние отношения наших прежних союзников к противобольшевистской России», – писал генерал [1, с.600].

В самом же возрождении полуторамилионной России Лукомский не сомневался, даже после того, как испытал горечь поражения до дна. В тексте воспоминаний он написал: «Чем больше будут мешать воссозданию России, тем это будет хуже для тех, кто к этому приложит руку» [1, с.600]. Исторический опыт подсказывает, что едва ли эти мысли, в силу отличий менталитета могли быть или могут быть услышаны другой стороной.

Союзников интересовали конкретные сферы влияния. Они рассматривали оказываемую ими помощь как инструмент своего жесткого давления. В их геополитических конструкциях появилась идея создания и поддержки при условии полного подчинения им «малых государств», в которых видели средство ослабления противника и «отжатия» у него территорий. Россия традиционно в новое время являлась для Великобритании конкурентом и противником, а для Франции – периодически. К сожалению, почти нет работ об англо-французских связях в условиях Гражданской войны в России [2]. И в этом отношении воспоминания Лукомского, подробно цитировавшего англо-французские документы, представляют интересный источник, недостаточно изученный.

Диктат в отношении побежденных стал стилем реализации геополитических амбиций «бывшими» и отнюдь не сентиментальными союзниками. В условиях Первой мировой войны, а затем и Гражданской войны отработывалось еще одно средство борьбы с противником – разыгрывание национальной карты. Засеивались семена подозрений и вражды: межнациональной; использовались межпартийные идеологические противоречия; раскручивались противоречия корпоративных и государственных интересов. Корыстные намерения выдавала также утрата интереса (в том числе и на время – определенного геополитического интереса) в случае неудачи в удовлетворении личных коммерческих амбиций и претензий. Лукомский привел пример поведения «отдельных англичан», правда не на юге России, а в сфере их интересов на ее Севере, что, впрочем, не меняет сути дела и характеризует его существо. Не добившись получения крупных концессий от Северного антибольшевистского правительства, которое «не считало себя вправе распродавать русские национальные богатства», «интерес англичан в Северной области пропал» [1, с.617].

Переживший потерю Родины генерал Александр Сергеевич Лукомский (1868-1939), завершил написание воспоминаний по горячим следам эпохальных событий. В 1922 г. все было еще очень близко и психологически тяжело. И, тем не менее, выделенные им факты проясняют реальную геополитическую картину и основания действий участников трагических событий.

Список литературы

1. Лукомский, А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. Архивные материалы / А. С. Лукомский. – М.: Айрис-Пресс, 2012. – 751 с.
2. Bell, P. M. H. France and Britain, 1900-1940: Entente and Estrangement / P. M. H. Bell. – London, 1996. – 528 p.

Статья поступила в редакцию 15.04.2020

Lachaeva, M.Yu. Geopolitical Markers in Behavior of Allies in the South of Russia at the end of 1918 – the first half of 1919 (Based on the memoirs of A.S. Lykomsky)

The article focuses on the problem of geopolitical interests of the former allies in the First World War during the Civil War in Russia and its understanding by one of well-known participants of White resistance, general A. S. Lykomsky.

Keywords: the Civil War, A.S. Lykomsky, spheres of interest, sense.

УДК 94:623.1(470)''1914/1922''

На основании трудов исследователей рассматривается история возведения и усиления Севастопольской крепости в период перед Первой мировой войной (1914 -1918) и в годы Гражданской войны (1918-1922), анализируются технологические особенности строительства Севастопольской крепости, жизнь крепости в начале века и изменения в связи с обстановкой на фронте в составе гарнизона и вооружения. Авторы приходят к выводу о том, что к началу Первой мировой войны Севастопольская крепость, выполняла свою главную задачу - защита главной базы Черноморского флота. Однако после октябрьской революции и в годы Гражданской войны она лишилась значительной части своего вооружения и гарнизона. Был нанесен сокрушительный удар по обороноспособности Севастопольской крепости.

Ключевые слова: Севастопольская крепость, батареи, укрепления, строительство, война.

Т. В. Вакулова, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

Ю. Н. Пикалов, бакалавр

Севастопольский государственный университет

E-mail: oldyard@mail.ru

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ 1914-1918 ГГ. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ 1918-1922 ГГ.

Актуальность исследования связана с усилением интереса к истории Севастополя, как базы Черноморского флота России, после закономерного возвращения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 г. и продолжающимся процессом интеграции Крыма в российское политическое, культурное и экономическое пространство.

Севастопольская крепость – главное оборонительное, военно-фортификационное архитектурное сооружение города Севастополя. Первые укрепления возводились под руководством А. В. Суворова [4, с. 21-23], а затем в её постройке участвовали М. П. Лазарев, Д. Н. Сенявин, Ф. Ф. Ушаков. Были построены оборонительные укрепления на Северной и Южной сторонах Севастопольской бухты. Строительство крепости продолжалось 70 лет, и завершилась в 1854 году, перед началом Крымской войны (1854-1856). Возведением укреплений в Севастополе руководили военные инженеры И. И. Вьюнников, А. А. Григоренко, В. Р. Гулишамбаров, П. Е. Козловский, А. Н. Колосов, А. Д. Лебедев, Н. П. Лебедев, К. К. Лихарев, В. А. Нецветаев, С. И. Панской, Н. И. Третесский, Ф.-О. И. Энберг и др.

Севастопольская крепость – это комплекс сооружений, состоящий из нескольких военно-фортификационных построек расположенных по разным сторонам Севастопольской бухты. На Северной стороне бухты находился Михайловский форт, Северное укрепление и Константиновский форт. На южном берегу бухты – Николаевское и Александровское укрепления, несколько батарей, оборонительные стены, полубашня, оборонительная казарма первого бастиона, бруствер и ров 10 земляной батареи у Карантинной бухты. Сегодня исследователи делят крепость на три части, Константиновский и Михайловский форты и Северное укрепление. Двухъярусные форты были построены в 1840 и 1846 годах. Такого рода военно-фортификационные сооружения несут следующее назначение: во-первых, для защиты войск, во-вторых: для размещения и эффективного применения оружия, военной техники, пунктов управления, в-третьих, для защиты мирного населения и объектов государства.

Анализ источников показал, что многие архивы и техническая документация по Севастопольской крепости пострадали в годы войн XX века, а затем в советское время военные и гражданские объекты на территории Севастополя были объявлены секретными и попали под гриф секретно, информации о них было крайне мало. Длительное время были недоступны работы историков, при этом работы, в которых можно почерпнуть информацию по сооружениям Севастополя, исследователи разделяют на три группы: 1) материалы сохранившихся архивов;

2) мемуары, воспоминания, публикации в прессе; 3) работы поствоенных отечественных исследователей. Историю возникновения различных сооружений в Севастополе рассматривали в своих трудах историки: В. Андреев [1], В. В. Крестьянников [5], Ю. М. Магаричев [6], Ю. А. Скориков [8], Ю. Н. Пикалов [7], А. Б. Широкопад [9]. Из мемуарных источников можно выделить воспоминания А. Б. Борисова [2], [3]. Интерес представляют работы В. В. Крестьянникова, который на основе архивных документов рассматривает поэтапное воссоздание Севастопольской крепости после Крымской войны, автор описывает историю и процесс создания одной из мощнейших морских крепостей России в начале XX века перед Первой мировой войной. В альманахе «Фортвед» №7 и № 8 вышли работы В. Андреева [1], [2] где автор сообщает об усилении Севастопольской крепости завершившееся в мае 1911 года высочайшим утверждением соответствующего журнала Крепостной комиссии при Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ). Описывает работы, выполненные в соответствии с этим планом в 1911-1913 гг., состояние крепости к началу 1914 г., работы первой половины 1914 г. до объявления мобилизации, работы мобилизационного и последующего периода (июль - октябрь 1914 г.), бой с линейным крейсером «Гебен» 16 октября 1914 г. и первые месяцы развернувшейся на Черноморском театре Первой мировой войны. Таким образом, хотя история Севастопольской крепости не была широко освещена в научной литературе, однако она не оставалась без внимания историков.

К началу Первой мировой войны (1914-1918) Севастопольская крепость имела на вооружении и в постройке 22 береговые батареи. Они находились на приморских рубежах, на территории более чем 40 километров. Главная линия укреплений тянулась от устья реки Бельбек до мыса Херсонес, а дополнительная приморская линия укреплений – от мыса Херсонес до Балаклавы. На Северной стороне Севастополя от мыса Константиновского до мыса Толстого, и на Южной стороне от мыса Александровского. Практически непрерывной линией располагались береговые батареи, которые возводились в бетоне уже с 1890-х годов до начала русско-японской войны в 1904 году. Вооружение на этих батареях составляли, к тому времени, уже устаревшие пушки и мортиры образца 1867 г., 1877 и 1887 гг.

По итогам Русско-японской войны (1904-1905 гг.) концепция севастопольской крепости была пересмотрена. Старые батареи модернизировались и перестраивались, закладывались новые современные батареи. Главный Приморский фронт с 1909 г. был усилен по флангам 10 дюймовыми батареями №15 (на западном берегу Стрелецкой бухты) и №16 (в районе поселка Учкеевка на Северной стороне). На крайних оконечностях береговых укреплений Балаклавы и Бельбека предполагалось иметь две долговременные группы укреплений, так называемые форты «Бельбек», «Северная» и «Южная Балаклава», призванных противодействовать десантам противника, высадившихся севернее или южнее Севастополя, и наступающих вдоль берега при поддержке своего флота. Оборона Севастополя с суши традиционно была слабой и предусматривала в случае необходимости обеспечиваться действиями армии. В качестве опорных пунктов предписывалось использовать форт «Литер А» в верховьях Стрелецкой бухты и форт «Литер Б» в пос. Учкеевка, построенные в 1905 году, а также Северное укрепление постройки 1811 г. Форт под номером «Литер А» был построен на оконечности Стрелецкой балки в 1901–1905 гг. по типу форта, разработанного в 1897 г. профессором Величко. Это был образец для проектирования фортов во всех российских крепостях, возводившихся с 1898 по 1908 гг. [5, с. 14-15.] Форт вмещал в себя роту пехоты и был построен фронтом на юго-запад, имел в плане форму многоугольника (трапеция с изломом напольного и горжевого фасов в сторону фронта). Сохранившаяся глубина рва – до 8,5 м. Оборона рва, высеченного в скальном грунте, обеспечивалась двумя двойными кофрами, в каждом по 10 ружейных бойниц на каждый примыкающий участок рва. Кофры потернами соединялись с двухэтажными казематированными постройками, расположенными внутри форта основной стрелковой позиции. В верхнем этаже постройки было убежище для стрелков, а в нижнем – два погреба для боеприпасов. В центре форта находилась одноэтажная казематированная казарма, общей площадью 140 м². Въезд в укрепление осуществлялся с северо-восточного угла рва.

Одновременно с фортом «Литер А» на Северной стороне, севернее Бартеньевки, был построен форт «Литер Б» (по проекту 1885 г. – форт № 11) на роту пехоты, но меньший по размерам фронтом на северо-восток. Укрепление в виде многоугольника (трапеция с изломом горжевого фаса), окруженное рвом. Оборона рва обеспечивалась одним двойным и одним одиночным кофрами. На территории находилось небольшое убежище вместо казематированной казармы [5, с.15].

Слабой стороной обороны Севастопольской береговой крепости была горжа крепости или сухопутный фронт, который в начале XX века состоял из двух фортов, редута впереди береговых батарей № 12 и 13 и неоконченной непрерывной ограды на Южной стороне. В случае осады крепости, все береговые батареи должны были войти в общую систему батарей и фортов, защищающих крепость с горжи, то есть сухого пути. На вооружении Севастопольской крепости на 1907 г. состояло 12 береговых батарей (из них одна на временных основаниях в Херсонесе) со 104 орудиями большого калибра [5, с.15], большинство из которых имели угол обстрела по горизонту 360°, то есть круговой обстрел. Для отражения воздушного противника служили 9 батарей зенитной артиллерии, вооруженные 75 мм и 3 пушками, 14 прожекторных установок [5, с. 16] и малокалиберная судовая артиллерия. Помимо этого на вооружении крепости были 57 мм скорострельные береговые пушки Норденфельда и трехлинейные автоматические пулеметы Максим на лафетах или треногах. Кроме крепостной артиллерии в составе гарнизона находилась 13 артиллерийская бригада из 6 батарей (48 полевых орудий) [5, с.16].

За всё хозяйство Севастопольской крепости отвечал комендант крепости - генерал-лейтенант Аркадий Николаевич Ананьин, который был назначен на эту должность 13 марта 1909 года и на этом посту встретил начало Первой мировой войны. Крепостной артиллерией командовал генерал-майор Георгий Павлович Коркашвили, строителем Севастопольской крепости был назначен военный инженер генерал-майор Фридрих-Оскар Иванович Энберг, начальником штаба крепости Генерального штаба полковник Владимир Павлович Муратов.

Основной силой гарнизона крепости являлась крепостная артиллерия в составе двух батальонов, один из которых нес службу на батареях главного приморского фронта на Южной стороне, другой – на Северной стороне. Главной силой была 13-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Фердинанда Маврикиевича Вебеля с расквартированными в Севастополе штабом и 49-м Брестским и 50-м Белостокским полками и 13-й артиллерийской бригадой. Также гарнизон Севастопольской крепости насчитывал две сапёрные роты, две минные роты и ряд других подразделений.

15 августа 1909 г. состоялось совещание военного и морского министров и обоих начальников Генеральных штабов, по итогам которого было принято решение сохранить за Севастополем значение оперативной, единственной на Чёрном море базы для активного линейного флота. Согласно проекту, представленному Главным управлением Генерального штаба, Севастополь превращался в огромную крепость, для которой был необходим соответствующий её размерам гарнизон, и с перспективой постройки до 1930 г. двух поясов фортов.

Первым в августе 1911 г., сразу же после утверждения проектов, началось строительство батарей № 19 и № 21 на дополнительном фронте от мыса Херсонес до Балаклавы. Осенью 1912 г. для организации и проведения работ по усилению и переустройству крепости было образовано Временное Управление Строителя. Его возглавил военный инженер генерал-майор Фридрих Энберг, а также в его состав вошли офицеры крепостного управления. Был учреждён распорядительный комитет, принимавший решения по хозяйственным вопросам.

Проекты укреплений составлялись военными инженерами Управления Строителя с учётом определённых крепостной комиссией задач, предварительно выбранного местоположения и принимая в расчёт различные местные условия. После чего, минуя окружную инстанцию, направлялись непосредственно в Петербург в Главное Инженерное Управление, где рассматривались на заседаниях Инженерного комитета. После утверждения проекты возвращались в крепость, а управлению строителя выделялись необходимые кредиты. Распорядительный комитет проводил торги, за тем следовало заключение контрактов и все необходимые действия для организации тех или иных работ. Все работы выполнялись на конкурсных условиях частными подрядчиками. От Управления Строителя крепости назначался один офицер, производитель работ, в некоторых случаях это был автор проекта соответствующего укрепления. В его обязанности входила организация работ по части снабжения необходимыми материалами, наблюдение за их ходом, оценка объёмов выполненного строительства, контроль качества и соответствия проекту. По утверждённому строительному плану в число первоочередных работ на 1911-1914 гг. была включена постройка батарей дополнительного фронта №18, 19, 20, 21, 22 и Балаклавской долговременной группы укреплений

Севастопольская крепость, в середине 1910-х гг. имевшая приморский фронт большой протяженности и свыше 140 орудий большого калибра на батареях, была способна

противодействовать судам неприятеля. В то же время сухопутный фронт, замыкающий круговую оборону крепости, только начинал формироваться. Севастопольская крепость и в 1783, и 1854, и 1877 гг. оказалась незащищенной с сухого пути. В 1911 г. в Севастополь для участия в составлении фортификационных проектов крепости был командирован преподаватель Николаевской инженерной академии военный инженер-подполковник С. А. Ильяшов, с 1912 г. – старший производитель работ в Севастопольской крепости. Для руководства составлением проекта крепости в 1912 г. был командирован постоянный член Инженерного комитета военный инженер генерал-майор Буйницкий. В период с 1912 по 1915 гг. в крепости Севастополь были заложены 12 новых береговых батарей калибром орудий от «6 до 12», из них к 1917 г. были окончены и вооружены 8. Всего в 1917 г. в крепости состояло 22 береговые батареи, вооруженные 142 орудиями [5, с.17]. Следует отметить, что проектируемые в этот период береговые батареи имели оборону с горжи, а на флангах бетонных массивов батарей имелись погреба для противоштурмовых орудий. Примером может служить батарея № 14, спроектированная в 1910 г. военным инженером Ф. Энбергом. На левом фланге началось строительство двух укреплений – Северного и Южного по проекту военного инженера Полянского, согласно утвержденной 29 марта 1913 г. Инженерным комитетом «Временной инструкции для устройства перекрытий и стен казематированных крепостных помещений». Укрепления расположены на высотах 211 и 361,2 к востоку от Балаклавской бухты, городом Балаклавой и долиной Золотая балка [5, с.17]. На главном приморском фронте строительство трёх 120-мм батарей №23, № 24, и на правом фланге батареи № 9 (позднее №8), а также перестройка батареи №1. План предусматривал в крепости прокладку дорог, устройство телеграфной и телефонной сети, постройка бетонных укрытий для прожекторов, дальномерных павильонов, усиление минных средств крепости и т.д. на общую сумму 3,78 млн. руб.

Технология строительства севастопольских батарей отличалась от принятого в то же время строительства Кронштадской и Владивостокской крепости. В вышеназванных крепостях первоочередной задачей являлось подготовка орудийных оснований и максимально быстрая установка орудий, после чего уже возводился собственно сам бетонный массив батареи. В Севастополе же всё происходило наоборот – сначала выполнялись земляные работы, затем заливался бетонный массив, одновременно с этим отрывались рвы сухопутной обороны. После того, как бетонный массив в целом был готов, отрывались котлованы, устанавливалась опалубка и закладные части и набивались бетоном сами орудийные основания. Монтаж вооружения являлся завершающей операцией наряду с чистовой отделкой, оснащением бетонного массива батареи различными приборами и оборудованием. К началу 1914 г. на дополнительном приморском фронте начатые строиться первыми 11-дюймовые батареи №19 и №21 были полностью закончены, и первую из них в течении октября-ноября 1913 г. успели вооружить. Другие батареи приморского фронта находились в разной степени строительства.

Прикрывавшие левый фланг дополнительного приморского фронта Балаклавская долговременная группа занимала господствующую над Балаклавой высоту 211,4 и расположенную примерно в полутора юго-восточней высоту 361,2. Эскизный проект был разработан фортификатором Нестором Алоизиевичем Буйницким (1863-1914). Задачей долговременной группы являлось не только обеспечение фланга приморского фронта от возможных действий десантного отряда противника, но и удержания Балаклавской бухты как пункта базирования лёгких сил флота. Общая протяжённость группы по фронту превышала 2 км. И благоприятный характер местности, величина обстрелов и крутизна склонов позволяла ограничиться гарнизоном в один батальон пехоты. Траншеи для стрелков вместе с открытыми барбетами противоштурмового вооружения, представляли основу оборонительной группы. Охватывавшим вершины возвышенностей траншеям было придано начертание в виде редутов и люнетов – они должны были позволить не только обстреливать впереди лежащую местность, но и поддержать друг друга, возмещая малое количество стрелков огнём выкатных полевых скорострельных пушек и пулемётов. Сообщение между группами укреплений предусматривалось в виде потерглубокого залегания, для того, чтобы подчеркнуть тоннельный способ проходки, а не отрывку необходимых котлованов с поверхности, в документах эти элементы, служившие для закрытого сообщения, именовались тоннелями, тогда как потерной называлась участки, выполненные открытым способом. К началу 1914 г. из расчётной суммы в 839 тыс. руб. на постройку Балаклавской группы было освоено чуть более половины – 434 тыс.

Главный приморский фронт к описываемому времени, учитывая недавний ввод в строй 10 дюймовых батарей представлял собой наиболее развитую и оборудованную позицию в плане противодействия флоту противника. Из предполагаемых к постройке батарей к 1914 г. были закончены, вооружены 120-мм батареи №23, 24, 14. Старая батарея на Александровском мысу перестраивалась в батарею №8 на четыре 57-мм пушки.

Ещё 11 мая 1913 г. в Инженерный комитет Главного инженерного управления при рапорте начальника инженеров и строителя Севастопольской крепости был представлен проект батареи №25 на четыре 12-дм пушки в башнях. Проект этот вызвал ряд возражений в первую очередь в связи с неудачным начертанием горжи, позволявшей неприятельскому флоту обстреливать тыльную стену массива батареи. В результате проект был пересоставлен при Инженерном комитете генерал-лейтенантом Буйницким при участии генерал-лейтенанта Мяковского и полковника Баранова, и утверждён после рассмотрения 14 августа 1913 г. Место расположения батареи было выбрано Крепостной комиссией при Главном управлении Генерального штаба на участке, отведённом ранее под 6-дюймовую батарею на высоком берегу над нынешней Голубой бухтой Севастополя. Направление крайних выстрелов было определено на маяк мыса Сарыч влево, и на мыс Лукулл вправо, что давало сектор обстрела в море в 260 градусов.

Проект второй башенной батареи №26 вместе с проектом всей Бельбекской долговременной группы, в состав которой она входила, был представлен 8 января 1914 г. на рассмотрение Технического комитета Главного военно-технического управления. По проекту группа состояла из четырёх укреплений с общим гарнизоном всего в две роты пехоты, в качестве противостурмового вооружения предполагалось иметь только 16 пулемётов, для артиллерийской поддержки пехоты предназначалась батарея 48-линейных гаубиц.

Назначение Бельбекской группы состояло в обеспечении правого фланга главного приморского фронта от действий десантного отряда противника, высадившегося где-либо к северу от Севастополя и поддерживаемого неприятельским флотом. Но включение в состав группы башенной 12-дм батареи, представляющего большую финансовую и боевую ценность, придало группе значительно большее значение, что нашло отражение в развитии фортификационных построек, их числа, в увеличении гарнизона и усилении вооружения. Укрепления группы располагались на двух холмистых гребнях, передовом и тыловом, разделённых глубоким распадком, причём передовые укрепления занимали высоты по левому берегу реки Бельбек. Расстояния между гребнями составляло около 2 км, протяжённость группы по фронту равнялась примерно 3,5 км, а глубина 2 км. Обеспеченная от штурма башенная батарея №26 на четыре 12-дюймовые пушки занимала вытянутую возвышенность с отметкой 29,0. Башни предполагалось разместить в едином бетонном массиве, расстояние между центрами башен составляло 30 сажен, правая башня имела превышение в 2,1 м над левой. Подтверждённые обстрелу стены первоначально проектировались монолитными, толщиной 17 футов, но в итоге была принята слоистая конструкция с песчаной прослойкой в соответствии с принятыми 22 января 1914 г. нормами «Временной инструкции». Бетонные своды над казематами должны были быть толщиной 8 футов по швеллерам с асфальто-бетонной прослойкой. Весь массив батареи окружала траншея принятого для Балаклавской долговременной группы профиля. Всю позицию батареи окружала двойная проволоочная сеть. Проект батареи был утверждён Техническим комитетом 27 февраля 1914 г., общая стоимость определялась в размере 1078000 руб. Далее, в 700 м восточнее батареи, на высоте 39,56 м находился центральный опорный пункт Бельбекской группы, спроектированный в виде сомкнутого укрепления, усиленного бетонными убежищами. Линия напольного фаса проходила по военному гребню, обеспечивая ближний обстрел местности. В центре укрепления размещалась казарма, служившая ретраншементом, откуда можно было вести и дальний огонь. Казарму предполагалось с помощью потерн соединить с напольными и левофланговым убежищами дежурных частей, на правом фланге и в горже были предусмотрены самостоятельные убежища. Толщина напольных стен казематированных построек составляла 9 футов, бетонные своды в 7 футов, укладывались по противоотколу из швеллеров. Проект центрального опорного пункта был одобрен, его постройка должна была обойтись в 8336 тыс. руб., из них 150 тыс. приходились на казарму. Кроме того, впереди опорного пункта для продольного обстрела Бельбекской долины и фланкирования подступов к соседним укреплениям группы, было предусмотрено соорудить капонир на четыре 3-дм пушки с убежищем на взвод пехоты, позицией для самообороны, безопасным

выходом на неё и закрытым сообщением с опорным пунктом по тоннелю. Постройка капонира стоимостью в 161 тыс. руб. была отнесена во вторую очередь.

Об авиации в Севастопольской крепости сообщает Александр Широкоград «Еще в 1910 г. для Севастопольской крепости была сформирована 8-я воздухоплавательная рота для корректировки и наблюдения учебных стрельб артиллерийских батарей Севастопольской крепости. Она размещалась в помещениях бывшей Константиновской батареи. В 1912 г. рота была переформирована во 2-ю авиационную роту в составе 14-го и 15-го корпусных авиационных отрядов, а имущество ее переправлено в Петербург. В конце 1913 г. авиационную роту перебросили в Варшаву» [9].

В годы Первой мировой войны в крепости базировался отряд дирижаблей, для обслуживания которого прикомандировались роты дружин Государственного ополчения. К 1 октября 1916 г. Противовоздушная оборона Севастополя состояла из восьми 75/50-мм корабельных пушек Кане. Эти пушки были на переделанных станках системы Меллера, допускавших стрельбу при углах возвышения до +75°. Кроме того, имелось восемь 122-мм полевых гаубиц на импровизированных зенитных установках.

В ходе войны в крепости, проходили мероприятия связанные с организацией и практическими мерами по подготовке к Босфорской десантной операции. Севастопольская крепость и крепостная артиллерия должна была стать основой формирования осадного парка, который должен был участвовать в высадке в составе десантного корпуса. Для этого в крепости заготавливались недостающие предметы снабжения, временные деревянные основания для орудий, комплектовался боевой запас.

17 августа 1916 г., когда Румыния вступила в войну на стороне Антанты, Россия была вынуждена перебросить в Румынию войска. Приближение фронта к Крыму вынудило командование принять меры по укреплению побережья и укреплению сухопутной обороны севастопольской крепости. С этой целью на побережье Крыма в августе–ноябре 1916 г. было установлено 6 батарей в местах возможной высадки десанта.

Для обороны Севастополя с суши были возведены семь укрепленных позиций полевого типа: № 1 Альминская в районе м. Лукулл; №3 близ д. Бельбек; № 5 близ д. Дуванкой; № 8а при ж/д станции «Бельбек»; № 8б при д. Черкез-Кермен; № 11 при д. Варнутка; № 12 при д. Варнутка. Позиции не имели постоянного гарнизона, охрану каждой составляли шесть солдат от 86 и 88 ополченческих рабочих рот [5]. В середине 1917 г., согласно приказу коменданта Севастопольской крепости, были утверждены четыре отдела обороны крепости: 1) Северный – от реки Бельбек до Северной бухты; 2) Южный – от Северной бухты до Херсонесского маяка включительно; 3) Дополнительный – от Херсонесского маяка до Балаклавы включительно; 4) Отдел воздушной обороны – согласно плану воздушной обороны [5].

Трагической была судьба Севастопольской крепости в годы гражданской войны, т.к. именно с началом братоубийственной войны в Севастопольской крепости воцарился беспорядок и хаос. Никакая отчетность не велась. Красные и белые, по очереди владевшие Крымом, разграбили крепость. Особый интерес у обеих сторон вызывали 152/45-мм пушки Кане и 120/50-мм пушки, которые отправлялись на вооружение тяжелых бронепоездов. Несколько бронеплощадок с 152/45-мм пушками было изготовлено на «Севморзаводе». Свой значительный вклад в ослабление севастопольской крепости внесли также войска союзников, особенно порчей пушек отметились французы. В 1920 г. белые передислоцировали четыре из шести тяжелых 10-дм орудий на север Крыма. Две были установлены на Перекопе, две – на Чонгаре [9].

После окончательного занятия Крыма в ноябре 1920 г. красные начали восстановление почти полностью разрушенной системы береговой обороны Севастополя.

В итоге к осени 1923 г. им удалось воссоздать крепостную артиллерию трехдивизионного состава. В первый дивизион входили три береговые батареи на Северной стороне. Батарея № 1 располагалась у мыса Лукулл и была вооружена двумя 152/45-мм морскими пушками Кане. Батарея № 2 разместились в районе Шталь – Учкеевка. Там было три 10/45-дюймовых пушки. Батарея № 3 у Северной косы была вооружена четырьмя 152/45-мм морскими пушками.

Во второй дивизион входили батареи Южной стороны: батарея № 4 на Александровском мысу на две 120/50-мм пушки; батарея № 5 между бухтами Стрелецкая и Песочная на четыре 152/45-мм морские пушки; батарея № 6 на западном берегу Стрелецкой бухты на три 10/45-дюймовые пушки (на левом фланге старой батареи).

В третий дивизион входили четыре батареи: батарея № 7 между Казачьей и Камышовой бухтами на три 152/45-мм морские пушки; батарея № 8 в Казачьей бухте; батарея № 8 на мысе Фиолент (четыре 152/45-мм пушки) и батарея № 10 у входа в Балаклавскую бухту на две 152/45-мм пушки и два деревянных макета.

Таким образом, Севастопольская крепость благодаря принятым в конце XIX – начале XX вв. мерам к началу Первой мировой войны стояла на втором месте среди российских крепостей, уступая лишь Кронштадтской крепости. Последовавшие затем две революции и Гражданская война нанесли сокрушительный удар по обороноспособности Севастопольской крепости, оправиться от которого молодой советской республике предстояло долгие годы.

Список литературы

1. Андреев, В. Севастопольская крепость в годы Первой мировой войны / В. Андреев // Фортвед. – 2014. – №7. – URL: <https://lost-fortresses.livejournal.com/280924.html> (дата обращения : 21.05.2020)
2. Борисов, Б. А. Подвиг Севастополя / Б. А. Борисов. – Симферополь: Таврия, 1977. – 400 с.
3. Борисов, Б. А. Школа жизни / Б. А. Борисов. – М.: Политиздат, 1971. – 368 с.
4. Вакулова, Т. В. Воссоединение: исторические параллели / Т. В. Вакулова, Ю. Н. Пикалов // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока / Тезисы докладов на междун. науч. конф., Севастополь, 6-8 июня 2017 г.; сост. А. Д. Васильев, Н. В. Гинькут, В. В. Лебединский. – М.: ИВ РАН, 2017. – 180-181 С.
5. Крестьянников, В. В. Крепость Севастополь во второй половине XIX – начале XX веков. Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XXIII(X). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы XIV Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» / под редакцией С. Б. Филимонова, В. В. Хапаева. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2017. – 72 с.
6. Магаричев, Ю. М. Крым: «Пещерные города» / Ю. М. Магаричев. – Высшая школа, 2010. – 280 с.
7. Пикалов, Ю. Н. Подземный Севастополь – Неизвестные страницы / Ю. Н. Пикалов. – Севастополь: Колорит, 2018. – 128с.
8. Скориков, Ю. А. Севастопольская крепость / Ю. А. Скориков. – СПб.: Стройиздат, 1997. – 320 с.
9. Широкоград, А. Трагедии Севастопольской крепости / А. Широкоград. – М.: Эксмо, 2005. – 544 с.

Статья поступила в редакцию 02.06.2020

Vakulova, T. V., Pikalov, Yu. N. Sevastopol Fortress before the First World War 1914-1918 and the Civil War 1918-1922

Based on the works of researchers, the history of the construction and strengthening of the Sevastopol Fortress in the period before the First World War (1914-1918) and during the Civil War (1918-1922) is considered, the technological features of the construction of the Sevastopol Fortress, the life of the fortress at the beginning of the century and changes in connection with the situation at the front as part of the garrison and weapons. The authors come to the conclusion that by the beginning of the First World War, the Sevastopol Fortress fulfilled its main task - the protection of the main base of the Black Sea Fleet. However, after the October Revolution and during the Civil War, she lost a significant part of her weapons and garrison. A crushing blow was dealt to the defenses of the Sevastopol Fortress.

Key words: Sevastopol fortress, batteries, fortifications, construction, war..

УДК 281.93:94(47)''1918/1920''

Рассматривается проблема взаимоотношений политических сил и православного духовенства в 1918-1920 гг. Исследуется причина обострения политических противостояний в Крыму и Севастополе.

Ключевые слова: православная церковь, гражданская война, реорганизация, советская власть, противостояние.

И. В. Рыбак, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: i32437@yandex.ru

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Крым и Севастополь всегда рассматриваются как военная история стратегически важных пограничных регионов России. В настоящее время, когда отношения между государством и церковью строятся на взаимном сотрудничестве, научные исследования в области мировой, российской, военной и церковной истории стали актуальными для понимания геополитических отношений.

В настоящее время исследование проблемы репрессий переживает новый виток. Крым 1920 г. был местом исхода белой армии. Документы о последнем периоде Гражданской войны малочисленны и малоизучены, поскольку свидетельства о происходивших событиях (репрессии духовенства) долгие годы были не доступны для исследования.

Существуют представления о том, что в 1918-1920 гг. все православное русское духовенство было на стороне Белого движения, патриарха Тихона (Белавина), которого советская власть представляла как ярого консерватора, черносотенца и контрреволюционера.

События Первой мировой войны 1914-1918 гг. показывают, что институт военного духовенства, являясь неотъемлемой частью императорской армии, был сохранен и в белой армии в 1918-1920 гг.

С 1918 по 1922 г. на территории Советской России шла Гражданская война. Это был кровопролитный военный конфликт, в котором принимали участие не только граждане Советской России, а и военные интервенты, поддерживающие Белое движение. В Крыму и Причерноморье происходили драматические события, в которых принимали участие различные национальные движения, политические партии, профсоюзные общественные, религиозные организации и военные группировки.

В независимости от того в какой части большевистской России происходили политические катаклизмы, они находили свое отражение на полуострове. Крымский полуостров являлся важнейшим геополитическим регионом, где сталкивались интересы разных государств, внутренних, военных и политических группировок [3, с. 8].

На протяжении 1918-1920-х гг. на полуострове каждые три-четыре месяца менялись правительства и политические режимы. Каждое из них стремилось изменить порядки и законы, принятые предшественниками. Разные политические взгляды, программы и видение перспектив развития России не мешали им применять для достижения целей репрессивные формы и методы по отношению к своим политическим противникам. Эти формы и методы (погромы, убийства и репрессии) в литературе называют «красным» и «белым» террором, от которого страдали не только военные, но и гражданское население.

В 1918 г. вновь образованным правительством республики Таврида по согласованию с Москвой была сделана первая попытка изменения статуса православия в Крыму. 1 апреля 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров (СНК) под председательством А. Слуцкого рассматривался вопрос о создании Комиссии по ликвидации духовной консистории. На заседании приняли решение о создании при Комиссариате юстиции республики Таврида специального бюро, которое должно было организовать работу по регистрации актов гражданского состояния (браков, рождений и смерти и т.п.) граждан Крыма. Ранее эти функции были в компетенции духовной консистории, появился повод для ее упразднения. В этот же день (1 апреля 1918 г.) на заседании Симферопольского Совета рабочих и солдатских депутатов было решено отобрать у православной церкви здание духовной консистории. Горисполком утвердил решение по изъятию у церквей по всему Крыму, внеслужебных помещений [2, с.37].

На всей территории Крыма главным документом по проведению антирелигиозной политики являлся Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23.01.1918). Все

имущество религиозных общин считалось достоянием народа и передавалось местным советам. Церковные здания и богослужебные предметы предоставлялись верующим в бесплатное пользование. За короткий период властвования красных в Крыму был издан местными властями декрет «Об отделении «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Который был аналогом декрета СНК (от 23.01. 1918 г). Этот декрет появился в Крыму в 1919 г. Декрет был направлен на ограничение религиозного образования и воспитания. Запрещалось устраивать «открытое религиозное собеседование, но церкви всегда были полны молящихся» [3, с. с. 39].

Крымский архиепископ Димитрий, оценивая действия советских органов власти, в письме к Патриарху Тихону указывал на бедственное положение крымских монастырей и храмов: «завладели Георгиевским Балаклавским монастырем. Бесцеремонно грабят Херсонесский и Инкерманский монастыри (вблизи Севастополя). Что будет дальше трудно предугадать» [2, с. 38].

Архиепископ Димитрий там же выражал надежду на благоразумие властей: «... Быть может государство в состав коего войдут 278 моих приходов, встанет на защиту интересов вверенной мне епархии и оградит ее от окончательного расхищения» [3, с. 43]. Однако ни одно из решений правительства республики Тавриды не было реализовано из-за ликвидации самой республики.

18 апреля 1918 г. немецкая армия совместно с Крымской группой войск украинской армии под командованием подполковника П. Болбачана ворвалась в Крым. Крымские татары 21 апреля 1918 г. арестовали правительство республики Тавриды А. Слуцкого, Я. Тарвацкого, С. Новосельского и 24 апреля 1918 г. их расстреляли под Алуштой. В борьбу с повстанческими отрядами татар вступили матросы и поддерживающие советскую власть отряды греков. Татарские повстанцы были разбиты. В Алуште в знак протеста против убийства руководителей Тавриды они начали уничтожать татар, обвинив их в гибели руководителей республики Тавриды.

Немецкие войска, при поддержке уцелевших татар и крымской группы украинских войск, сумели 1 мая 1918 г. занять главную базу Черноморского флота Севастополь. 30 мая 1918 г. главнокомандующий немецкими оккупационными войсками генерал Кош, объявил население Крыма «туземцами» и ввел военное положение. В условиях военного положения многие политические силы активизировали свою деятельность. Активизация деятельности имела отрицательные последствия, поскольку в течение 1,5 месяцев в Крыму было тяжело создать дееспособное правительство. Воспользовавшись отсутствием правительства в Крыму, оккупационные войска поручили это сделать генералу М. Сулькевичу. 15 июня 1918 г. М. Сулькевич сформировал в Крыму первое краевое правительство, отменил все законы советской власти, в том числе, и касающихся деятельности религиозных организаций. Подтверждением этого стала утвержденная генералом М. Сулькевичем, Декларация от 25 июня 1918 г. о свободе вероисповедания для всех конфессий полуострова. Исключение составляли секты, деятельность которых считалась вредной. Православная церковь в Крыму с разрешения Поместного собора Крыма и утверждения святейшего Патриарха возглавляется митрополитом Крыма и Херсона архиепископом Димитрием, но в Декларации генерала М. Сулькевича нет информации о его отношении к исламу и о том, участвовал ли архиепископ Димитрий в составлении этого документа [3, с. 39].

Во время существования первого краевого правительства происходил межнациональный конфликт между крымскими татарами и греками. Греки-христиане в это время подвергались избиению со стороны татар. Против этого конфликта выступил архиепископ Димитрий, попросив помощь у М. Сулькевича. Но ни М. Сулькевич, ни оккупационные власти никаких мер не приняли. Конфликт привел к массовым человеческим жертвам. Правительство М. Сулькевича, не решив экономические и политические вопросы, ушло в отставку.

Как и везде в России крымское духовенство в годы Гражданской войны занимало промежуточную позицию между политическими партиями и воюющими сторонами, надеясь, что смутные времена быстро закончатся. Эта позиция соответствовала воззванию патриарха Тихона в 1918-1919 годах, где он, призывая народ к прекращению братоубийства, одновременно рекомендовал представителям духовенства не участвовать в политический борьбе и не давать любой власти повода для развязывания террора. Возглавлявший Таврическую епархию архиепископ Димитрий к началу 1919 г. отказавшись от нейтралитета, стал открыто поддерживать политику генерала А. Деникина. Однако репрессии не прекращались. 4 января 1919 г. в Крыму был ограблен Топловский женский монастырь, что непосредственно подтвердило обострение противостояния в стране и, в частности, в Крыму. Подобные взгляды отражены в принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) Программе РКП(б), где по существу ставилась задача тотального наступления на религию, говорилось о полном отмирании религиозных установок [4, с.67].

Постепенно и в руководстве и Белого движения, возглавляемого А. Деникиным, поняли целесообразность усиления влияния православной церкви на занятой им территории. Церковь должна была обеспечить идеологическую поддержку миссии генерала А. Деникина среди населения юга России и Крыма, для чего был создан специальный орган, координирующий эту работу.

Архиепископ Таврический Димитрий 27 апреля 1919 г. принял участие в совещании по поводу активизации деятельности православной церкви, как среди военнослужащих белой армии, так и гражданского населения занятых территорий.

Переходя к периоду правления в Крыму генерала А. Деникина отметим, что А. Деникин сыграл важную роль в решении церковных дел в Крыму. Его религиозная деятельность началась с сохранения главнокомандующим белой армии А. Деникиным по просьбе церковнослужителей старого («русского стиля»). Это позволило привести в соответствие светский и церковный календари, сохранив даты церковных праздников.

А. Деникин решил на белом юге создать орган управления делами церкви, который должен был стать органом взаимодействия военных властей и руководства церкви. Решить этот вопрос должно было совещание, на котором обязаны были присутствовать представители обеих сторон. Деникин поручил заняться вопросом по созыву такого совещания протопресвитера (главного церковного чина армии и флота) Г. И. Щавельского. Некоторые исследователи считают, что именно Г. Щавельский ходатайствовал перед главнокомандующим о создании временной высшей церковной власти на юге России, ссылаясь при этом на отсутствие общего руководства церковными делами на юге России. С целью формирования такого органа власти на юге России 19 мая 1919 г., был созван Поместный Собор в Ставрополе. В работе участвовало 34 церковных деятеля и два мирянина. На соборе работало четыре отдела: «Об организации высшего церковного управления», «Об устройстве приходов», «О церковной дисциплине», «Об устройстве церковных высших учебных заведений». Общее руководство осуществлялось церковным Советом, состоящим из членов президиума. При Соборе действовал контролирующий орган – совет епископов, который утверждал решения. На организацию Собора А. И. Деникин выделил 50 тыс. рублей. На Соборе Деникин поставил основные задачи церковного Собора в условиях Гражданской войны. Он указывал на необходимость сохранения внутрицерковной дисциплины, на усиление борьбы с неверием, нравственным падением. Указал на необходимость борьбы с врагами Родины и церкви [1, с.173].

На Соборе в Ставрополе (19 – 24 мая) было принято решение по разделению Ставропольской епархии на две: собственно Ставропольскую и Кубанскую, сформировано Временное высшее церковное управление (ВВЦУ). Его полномочия распространялись на юго-восточный регион. Председателем ВВЦУ был избран архиепископ Митрофаний (Симашкевич). Решения Ставропольского Собора поддержал Съезд духовенства Таврической епархии 17 сентября 1919 г.

На Ставропольском соборе рассматривалось дело епископа Екатеринославского Агапита (Вишневого), примкнувшего к «самостийникам» и призывавшего Украинской церкви отделиться от Москвы. Не признавал патриарха Тихона, возглавил петлюровский Украинский Синод. ВВЦУ лишило его церковной кафедры и сослало в Георгиевском монастырь недалеко от Севастополя (на мысе Фиолент). Монастырь был в подчинении его друга архиепископа Таврического Димитрия, который его освободил и назначил настоятелем этого монастыря [1, с.174].

Предполагалось, что ВВЦУ будет действовать до полного изгнания большевиков и возвращения церковной власти российскому патриарху и Синоду, но оно оставалось руководящим органом духовенства южных епархий до эвакуации войск генерала П. Врангеля из Крыма. Состав ВВЦУ при П. Врангеле был изменен.

Поддержка А. Деникиным православного духовенства на юге России и создание ВВЦУ в этом регионе привело к активизации на юге России религиозно-экстремистских организаций. Одной из таких организаций было «Братство животворящего креста», основанное в 1919 г. священником Востоковым. Устав организации указывал на необходимость духовно-нравственного воспитания народа и христианской взаимопомощи. Но, несмотря на духовно-нравственную направленность деятельности «Братства», его цели были политическими – «борьба с «жидомассонством» и восстановление абсолютной монархии. ВВЦУ отрицательно относилось к деятельности «Братства животворящего креста», и не утвердило его в качестве духовной организации. Это не смогло остановить лидеров религиозно-экстремистской организации. Они нашли поддержку со стороны монархически настроенного генерала белой армии А. Нечволодова. Они печатали листовки и брошюры, пытались создать в армии боевые дружины «Орден святого креста».

Что касается светских властей юга России, они отрицательно относились как к созданию ВВЦУ, так и к церковному Собору. Власти пытались сами создать взаимодействия с православной церковью.

Таким органом стало «Особого совещание» (ОС), при котором предполагалось Временного управление исповеданий (ВУИ). Зимой 1919 г. ОС контролировало небольшую территорию в полторы губернии. К лету 1919 г. войскам генерала А. Деникина удалось захватить значительную часть территории юга России, на которой с 9 (22) июля 1919 г. распространились полномочия ОС и ВУИ во главе с князем Г. Трубецким. В его ведении находились дела православного и другого духовенства, оно предоставляло свободу православной церкви в делах внутреннего распоряжения и управления. Указывалось, что возрождение России должно происходить с благословения Божьего. В этом вопросе церкви отводили первостепенную роль. Через ВУИ государственная власть оказывала материальную поддержку церкви. Руководствуясь положением о свободе совести и веротерпимости, ВУИ предоставляло право каждой из конфессий свободу самоуправления в делах религиозного характера, запрещало вмешиваться в государственные дела. Руководство ВВЦУ пыталось дублировать деятельность ВУИ. Главнокомандующий вооруженными силами юга России А. И. Деникин решил урегулировать их взаимоотношения с помощью документа, утвержденного главнокомандующим. [1, с. 175].

В сентябре 1919 г. А. Деникин разработал «Декларацию о взаимоотношении церкви и государства», которая позволяла решать многие конфликтные ситуации между духовенством и светскими органами. Этот документ зафиксировал основные полномочия ОС и ВВЦУ и был опубликован в «Церковных ведомостях» № 2-3 за 1919 г. Он предоставлял православию статус основной религии в России, который был утрачен после Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков. Тогда церковь лишилась материальной поддержки со стороны государства. После появления Декларации дотации церкви возобновились, прекратились закрытия храмов и монастырей, ликвидация церковного имущества. Церкви могли самостоятельно решать вопросы религиозного характера. Материальную поддержку осуществляло ВУИ. Другие конфессии материальной поддержки не получали. Декларация призвала все конфессии принять участие в борьбе с общим врагом – большевиками, которые разрушили существовавшее государство и нравственность [1, с. 176].

Документ позволил ОС как правительственному органу контролировать деятельность ВВЦУ и его взаимоотношения с другими организациями. С декабря 1919 г. до 1920 г. ВУИ работал под руководством графа В. В. Мусина-Пушкина. Средства использовались для оформления пособий священникам и служащим епархий и духовно-учебных заведений, которые были эвакуированы из районов оставленных Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР).

Весной 1919 г. изменилась политическая обстановка на юге России. Добровольческая армия генерала А. И. Деникина потерпела поражение, не найдя поддержки народа. Она дискредитировала себя грабежами, возобновлением помещичьего землевладения, массовыми репрессиями против рабочих. Армия А. Деникина была разделена на две части: одна часть войск отступала к Одессе, другая – на Кавказ, где вскоре потерпела поражение. Разбитые деникинские соединения во главе с генералом П. Врангелем отошли в Крым.

В апреле 1919 г. в Крым вошла Красная Армия, и к 1 мая Крым был освобожден от белогвардейских войск. Второе краевое правительство, поддерживающее А. И. Деникина, было распущено. Вновь формируются Военно-революционные комитеты (ВРК). 6 мая 1919 г. СНК принял «Декларацию о национализации курортов, конфискации помещичьих и монастырских земель». Земля передавалась крестьянам без выкупа. На полуострове создается Крымская Советская Социалистическая Республика. Большевики находились при власти 75 дней. Серьезных осложнений отношений между большевиками и православной церковью в это время не было. Известны только единичные случаи изъятия небольшого количества продуктов из некоторых монастырей.

12 июня 1919 г. обстановка в Крыму изменилась. Красная Армия, не выдержав ударов белой армии, в конце июня 1919 г. оставляет Крым. Войска генерала А. Деникина при поддержке стран Антанты, которые увеличили материальное обеспечение, заняли Крым. Летом – осенью 1919 г. белая армия одержала ряд побед. Духовенство активизировало свою деятельность, усилив проповеднически-пропагандистскую работу среди крестьян, рабочих, матросов и солдат.

Таврическая епархия с резиденцией в г. Симферополе, возглавляемая архиепископом Димитрием (Абашидзе), и епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) поддержали Добровольческую армию А. Деникина. Они негласно конкурировали между собой. Вениамину удалось убедить членов ВВЦУ провести заседание в его резиденции – Херсонесском монастыре в Севастополе. На заседании в сентябре 1919 г. рассматривались вопросы внутрицерковной жизни: крещение детей, второбрачие и т. п. Это мероприятие свидетельствовало о стратегическом значении города в годы Гражданской войны, что хорошо понимал епископ Севастопольский Вениамин.

В Крыму было около десяти действующих монастырей, куда стекались представители разных политических сил, выступало против большевиков и советской власти. В «белый» период они жили вполне благополучно, спокойно совершая богослужения и обряды. Многие монахи принимали участие в белом движении П. Врангеля, что усиливало политическое противостояние в Крыму [1, с. 179]. П. Н. Врангель в отличие от многих царских военачальников не поддерживал Февральскую революцию и Временное правительство, считая, что они подрывали боеспособность русской армии. Уйдя в отставку, П. Врангель приехал в Крым к семье. Но в 1918 г. был арестован большевиками. От расстрела его спас случай и он, уехав на Кубань, присоединился к генералу А. Деникину. В течение 1918-1919 г. он воевал в составе войск Деникина. И в марте 1920 г. после ряда поражений Русской Армии Врангель переправился в Крым, где принял командование вместо А. Деникина в 1920 г. Практически до 7 ноября 1920 г. П. Н. Врангель был главой Крыма. Институт военного духовенства России был сохранен во всех белых армиях в 1918 – 1920 гг. Естественно П. Н. Врангель, духовным наставником которого был епископ Вениамин (Федченко), не был исключением. 10 апреля 1920 г. он подписал документы, которые касались устройства духовного ведомства армии. В соответствии с приказом № 3006 при управляющем военным и морским духовенством вводились штатные должности проповедников [2, с. 56]. В составе военного духовенства Армии генерала П. Врангеля были священники не только православной церкви, но и других конфессий. Церковное управление во время правления Врангеля вела активную антисоветскую пропаганду на фронтах и среди гражданского населения, распространяя религиозную литературу. П. Врангель придавал большое значение идеологической работе в войсках и среди населения, издавая более 20 печатных изданий [2, с. 59]. С 1 октября 1920 г. в Севастополе стали выходить «Церковные ведомости», где печатались указы церковного управления, статьи, образцы проповедей и материал для агитации. После взятия Перекопа войсками М. В. Фрунзе началась эвакуация белых войск и населения из Севастополя и других крымских городов.

Таким образом, православная культура стала матрицей за которой патронатом Московского патриархата веками формировалась русская государственность, национальное самосознание и генотип русского человека. Со второй половины X в. после крещения в Херсонесе (988 г.) князя Владимира I (Святого) православие постепенно стало господствующим мировоззрением, влияющим на формирование культуры, обычаев и традиций различных этнических групп и народностей Крыма. Поэтому руководители Крыма при любой политической власти понимали значимость православия для успешного взаимодействия с местным населением и стремились укрепить его в процессе своей деятельности.

Православная церковь всегда участвовала в трех основных направлениях армейской и общественной жизни: в массовой агитации через ОСВАГ, в школьном воспитании через преподавание Закона Божия, в борьбе с революционными настроениями – через своих представителей в белой армии и контрразведке. Вновь открытые материалы позволяют установить реальную роль духовенства в противоречивых крымских событиях начала XX в.

Список литературы

1. Владимирский, М. В. Белый деникинский Крым: июнь 1919 – март 1920 / М. В. Владимирский. – М.: Кучково поле, 2019. – 320 с.
2. Катунин, Ю. А. Православие Крыма в 1917 – 1939 годах: проблема взаимоотношений с государством / Ю. А. Катунин. – Симферополь: МПС «Ната», 2002. – 416 с.
3. Рыбак, И. В. Политика советской власти по отношению к Русской православной церкви в Крыму (1917-1941 гг.) : Автореф...дис. канд. ист. наук / И. В. Рыбак. – Черкассы: ЧНУ им. Б. Хмельницкого, 2008. – 20 с.
4. Таврические духовные чтения: материалы международной научно-практ. Конф., посвященной 140-летию создания Таврической духовной семинарии. – Симферополь: Изд-во Симферопольской и Крымской епархии УПЦ, 2013. – т.1 – 354 с.; т.2. – 434 с.

Статья поступила в редакцию 26.05.2020

Rybak, I. V. The Orthodox Church During the Civil War.

The article deals with the problem of relations between political forces and Orthodox clergy in 1918-1920. The author studies the reason for the aggravation of political confrontations in Crimea and Sevastopol.

Keywords: Orthodox Church, civil war, reorganization, Soviet power, opposition.

УДК 94(47)''1917'':323.1

В статье осуществлен анализ ситуации, сложившейся на Украине после Февральской революции 1917 г. в части устремлений определенной части украинского общества к самоопределению в рамках новой России. Прослежены этапы формирования украинофильского движения, его исторические корни. Показана тенденция трансформации идеи национально-государственного статуса Украины в ходе развития революции. Рассмотрены политические и правовые коллизии, которые возникли между Украиной и Россией после Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: Временное правительство, Украинская Центральная Рада, национально-государственное устройство, автономия, революция, Универсал, украинофильское движение.

В. Э. Савчинский, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: savchinskiy61@mail.ru

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» В 1917 г.: ПОИСК КОМПРОМИССОВ ИЛИ ОТСУТСТВИЕ АЛЬТЕРНАТИВ

События 1917 г. в России актуализировали и поставили в разряд насущных проблем, требующих разрешения, вопросы национально-государственного устройства будущего государства. В России, как стране многонациональной региональные различия до Февральской революции 1917 г., как правило, воспринимались как данность, требующую проводить политику, обеспечивающую внутреннюю стабильность, и исключающую любую форму проявления сепаратистских тенденций. Особенность возникшей после Февральской революции 1917 г. ситуации представляется как пересечение и наложение друг на друга политических, социальных, национальных, идеологических и внешнеполитических проблем, комплексное разрешение которых в условиях революционной активности масс населения требовало всеобъемлющего анализа с учетом специфики «национальных окраин».

Временное правительство избрало своим приоритетом разработку законоположений и подготовку к созыву Всероссийского Учредительного Собрания, но было вынуждено принимать решения по вопросам, которые становились остро назревшими под давлением «снизу», что само по себе придало деятельности правительства спонтанный характер, затрудняло и отсрочивало созыв Учредительного Собрания. Прерогативы Учредительного Собрания в части определения национально-государственного устройства рассматривались как юридически незыблемыми. При этом, и в правительстве, и в среде, получившей власть легитимизированной элите, сформированной при самодержавном режиме, и в среде левых общероссийских социалистических партий интенционально присутствовала идея унитарного государства. Содержащаяся в программах левых партий, в частности, большевиков, идея о праве наций на самоопределение не имела под собой никакого механизма реализации, что представляется вполне естественным в силу сложности практического применения этой формулы, и отсутствия возможностей реализации такого права в самодержавной России. Преимущества единого государства не отвергались и большинством условно национальных левых партий, часть которых вышли из подполья, часть подверглась реорганизации после революции, часть формировалась как результат провозглашения демократических и политических свобод и преобразований.

Проекты и попытки национально-государственных преобразований на обломках российской империи имеют свою предысторию, в частности, на Украине. В условиях революции и Гражданской войны появился целый ряд региональных национальных проектов государственного строительства. Развитие ситуации на Украине представляет один из них, и возможно, наиболее отрефлектированный на уровне украинской политической элиты и части украинского общества. К тому же, украинский вариант развития событий в рамках рассматриваемой темы, отличался по целому ряду параметров: масштабу вовлеченности общества в процессы национально-государственного устройства, программно-идеологическими наработками украинофильского движения, политическим и мировоззренческим расколом между сторонниками самоопределения и приверженцами сохранения тесных связей с постреволюционной, а затем и с советской Россией. Следует особо выделить то обстоятельство, что вплоть до начала декабря 1917 г. сторонники самоопределения, спектр взглядов которых колебался от достаточности автономии до образования самостоятельного украинского государства, придерживались общей позиции о необходимости сохранять единство с Россией в рамках предполагаемого федеративного или иного устройства. Этот процесс, то стимулировался за

счет активности и давления со стороны многочисленных партий и общественных организаций, то замедлялся, вплоть до определенных уступок Временному правительству, которое стремилось соблюдать баланс между радикальными устремлениями части украинских сил и умеренными элементами в составе Центральной Рады, готовыми к компромиссу.

Следующей характерной чертой политики Временного правительства в отношении «самостийнических» процессов на Украине, была спонтанная реакция правительства на решения, которые принимались в Киеве. Такую формулу поведения можно охарактеризовать как «компенсаторную», когда реакция правительства зависела от конкретных обстоятельств и «степени угрозы» общегосударственному порядку. В этом смысле показательны обстоятельства появления Универсалов Центральной Рады и ответные шаги Временного правительства. Со стороны Центральной Рады четыре, выпущенных ею Универсала, предлагается оценить следующим образом. I Универсал (10 июня 1917) – «Конституция вызова». II Универсал (3 июля 1917) – «Конституция компромисса». III Универсал (7 ноября 1917) – «Конституция надежды». IV Универсал (22 января 1918) – «Конституция отчаяния». Это предлагаемый вариант объяснения абсолютно спонтанных решений Киева и Петрограда в 1917 г. с дальнейшим изложением событий, связанных с различным пониманием «революционной целесообразности законодательной деятельности» Центральной Рады в Украине и «законодательно инфантильной» деятельностью Временного правительства в Петрограде. Предложенная оценка представляется как юридически оформленные «метания Центральной Рады». В то же время, в Петрограде принимались, казалось, юридически взвешенные решения, которые отставали от юридически и политически провальной ситуации в условиях развития революции и радикализации политических требований и лозунгов. Проблема государственного статуса Украины в 1917 г. – не столько правоведческая, сколько институционально-политическая, требующая понимания исторически и ментально сложившихся стереотипов, каковые сложились в умах украинской интеллигенции, участников политического процесса в XIX – начале XX века.

Истоки актуализации «украинского вопроса» в 1917 г. коренятся в формировании украинофильского движения в XIX веке (Кирилло-Мефодиевское братство, «украинский вариант хождения в народ», деятельность украинских громад), которые «поставили на обсуждение» особость украинской народности и его истории. Политика институций Российской империи в отношении проявлений национальной индивидуальности и идентичности украинства носила, как правило, ситуационный и достаточно жесткий характер (Валуевский циркуляр 1863 г., Эмский указ 1876 г.). Цензурные ограничения конца XIX в. сменялись ослаблением цензуры в период революции 1905-1907 гг., но украинофильское движение не выпадало из поля зрения цензурных органов, хотя и носило бессистемный характер. В конце XIX в. требования национально-государственного самоопределения оформились в политические программы политических организаций и партий («Братство Тарасовцев», «Молодая Украина», «Революционная украинская партия», народная украинская партия, брошюры Ю. Бачинского «Україна irredenta» и Н. Михновского «Самостийна Украина»). Понимание будущего Украины варьировалось от автономии в составе Российского государства до создания независимого государства.

По мнению украинского историка Г. Касьянова, становление украинского национального проекта первоначально происходило параллельно и с разной интенсивностью на территориях Габсбургов и Романовых, однако реальную силу и перспективы реализации этот проект получил только тогда, когда окончательно сформировалась идея соборности (единства) украинских этнических земель, то есть в последней четверти XIX столетия. Чрезвычайно важной особенностью становления украинского национального проекта было его противопоставление российскому (имперскому) и польскому (этническому) проектам. Уже здесь прочитывается дилемма «Европа» – «Запад» или «Россия» – «Восток». Не зря деятели российских имперских охранительных структур искренне полагали, что украинское движение в рамках империи является продуктом польской или немецкой интриги. Показательно, что на рубеже XIX-XX вв. в украинском проекте построения единой нации присутствовали две тенденции: а) автономная Украина в составе демократической России (здесь при желании прочитывается «вестернизированный Восток»; б) автономная Украина в составе монархии Габсбургов (тут уже прямой путь в «Европу»). В годы Первой мировой войны и последовавших за нею революций обе тенденции трансформировались в идею создания отдельного государства, в результате чего и возникли два украинских государства – Украинская Народная Республика и Западно-Украинская Народная Республика, неудачно попытавшиеся объединиться в единое целое в январе 1919 г. [6, с. 134-135].

В условиях начавшейся первой мировой войны, позиции и возможности украинских политических сил в Украине российской и Украине австро-венгерской оказались диаметрально противоположными. Так, Союз Освобождения Украины, созданный 4 августа 1914 г. пользовался всемерной поддержкой со стороны Центральных держав, в том числе финансовой. Свобода действий

украинских политических сил в Австро-Венгрии, а затем в Германии с началом войны, скорее всего, определялась заинтересованностью со стороны указанных государств в использовании дополнительных идеологических ресурсов для поддержки стабильной ситуации украинском общественном мнении, как в самой Австро-Венгрии, так и в предполагаемых оккупированных районах Надднепрянской Украины. По мнению П. Милюкова, в намерение врагов России давно, еще до русской революции, входило раздуть украинский сепаратизм, чтобы в худшем случае создать русской армии новые затруднения в тылу, а в лучшем, подготовить себе союзников, если удастся перенести театр военных операций на русский юг и даже создать возможность отделения Украины от России, в случае удачного исхода этих операций [7, с. 123].

Сложнее и запутаннее выглядела ситуация в российской Украине. Левые национальные силы оказались перед непростым выбором. Продолжать исполнение политических программ своих партий, содержащих требование свержения самодержавия, или заявить о своей лояльности власти, ссылаясь на опасность германо-австрийской агрессии, угрожающей самому существованию Российского государства. В этой части представляет интерес документ, составленный аналитиками департамента полиции Министерства внутренних дел России «Записка об украинском движении за 1914-1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии» [4]. «Записка» отличается большой осведомленностью о деятельности политических партий, в том числе нелегальных, как на территории России, так и за ее пределами. Особое внимание уделяется деятельности «Союза освобождения Украины», которая не ограничивалась территорией Австро-Венгрии и Германии. Отмечается также активность «Союза освобождения Украины» в Турции и Болгарии [4, с. 25-31], обозначены источники финансирования организации [4, с. 33-37], связи «Союза» с украинскими организациями в Киеве и Петербурге [4, с. 37]. Приводится ссылка на публикации печатного органа Украинской социал-демократической рабочей партии газеты «Борьба» («Борьба»), в которых раскрываются источники финансирования и фактически изобличается деятельность «Союза освобождения Украины» как «агентурную организацию правительств центральных государств» [4, с. 36]. Самое пристальное внимание уделялось деятельности общепризнанного лидера украинского движения и будущему руководителю Украинской Центральной рады М. Грушевскому [4, с. 9-14; 18-19; 29-30]. Министерская записка также констатирует факт обращений активных участников украинского движения к депутатам Государственной Думы. Так, в петиции поданной 6 февраля 1916 г., наряду с признанием общей опасности для всех граждан Российской Империи, проводится мысль о необходимости защиты интересов украинского народа [4, с. 46-47], и выдвигаются требования равноправия русского и украинского народов, свободное использование украинского языка, свободы украинской прессы и книгопечатания, свободы деятельности украинских просветительно-культурных обществ, государственных гарантий культурно-национального развития украинского народа [4, с. 47].

Указанные демократические требования вполне укладывались в общую парадигму развития общероссийского не только социал-демократического движения, но в значительной степени либеральных кругов России. Большинство указанных требований были реализованы после Февральской революции 1917 года. Таким образом, представители умеренного крыла украинофильского движения в период войны не выносила в практическую плоскость вопросы национально-государственного устройства. Тем более, что в период войны постановка данного вопроса даже в дискуссионном формате, могла привести к радикальным мерам со стороны силовых структур Российской Империи. В период войны, несмотря на усиление цензурных ограничений продолжали выходить работы, содержащие исторический анализ истоков украинофильского движения, критику правительственной политики по «украинскому вопросу», и требования по переустройству национально-культурной ситуации на Украине. В 1914 г. (переиздавался в 1915 и 1917 гг.) в Москве сотрудниками журнала «Украинская жизнь» был выпущен сборник «Украинский вопрос», отдельные главы которого раскрывают основные аспекты существа «украинского вопроса», артикулированного на текущий момент [12]. Особенностью представленных текстов является сочетание достаточно радикальных с точки зрения самодержавного устройства России взглядов, с умеренной позицией, учитывающей реальные возможности национально-государственного переустройства империи. Так, квинтэссенцией умеренных позиций может являться политическая константа, которая сформулирована следующим образом: «С национальными требованиями в области политической можно бороться только путем удовлетворения культурных национальных нужд. Всякий иной способ борьбы ведет к обострению отношений и к укреплению центробежных тенденций» [12, с. 157].

Накануне событий 1917 г. в Украине, как и на территории других национальных окраин империи, сложился психологический и ментальный фундамент для реализации «конституциональных преобразований в сфере национально-государственного переустройства». То, что Эрнест Геллнер

считает необходимым условием успешной революции, а именно наложение социального и национального фактора, произошло в 1917 г., когда новые элиты стали создавать условия выхода из старого режима. Хотя эти элиты были отчасти готовы к выдвижению «социального вопроса» на первое место в политической повестке дня, параллельное обострение «национального вопроса» застало их врасплох. В соответствии со своими либеральными и социалистическими убеждениями, новое правительство ожидало, что после того как оно отменит всякую дискриминацию, основанную на национальности или религии, и объявит полное равенство граждан независимо от религии, расы или национальности национальный вопрос будет временно решен [14, с. 87-88].

Для рассмотрения ситуации после февраля 1917 года показательно, что и в теоретических трудах и программах партий, постулировались социалистические идеалы, исполнение которых считалось возможным только при решении вопроса о государственной самостоятельности украинского народа. Аргументами политико-юридического обоснования стали: история собственно украинского (днепровского) казачества, существование Запорожской Сечи (1556-1775 гг.), отличавшейся наличием большой степени свобод, Гетманской державы Богдана Хмельницкого (1648-1686 гг.), «Конституция Филиппа Орлика» (1710 г.), «Права по которым судится малороссийский народ» (1743 г.), как проект законов, имеющих региональные отличия от общегосударственных законов. Обоснованием ограничений и ликвидации прав и свобод служили ликвидация Запорожской Сечи (1775 г.), ликвидация Гетманщины (1781 г.), введение крепостного права на Украине (1783 г.). Политический опыт в отстаивании национальных интересов был приобретен в ходе депутатской работы в Государственной Думе. В Думах I и II созывов действовала отдельная фракция «Украинская громада», в состав которой входили и будущие активные политические деятели революции и гражданской войны. Среди них В. Шемет (в июне 1917 г. один из организаторов Украинской демократическо-хлебоборобской партии, содействовавшей приходу к власти П. П. Скоропадского), П. Чижевский (с 1918 г. видный деятель Директории), барон Ф. Штейнгель (политик и дипломат периода Центральной Рады и гетмана П. Скоропадского), А. Вязлов (министр юстиции в правительстве П. Скоропадского в 1918 г.), И. Шраг (в 1918 г. гетман Скоропадский предлагал ему возглавить правительство).

С началом Первой мировой войны политические силы, действовавшие в Надднепрянской (входившей в состав Российской империи) и Западной (входившей в состав Австро-Венгерской империи) Украине, занимали разные позиции в отношении войны и перспектив на реализацию «украинского проекта». Но при этом, для политических партий и организаций вопрос о «самостийности» оставался актуальным, хотя варианты и уровень самостоятельности рассматривался по-разному: от автономии до полной независимости. Но если в Российской империи возможная автономия Украины заведомо выглядела как «политический прожект», то власти Австро-Венгрии подпитывали надежды украинских политических сил, если не официальными заявлениями, то поощрением в создание атмосферы украинского патриотизма. Тем более, что в этой связи «выпадал» из обязательств «польский вопрос», который в 1918 году с полной силой проявится в 1918-1920 гг. в Западной Украине. Насколько сильно на этот конфликт повлияли симпатии и надежды украинских политических сил в отношении Австро-Венгрии, а польских к Антанте, может быть предметом отдельного исследования. Подобная последовательность развития «украинского проекта» вполне соответствует следующей модели: все национальные движения проходят три стадии: в фазе А возникает интерес небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору своего этноса; в фазе В научные достижения трансформируются в идеологические конструкции и распространяются среди образованных слоев, начинается «патриотическая агитация»; наконец, в фазе массового движения (фаза С) большая часть народа под влиянием этих идей мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем и за независимость [5, р. 23-24].

Следующая проблема в изучении событий 1917-1918 гг. на Украине состоит в понимании приоритетов в действиях украинских политических сил. И накануне, и в ходе революции и гражданской войны, доминирующее положение на политической арене Украины занимали партии левой (социалистической направленности). Казалось бы, сходство политических взглядов, должно было способствовать конструктивному сотрудничеству если не с Временным правительством во главе с Керенским, то хотя бы с меньшевистско-эсеровским большинством в Петроградском Совете. Но здесь и возникает главный «камень преткновения» – украинский вопрос в части реализации проекта автономного государства в составе демократической России. Мировоззрение и мироощущения лидеров общероссийских социалистических партий в 1917 г. останавливались и пасовали на уровне «признания права наций на самоопределение». С точки зрения общегосударственных интересов послереволюционной России, вполне понятная, и даже разумная позиция. Но продолжение революции после свержения монархии, возможно, требовало более осторожного и внимательного отношения к требованиям регионов. Не случайно, гражданская война

началась не с калединского мятежа, не с разгона Учредительного собрания, не с мятежа чехословацкого корпуса, а с раскола на Украине после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде. И данный раскол имел не столько политический подтекст, сколько идеологический, вызванный различным пониманием своего прошлого, различным ценностным отношением к своей истории, формированием, иногда, спонтанным, национального самосознания. Можно предположить, что данный процесс носил латентный и не всегда артикулированный характер. Противопоставление Украинским съездом советов в Харькове в декабре 1917 г. съезду с аналогичным статусом, открывшимся несколько раньше в Киеве, вызван, скорее всего, различным пониманием целей и перспектив национально-государственного строительства активными участниками событий 1917 года. Сходные названия Киевского и Харьковского съездов Советов, имели продолжение в использовании идентичных названий государства, провозглашенных в Киеве, согласно III Универсалу Украинской Центральной Рады от 7 ноября 1917 г., и съездом Советов в Харькове 11-12 декабря 1917 г. Официальное название государства, провозглашенного в Харькове – «Украинская Народная Республика Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов», что подчеркивало социальные приоритеты перед национальными. При этом официальный печатный орган советской Украины носил название «Вестник Украинской Народной Республики». Газета издавалась в Харькове до 20 апреля 1918 г., выходила на русском и украинском языках. Примечательно, что так же назывался официальный орган Директории УНР, выходивший в 1918-1919 гг.

Сложившийся в современной украинской историографии нарратив в части оценки ситуации 1917 г. и последовавшей за этим гражданской войны в целом, сводится к исходному тезису о том, что одновременное существование и непримиримые противоречия между национально-государственными образованиями, ориентированными на создание независимого украинского государства, и советской государственностью, цель которой состояла в сохранении фактически унитарной формы государственного устройства бывшей Российской империи, привели к гражданской войне в Украине [10, с.11]. Считается неоспоримым фактом то, что после свержения самодержавия общественно-политическое движение на Украине, наряду с общим стремлением к демократизации и социальному прогрессу, имело свои, собственные, отличные задачи. Если их свести в лапидарную формулу, то она может звучать как освобождение и возрождение украинской нации (во всех сферах общественного бытия – экономике, политике, духовной жизни). Участники общественного движения на Украине с первых дней Февральской революции готовы были видеть и видели в этом движении такое качественное содержание, которое выходило за рамки определяющих параметров общероссийского процесса, подчеркивая в цели борьбы два начала: национально-освободительное и социально-освободительное. Очевидно, можно ставить вопрос и еще шире: указанное соединение двух начал явилось и исходным моментом, и стержнем идеологии (концепции), и содержанием преобразований, и, наконец, целью движения украинской нации (по крайней мере, ее основной части) на обозначенном историческом этапе [11, с. 36-37].

Тенденция к квалификации региональных революционных процессов в обозначенном ключе явственно обозначилась в среде национальных идеологов и руководителей, начиная с весны 1917 г. Создание Украинской Центральной Рады в Киеве 4-7 марта 1917 г., скорее похоже на самоорганизацию политически активных сил, не желающих остаться в стороне от событий, которые содержали перспективы репрезентации своих взглядов, без четкого видения дальнейшего развития ситуации. Анализ первых шагов деятельности Центральной Рады, позволяет говорить о том, что инициаторы создания новой организации видели в ней некий координационный центр, репрезентативно-контактную группу [1, с. 23], который по мере наполнения новыми кадрами, будет формировать текущую «повестку дня» [2, с. 70-71]. Такой координационный центр был необходим для обеспечения представительства украинских организаций в киевском Совете объединенных общественных организаций, городской думе, губернской земской управе. Отсюда, возможно, и название организации – «Центральная рада» [2, с.64].

В начале своей деятельности Центральная Рада явно испытывала беспокойство в части своей самодостаточности и самостоятельности. Так, в протоколе заседания от 12 марта 1917 г. содержалось обращение Исполнительному Городскому Комитету с просьбой признать Центральную Раду официальным органом агитации, не уточняя ни цель, ни содержание подобной деятельности. При этом одна задача все же указывалась, но она имела утилитарный характер. Речь шла об организации агитации против погромов с упоминанием студенчества как силы, противостоящей погромам [13, с. 42]. Следует заметить, что тема погромов в Киеве после свержения монархии никогда не являлась предметом исследования. Можно предположить, что погромы, независимо от причин и направленности рассматривались как сопутствующий фактор любой революции.

9 марта Центральная Рада с Обращением к украинскому народу, котором говорилось что до созыва Учредительного Собрания Центральная Рада предлагает «спокойно, но решительно добиваться от нового правительства всех прав, которые естественно принадлежат» украинскому народу. Среди прав, предоставление, которых является первоочередным, заявлено право на использование украинского языка в школах, судах, церкви и государственных учреждениях [13, с. 38]. 19 марта в Киеве состоялась массовая манифестация, в ходе которой доминировали лозунги с требованием предоставления Украине автономии [в рамках свободной демократической России – В. С.]. Возникла ситуация, в которой Центральная Рада, оставаясь на позиции требований национально-культурной автономии Украины, «отставала» от общего настроения масс населения, уже увидевших перспективы национально-государственной автономии. Эти настроения нашли отражение в выступлениях и статьях лидера Центральной Рады М. Грушевского, которые были изданы уже в марте-апреле 1917 г. [3].

8 апреля 1917 г. в Киеве состоялся Всеукраинский Национальный конгресс. Этот форум был призван легитимизировать Центральную раду как представительный орган украинского народа. Среди принятых конгрессом резолюций следует выделить те, которые касались будущего национально-государственного устройства Украины и России в целом. 6 апреля конгресс определил, что «в соответствии с историческими традициями... только широкая национально-территориальная автономия Украины обеспечит потребности нашего народа и всех других народностей, которые живут на украинской земле» [13, с. 54]. В этой же резолюции отмечалось, что «единственной...формой государственного устройства съезд считает федеративную и демократическую Республику Российскую» [13, с. 54]. В то же время, одним из главных принципов украинской автономии, съезд считает полное обеспечение прав национальных меньшинств, которые проживают на Украине [13, с. 55]. Представители неукраинских организаций выступали на съезде на родном языке, некоторые выступления секретариат съезда переводил на украинский язык [13, с. 57]. В качестве некоторого отступления, следует заметить, что в годы развернувшейся на Украине гражданской войны, собственно вопрос о языке или языках, не являлся приоритетным ни для одной из противоборствующих сторон-участников гражданской войны. Можно предположить, что выбор языка общения определялся носителями языка, удобного для использования. То же касалось документов и печатных изданий. В резолюции второго дня работы съезда актуальными для настоящего исследования являются пункты, подтверждающие право Российского Учредительного собрания определить основы государственного устройства, но в формате федерализации России и предоставления автономии Украине [13, с. 58]. Следует заметить, что параметры автономии съезд не рассматривал. Другим пунктом резолюции предусматривалось правило, что границы между государствами [Подчер. – В. С.] должны быть установлены согласно воли приграничного населения [13, с. 58]. Наиболее часто упоминаемое в документах того периода Всероссийское Учредительное собрание стало неким фетишем для решения всех проблем, как давних, так и актуализированных самой революцией. Но юридически отложенные решения, требовали если не немедленного исполнения, то хотя бы адекватной ситуации реакции. Тот факт, что выборы в Учредительное собрание, провести которые обещало Временное правительство уже в первом своем манифесте, весной 1917 г. не состоялись, кардинальным образом изменил траекторию развития революции, придал вопросам национально-государственного строительства такой накал, который был несравним с ситуацией марта-апреля 1917 г.

Наиболее динамично революционное движение развивалось в среде военных или военизированных организаций. Так, 11 марта 1917 г. Украинский Войсковой комитет (Войсковое вече) опубликовал постановление, содержащее призыв к формированию «охочемонного [добровольческого] полка» имени гетмана Богдана Хмельницкого. При этом подчеркивалось, что данный призыв является ответом на Обращение временного правительства к населению России от 6 марта 1917 г. [8, с. 424-426]. В тексте постановления ошибочно указана дата Обращения от 9 марта, возможно, это дата поступления документа в Киев. 22 апреля Центральная рада санкционировала формирование Первого украинского полка из частей, расквартированных в Киеве [13, с. 70]. Решение о формировании украинского воинского подразделения было принято 24 марта при поддержке Украинского военного клуба имени гетмана Павла Полуботко. Формирование украинских воинских частей носило спонтанный характер и проходило в рамках «украинизации». На первом этапе данного процесса инициаторы и участники не ставили перед собой задачи использования новых воинских формирований в достижении политических целей. 5-8 мая 1917 г. в Киеве состоялся Первый Всеукраинский войсковой съезд. 900 делегатов съезда обсудили вопросы об отношении к Временному правительству, советам рабочих и солдатских депутатов, войне, украинизации армии, земельному вопросу. Съезд сформировал Украинский войсковой генеральный комитет при Центральной Раде [9, с. 139-143]. 7 мая Центральная Рада в рамках работы третьей сессии

поддержала инициативу Войскового съезда и рассмотрела вопрос об отправке делегации на переговоры с Временным правительством, но с оговоркой, что данный вопрос должен быть согласован на специальном заседании с представителями Войскового съезда [13, с. 82]. Тогда же был поднят вопрос о том, имеет ли Центральная Рада право проводить самостоятельную экономическую политику, в частности, в решении аграрного вопроса [13, с. 83].

Кроме того, Центральная Рада испытывала трудности с финансированием своей деятельности и предпринимала попытки заручиться поддержкой Временного правительства в части оказания финансовой помощи [13, с. 80]. 11 мая Центральная Рада утвердила Наказ делегации Центральной Рады, содержащий требования и предложения к Временному правительству. Главным из них являлось издание декларации в деле автономии Украины [13, с. 85]. Был утвержден и сам текст, предлагаемой декларации [13, с. 86]. 19 мая 1917 г. в Киеве состоялись переговоры членов Комитета Центральной Рады и военного министра Временного правительства А. Керенского. На наш взгляд, позиции сторон четко фиксируют различия в понимании ситуации при озвученном обеими сторонами стремлением к взаимопониманию и сотрудничеству. При этом используются эвфемизмы, призванные не нарушать дружескую атмосферу. Так, на вопрос об А. Керенского к идее автономии Украины и федерализации России, последовал ответ: «Но я сейчас совершенно не в состоянии сказать что-либо вам в ответ на поставленные вами вопросы. ...Этот вопрос еще не поднимался, и я совершенно не знаком со взглядами своих товарищей... Следовало бы строение новой России вести так, чтобы не было возможности глубоко печальных недоразумений, которые могут омрачить наш революционный порыв» [13, с. 90]. Далее Керенский точно обозначает свою позицию о приоритетах Учредительного собрания. Во-первых, он высказывает непонимание того, что скрывается за статусом украинской автономии, а затем резюмирует, что: «...значит вы хотите поставить Учредительное собрание перед фактом, а мы бы хотели, чтобы Учредительное собрание положило основание самому факту [13, с. 91]. Керенский пытается сгладить некоторые неловкости, при этом озвучивает мнение, которое многое определяет отношение к возможной автономии Украины, как со стороны Временного правительства, так и со стороны Петросовета. А именно то, что за лозунгом Федеративной Республики может скрываться стремление отделения от России [13, с. 91]. М. Грушевский выставляет главный аргумент, заявляя, что «если бы мы стремились к полной независимости, то мы бы совершенно определенно так вопрос и поставили, тем более, что обстоятельства позволяют так поставить вопрос...» [13, с. 91]. Очевидно, что под обстоятельствами Грушевский имел в виду решения Первого Всеукраинского войскового съезда, поддержанного делегатами других съездов. В завершении встречи Керенский говорит о нетерпеливости Центральной Рады в вопросе об автономии Украины, на что Грушевский отвечает, что «...удовлетворение требований украинского народа откладывать нельзя, и Центральная Рада не могла бы взять на себя ответственности за последствия в случае, если бы они удовлетворены не были» [13, с. 92]. Этот разговор и обмен мнениями можно считать как некую формулу дальнейших отношений между Центральной Радой и Временным правительством, а обстоятельства, обозначенные Грушевским для реализации идеи «полной независимости» наступили после большевистского переворота в октябре 1917 г., начавшейся социалистической революции и Гражданской войны.

30 мая 1917 г. делегация Центральной Рады в Петрограде направила Временному правительству и Исполнительному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Докладную записку по вопросам автономии Украины. В записке представлена достаточно резкая критика ситуации, которая сложилась на Украине в результате бездействия Временного правительства и общероссийских социал-демократических партий. Вторая часть документа содержит требования и предложения, аккумулирующие предыдущие наработки Центральной Рады, украинских съездов представителей разных классов, состояний и групп [13, с. 93-98]. Ответ Временного правительства был однозначен. 2 июня военный министр А. Керенский запретил проведение в Киеве Второго Всеукраинского войскового съезда [9, с. 58]. Решение вполне ожидаемое, так как в правительстве правильно оценили позицию украинских военных делегатов, и их решимость идти до конца в деле провозглашения автономии Украины. Но как отмечает П. Милуков, Керенский, следуя своей обычной тактике, легализовал его *post factum*, прислав телеграмму, что не встречает препятствий к существованию и к дальнейшей деятельности украинского войскового комитета. Съезд встретил смехом чтение этой телеграммы. Руководители съезда, однако, считали необходимым подчеркнуть, что они не стремятся к «самостийности». Съезд признал украинский войсковой комитет высшей инстанцией в сношениях украинских войсковых частей и организаций с русской военной властью. По отношению к правительству съезд принял резолюцию, что он вообще не будет больше обращаться к центральной власти с какими-либо просьбами, Центральная Рада сама будет проводить в жизнь автономию Украины; не украинская демократия, живущая на территории Украины и не желающая

сознательно или бессознательно понять истинных требований украинцев, приглашалась к сотрудничеству с украинской демократией. [7, с. 131.].

3 июня Временное правительство дало официальный ответ по вопросу возможной автономии Украины. Выделим три основные позиции этого документа. Первое: Временное правительство не признает Центральную Раду «выразительницей точной воли всего украинского народа». Второе: отсутствует четкое определение понятия автономия. Третье, и главное: вопрос об установлении автономии Украины может решить только Учредительное собрание [9, с. 59]. Таким образом, Центральная Рада оказалась перед выбором, ибо спасовать перед требованиями войскового съезда означало «потерю лица», а демарш перед правительством создавал смутные перспективы для дальнейшего сотрудничества. Но, в целом, ситуация в Киеве и стремление остаться всенародным органом украинской демократии, выбора не оставляли. К тому же, большинство участников событий в Киеве искренне считали необходимым подкрепить свои чаяния и требования конкретными шагами. 10 июня вышел I Универсал Центральной Рады. Фактически, он провозглашал автономию Украины в еще не существующей Российской Федерации. Временное правительство отреагировало на выход I Универсала в уже присущей ему манере в части «юридической некорректности», принятых в Киеве решений. 14 июня Юридическое совещание при Временном правительстве вынесло свой вердикт, повторив исключительную прерогативу только Учредительного собрания решать вопросы национально-государственного устройства [9, с. 60-61].

16 июня Временное правительство выпустило от своего имени «Воззвание к украинцам». В содержании этого документа доминировал призыв к «революционной нецелесообразности» в действиях Центральной Рады. Как отмечает П. Милуков, воззвание прозвучало бессильно и отклика со стороны киевских искушенных политиков не встретило. В своем «нетерпеливом стремлении закрепить» свои пока еще психологические завоевания, они спешно возбуждали в намеченных губерниях вопрос о формальном присоединении к «Универсалу» Рады, о посылке в Раду местных делегатов, о пополнении Рады неукраинскими элементами, наконец, о создании украинского министерства, «генерального секретариата» Рады. В самый день опубликования правительственного воззвания состав этого секретариата уже был намечен [7, с. 134]. То есть деятельность Центральной Рады становится последовательной в части закрепления своих позиций и укрепления авторитета в глазах украинской общественности, поддерживающей провозглашение автономии Украины. 27 июня формируется Генеральный секретариат как собственно правительство Украины. Его полномочия были закреплены «Формулой перехода», согласно которой Генеральный секретариат становится «наивысшим народоправным органом украинского народа и его наивысшей властью» [9, с. 166]. В результате Временное правительство было поставлено перед фактом появления второго «регионального двоевластия». Временное правительство явно пугала «щепная реакция», которая могла охватить другие регионы, потеря управляемости, которая и так оставляла желать лучшего, ситуация полной утраты авторитета и легитимности в глазах общественного мнения, и, в конечном счете, потеря власти. При всей сложности ситуации в целом, Временное правительство оставалось в плену собственных иллюзий «революционной поддержки» со стороны масс населения и оказалось не в состоянии правильно расставить приоритеты в решении социальных, политических, национальных и внешнеполитических задач.

Компромисс был найден в ходе переговоров в Киеве в конце июня и оформлен в тексте II Универсала от 3 июля 1917 г. Тем не менее, 4-5 июля в Киеве произошло выступление солдат Второго украинского полка имени гетмана Павла Полуботко и членов Украинского войскового клуба имени Полуботко. Вполне символично звучит название полка и войскового клуба. Гетман П. Полуботко в 1722-1724 гг. сопротивлялся намерениям Петра I перевести управление автономной Гетманщины в руки Малороссийской коллегии. П. Милуков, ссылаясь на официальные данные и намекая на владение оригиналом документа, приводит план действий солдат, взбунтовавшегося полка. Позиции противников принятия Центральной радой II Универсала выглядят следующим образом: «Выставленный российской революцией лозунг самоопределения народов остается только на бумаге. Мы, украинцы-казаки, которые собрались в Киеве, не хотим иметь свободы только на бумаге или полусвободы. После провозглашения первого универсала (*второго мы не признаем*) мы приступаем к заведению порядка на Украине. Для этого всех россиян и ренегатов, которые мешают («гольмуют») работе украинцев, мы смещаем с их постов силой, *не считаясь с Российским Правительством*. Признавая украинскую Центральную Раду за свое высшее правительство, мы, пока что, выгоняем изменников Украины *без ее ведома*» [7, с. 265].

Таким образом, взаимоотношения, которые складывались между Временным правительством и Украинской Центральной Радой в марте-июле 1917 г., содержали возможности для компромиссов в решении вопроса об автономии Украины в рамках будущего национально-государственного устройства России. Но, по мере расширения и обострения кризиса в стране поле возможностей для

маневра и компромиссов сужалось для обеих сторон. Центральная Рада все в большей степени находилась под давлением активной части украинского общества, а Временное правительство по-прежнему находилось в плену иллюзий в отношении «всеобъемлющего» характера и исключительности прерогатив Всероссийского Учредительного Собрания.

Список литературы

1. Богуславський, О. В. Інформаційно-пресова діяльність Центральної Ради та українських урядів 1917 – 1920 рр. / Наук. ред. С. А. Кость. Гуманітарний університет «Запорізький інститут державного та муніципального управління». – Запоріжжя: ГУ «ЗІДМУ», 2003. – 236 с.
2. Верстюк, В. Ф. Українська Центральна Рада / В. Ф. Верстюк. – К.: Заповіт, 1997. – 344 с.
3. Грушевский, М. Вольная Украина. Статьи последних дней. (Март-апрель 1917) / М. Грушевский. – Киев: Тип. Тов-ва «П. Барский, 1917. – 45 с. (на укр. яз.).
4. Записка об украинском движении за 1914-1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. - Б. м., [1916]. - 75 с.
5. Hroch, M. Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations / M. Hroch. – Cambridge; London; NY, 1985. – 220 p.
6. Касьянов, Г. «Национализация» истории в Украине // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. – С. 117-145.
7. Милуков, П. История второй русской революции / П. Н. Милуков. – М.: РОССПЭН, 2001. – 764 с.
8. Революционное движение в России после свержения самодержавия / Под ред. Л. С. Гапоненко (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 857 с.
9. Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3: 1917. Февраль-октябрь / сост. И. Левин и Е. Драбкина. – М. : Изд-во Коммунистической акад., 1930. – 467 с.
10. Румянцев, В. А. Украинская государственность в 1917-1922 гг.: национально-демократическая и советская альтернативы: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук / В. А. Румянцев. – Харьков, 1998. – 50 с.
11. Солдатенко, В. Феномен Украинской революции / В. Солдатенко // Российская история. – № 1. – 2009. – С. 34-46.
12. Украинский вопрос. Составлено сотрудниками журнала «Украинская жизнь». – Москва: Тип. Т-ва «Задруга», 1915. – 164 с.
13. Українська Центральна Рада : документи і матеріали: У 2 т. Т. 1 : 4 березня - 9 грудня 1917 р. / упоряд. В. Ф. Верстюк [та ін.] ; відп. ред. В. А. Смолій / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. - К. : Наук. думка, 1996 . – 589 с.
14. Хаген, М. Национальный вопрос в России XX века // Куда идет Россия?... : Общее и особенное в современном развитии: Междунар. симп. 17-19 янв. 1997 г. / Под общ. ред. Т. И. Заславской. – М. : Остожье, 1997. – С. 81-95.

Статья поступила в реакцию 13.06.2020

Savchynskiy V. E. "Ukrainian Question" in 1917: Search for Compromises or Lack of Alternatives.

The article analyzes the situation in Ukraine after the February revolution of 1917 in terms of the aspirations of a certain part of Ukrainian society for self-determination within the new Russia. The stages of formation of the Ukrainophile movement and its historical roots are traced. The article shows the tendency of transformation of the idea of national-state status of Ukraine in the course of the development of the revolution. Political and legal conflicts that arose between Ukraine and Russia after the February revolution of 1917 are considered.

Keyword: Provisional government, Ukrainian Central Rada, national-state structure, autonomy, revolution, Universal, Ukrainophile movement

УДК 929:351.74 Каминский

Рассматривается жизненный путь и деятельность первого руководителя крымских органов государственной безопасности в первые годы окончательного установления советской власти и образования Крымской АССР.

Ключевые слова: чекисты, государственная безопасность, гражданская война, Крым.

С. А. Терехов, соискатель 12-го отдела 1-го управления

Научно-исследовательский институт (военной истории)

Военной академии Генерального штаба ВС РФ

И. И. КАМИНСКИЙ – ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КРЫМУ

100-летие окончания Гражданской войны на Европейской части России это не просто очередная дата из истории Отечества, а уникальная возможность взглянуть на свое прошлое какое бы оно не было. История органов государственной безопасности в Крыму специфическая тема для исследования. В связи с геополитической катастрофой начала 90-х годов, развалом СССР, на полуострове единая ранее советская историческая школа перестала существовать, ее сменила эпоха «независимости».

На протяжении целых двадцати лет в украинском Крыму история образования советских спецслужб являлась предметом интереса узкой группы исследователей, ставящих перед собой задачу, впрочем, как и всей страны, отречься от своей истории и рассказать лишь о репрессиях и терроре.

О первых крымских руководителях органов госбезопасности написано мало. Даже в единственной изданной в Крыму в 1987 году книге о «тревожных буднях чекистов» мы не найдем их имен и фамилий [3].

Впервые их официальные биографии назвали в 2019 году в год 100-летия образования Таврической губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности [2].

А вместе с тем, это были «лед и пламень» своего времени. В их биографиях настоящая трагедия России, вера в светлые идеалы и непоколебимая уверенность любимыми средствами их достигнуть.

Первым из них был Иосиф Иосифович Каминский.

Будущий руководитель советских органов государственной безопасности на крымском полуострове родился 15 сентября 1890 года в Царстве Польском в Варшаве в семье кожевника по выделке лайковых шкур. Правда через тридцать лет он укажет в одной из анкет, что родился в 1892 году.

В своей автобиографии, написанной в 1923 году, Каминский расскажет, что «...с 11 лет после смерти отца в 1901 году я начал работать в мастерской по выделке лайковых кож в качестве ученика в самых тяжелых условиях непрерывной работы 14-18 часов...» [5, л.47].

В последующем он отмечал, что зарабатывал как подросток всего 10-15 копеек и часто голодал.

Меняя в очередной раз место работы, молодой Каминский попадает под влияние одного из фабричных кружков социально-демократической партии Королевства Польского и Литвы или «Социал-демократия Королевства Польского», образованной в 1893 году. В будущем именно членство в этой марксистской партии определит его судьбу.

В последствии Каминский вспоминал, что увлечение марксизмом привело к активной подпольной работе. Он после работы распространял запрещенную литературу по заводам, мастерским и фабрикам. Дело дошло до организации забастовки среди рабочих-подростков и повышении им зарплаты на 30 копеек в день.

Его энтузиазм был замечен старшими товарищами. В 15 лет он становится представителем «Социал-демократия Королевства Польского» в центральном рабочем районе столицы Польше – Варшавской Праге.

В период первой русской революции Каминский – организатор забастовок и стачек. В 1905 году он получает первый боевой опыт – участвует в боях с казаками и полицией.

В следующем году его задерживают. На театральной площади в центре Варшавы его опознает агент царской охранки и он проведет в тюрьме пять месяцев [5, л.47обр.].

Через два года Иосиф Каминский работает уже в центральной комиссии подпольных профсоюзов социально-демократической партии Королевства Польского и Литвы.

Его снова арестовывают. После шести месяцев тюрьмы он через Гамбург переезжает в США в Нью-Йорк, где продолжает революционную деятельность среди польской эмиграции.

Проживая до 1913 году в Америке, Каминский окончательно становится профессиональным революционером.

Став в 1909 году членом РСДРП (б), накануне Первой мировой войны по решению партии он возвращается в Варшаву на нелегальное положение.

Интересен его рассказ о задаче, которую перед ним поставило руководство большевиков. По словам Каминского, вернувшись в Польшу, он «...в момент моего приезда в гор. Варшаву положение в подпольной работе в Польше было плачевным в связи с существованием 2-х соц.дем. расколовшихся партий в Польше под названием: «I/ «Правленцы» - во главе т. т. Мархлевским, Люксембург, Дзержинским /сидел тогда в тюрьме/ и «Оппозицией» во главе с т. т. Радеком, Ганецким и др. Мне пришлось вести борьбу с так называемой оппозицией, хотя, правда, что ее влияние на рабочие массы влияние слабо...» [5, л.48]

Во время объявления всеобщей мобилизации в Царстве Польском Каминского арестовывают третий раз и следующие три года он проводит в тюрьме уже в столице империи.

Февральская революция освобождает революционера, и он переезжает в Москву, где вместе с Ф. Э. Дзержинским работает в польской группе РСДРП(б), ведет активную агитацию среди поляков-солдат и беженцев.

Тогда же, в 1917 году «Красный крест» отправляет его как больного цингой в санаторий в Орловской губернии. Так и не выздоровев, Каминский уезжает на Украину, где с головой окунается в подпольную работу в г. Харькове, занятом немцами.

В июне 1918 года он переезжает в Курск и становится руководителем местной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности.

Начинается его чекистская карьера.

Работая в Курской ЧК, И. И. Каминский знакомится со своей будущей супругой – двадцатилетней дворянкой Марией Водолажской, отец которой работал вместе с ним следователем в комиссии [6, л.1-1обр.].

После Курска «...ВЧК назначает меня организовать Минскую Губчека, где мне пришлось повести работу с бандитизмом и польской контрразведкой...».

Гражданская война заканчивалась, и молодой чекист вместе с женой получает направление в Крым, который только заняли части Красной армии.

После эвакуации Белой армии из Крыма и установления советской власти на полуострове начинается процесс создания новых органов власти и управления. Его неотъемлемой частью стало образование на местах органов государственной безопасности.

Сразу после «освобождения» Крыма от Врангеля функцию обеспечения государственной безопасности выполняли подразделения военной контрразведки действующих боевых частей Красной армии. Это связано с тем, что до зимы 1921 года полуостров, несмотря на окончание Гражданской войны, считался прифронтовой полосой, на территории которой действовало военное положение и чрезвычайные органы диктатуры пролетариата.

Первые месяцы советской власти справедливо называют «крымской трагедией», тысячи людей стали ее жертвами. Требуется взвешенное и главное документально подтвержденное исследование этого периода, с привлечением всего комплекса архивных документов, в т. ч. еще не введенных в научный оборот.

Первую попытку создать что-то похожее на местные органы безопасности предпринял Крымский революционный комитет (Крымревком), образованный 16 ноября 1920 года в ходе совместного заседания Реввоенсовета (РВС) Южного фронта и Крымского обкома РКП(б). В его структуре планировалось организовать Особый отдел, который по замыслу новой власти должен был возглавить борьбу с контрреволюцией на полуострове.

Крымским историкам братьям Зарубиным, скрупулёзно исследовавшим данный период в Крыму, не удалось обнаружить каких-либо документальных свидетельств о его деятельности [1, с.670].

Дело в том, что его функции через два дня Крымревкомом были переданы в Особый отдел 4-й армии, который дислоцировался в Симферополе.

Причиной тому стало, во-первых, элементарное отсутствие у местных властей возможностей по его укомплектованию, а во-вторых после занятия красными города маргинальные элементы устроили беспорядки и погромы, и потребовалось срочно навести порядок, для чего особисты подходили лучше, так как располагали для этого необходимыми силами и средствами. Кроме того, нельзя не учитывать относительную слабость местной власти на тот период времени и что настоящим хозяином положения в Крыму в ноябре 1920 года являлся Реввоенсовет бывшего Южного фронта, т. е. военные.

То, что не получилось у крымских большевиков, удалось руководству ВЧК.

В годовом отчете за 1921 год Крымской областной чрезвычайной комиссии в начале раздела «Организационная история К.Ч.К.» говорится: «...19 декабря 1920 года из Москвы приехал назначенный на пост Председателя Крым Ч.К. – Каминский, которому и предстояла организация в Крыму нашего органа. Период фронтовой горячки прошел уже и существовавшие у нас два великана – Особый Отдел 4-й Армии и Особый отдел Черноазмореи – первый во главе с Михельсоном, а второй с Чернобровым во главе, начали терять свое значение на территории страны, вступающей в будничную хозяйственную эпоху...Каминский привез с собой небольшой штат сотрудников и организовал тут нечто, называвшееся Крымской ЧК. Более ясное определение последней трудно подыскать, потому что не было абсолютно никаких объективных условий, которые могли бы сразу поставить этот первичный образ Чрезвычайной Комиссии на соответствующую ей назначения высоту. В распоряжении этого первого Председателя не было политически развитых работников, не было аппарата, который ему предстояло только создавать...» [4, с.9].

Автором в крымских архивах выявлены два неизвестных ранее документа – доклад И. И. Каминского ответственному секретарю Крымского обкома РКП (б) Р. С. Землячке (Самойловой), датированный 21 декабря 1921 года, и его же доклад, направленный 8 февраля 1921 года в адрес Ф. Э. Дзержинского.

Данные архивные источники не только позволяют восстановить картину создания органов государственной безопасности, но и понять в каких условиях оно проходило.

В отчете на имя председателя ВЧК в феврале 1921 года Каминский так опишет свой приезд на полуостров: «Тов. Ксенофоновым я был командирован в Крым для работы. Не дожидаясь приезда в Москву назначенного председателя ЧК Крыма, по предложению тов. Ксенофопова, я уехал один в Крым и приступил к организации ЧК. Моим желанием было войти в состав Коллегии Крымчека и быть представителем в Крымском Ревтрибунале. Уезжая из ВЧК я получил отношение на имя тов. Манцева с просьбой оказать содействие в организации Крымской ЧК. А также мною для организации ЧК был получен весь необходимый материал в количестве 2 пуд. литературы, который, за отсутствием денежных сумм, как на организацию, так и на дорогу, пришлось с тяжким трудом тащить на своей спине, что напомнило мне работу в подполье в 1905-1907 и 1913 годах в Польше.

Поехав в Крым через Харьков – Цупчрезвычайком и оттуда направился в г. Симферополь, где встретил тов. Манцева.

В Симферополь прибыл 9 декабря 1920 года и того же дня получил назначение от тов. Манцева – организовать ЧК и быть председателем таковой».

По словам первого руководителя крымских чекистов: «Приступая к организации Крымчека моей первой задачей было заказать печати, штампы КрымЧК, а затем все необходимые печатные материалы в типографии и подыскание помещения...».

Помещение скоро было найдено, и Крымская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности, а именно такое первоначальное название получил новый чрезвычайный орган, разместилась по адресу Симферополь, улица Луговая (сегодня это улица Б. Хмельницкого), д.1. Сегодня это здание не сохранилось, в 30-е годы на его месте был построен Клуб сотрудников ОГПУ, а сегодня здесь размещается Крымскотатарский государственный академический музыкально-драматический театр.

Крымский ревком по ходатайству Каминского выделит аванс на организацию комиссии в размере 500 000 рублей, но в связи с отсутствием необходимой суммы первому руководителю крымской госбезопасности выдадут всего 200 000, сумму которую он назовет мизерной и хватившей лишь на ремонт здания.

Местная власть передаст Каминскому одну легковую и грузовую машину для проведения «операций» и направит отряд из 35 красноармейцев в его распоряжение, который станет основой будущего батальона войск ВЧК в Крыму.

Основной проблемой первого руководителя станут кадры. Говоря о них в декабре 1920 года он констатировал: «... в период организации мне пришлось начать работу при 23 сотрудниках, присланных ВЧК от тов. Дзержинского, из которых выдвинуть на ответственные должности в ЧК не представлялось возможным, так как они находились рядовыми сотрудниками...». Позднее в февральском докладе Каминский добавит, что «...работников, в особенности ответственных и опытных не было совсем, переданные тов. Манцевым в мое распоряжение 25 сотрудников являются, за немногим исключением, элементом ненадежным, разлагающимся и надеется на их работу почти не приходилось [...] Должен добавить, что при утверждении меня председателем Областкомом был поставлен в такие условия, что бы ни в коем случае из местных коммунистов для работы в ЧК никого не брать...».

На основе анализа приказов, подписанных председателем КрымЧК в период с 15 по 31 декабря 1920 года можно сделать вывод, что костяк будущей комиссии действительно составили переведенные из ВЧК 56 сотрудников, и 17 будут направлены из Особых отделов войсковых частей Красной армии, а также из местных партийных структур.

Первый приказ, подписанный Каминским, датирован 15 декабря 1920 года.

Его первый пункт гласил: «Согласно назначения членов Коллегии ВЧК, Начальником Особ. Отделов Юж. юг. фронта Крымревкома я вступил в должность Председателя Крымчека с 9 декабря 1920 года.», оставшимися 15 пунктами председателем были утверждены заведующие Секретно-оперативным отделом и Оперативной частью, секретарь комиссии, комендант, комиссары и повар. На довольствие было поставлено всего 19 человек [5, л.50].

21 декабря 1920 года на очередном заседании крымского областного комитета РКП(б) будут рассмотрены два пункта: доклад о Крымчеке и утверждение ее коллегии. По первому вопросу решат выступление руководителя крымских чекистов принять к сведению и направить в ВЧК телеграмму с просьбой о направлении работников в Крым.

Первый состав Коллегии утвердят в составе: Каминский – Председатель, Заведующий Секретно-оперативным отделом – Полканов, Секретарь – Протопопов, Заведующий Административным отделом – Погребной и представитель Крымского Ревтрибунала – Курган.

После завершения первоочередных организационных вопросов придет очередь для формирования аппарата комиссии на местах. Для этого члены Коллегии КрымЧК в последнюю неделю декабря уходящего 1920 года посетят все крымские уезды и 1 января 1921 года на очередном заседании примут решение об образовании уездной чрезвычайной комиссии в Севастополе и политбюро в Феодосии и Карасубазаре (сегодня г. Белогорск).

Из двух указанных выше докладов мы можем узнать о первых результатах работы крымских чекистов.

21 декабря в местный Обком РКП(б) он напишет, что после занятия помещения сразу начались задержания и обыски. За неделю арестуют четверых жителей Симферополя за спекуляцию, восемь бандитов, одного врангелевского офицера в городском Комендантском управлении, бывшего жандарма и трех сотрудников железнодорожной ОРТЧК за превышение должностных полномочий.

Позже Каминский приведет цифры по состоянию на 15 января: «...Всего обысков – 250. Арестованных – 130, из них – 30 человек расстреляно, большинство из расстрелянных врангелевские офицеры и бандиты, в среде арестованных – 10 человек преступления по должности, как из крымской Рабинспекции и Бюро пропусков Особого отдела 4-ой Армии, затем группа арестованных сионистов...».

В условиях поствоенной разрухи Каминскому предстояло в кратчайшие сроки наладить работу и сформировать действительно боеспособный орган борьбы с врагами новой власти.

Знакомясь с первыми распорядительными документами КрымЧК, четко осознаешь личный вклад тридцатилетнего чекиста в создание органов безопасности на полуострове.

С 15 декабря 1920 по 19 января 1921 года он утвердит 34 приказа, которые сегодня хранятся в Государственном архиве Республики Крым.

В них исследователь прочитает, что рабочий день или занятия начинались в 10 утра до 16 дня с перерывом на обед до 18 вечера, и заканчивались в 22 часа ночи. При комиссии была организована столовая, в которой питались сотрудники ЧК.

Сразу обращает на себя внимание попытки первого руководителя навести «железный порядок» в рядах чрезвычайного органа.

Уже в приказе №2 Каминский требует под «страхом личной ответственности без моего ведома никого из арестованных из-под ареста не освобождать» и объявит выговор уполномоченному при Президиуме КЧК Медведеву за «бессмысленное задержание лиц и привод таковых в Комендантскую без всякого основания причины задержания».

18 декабря Каминский для неукоснительного исполнения приказов ВЧК запретит подчиненным во время обысков и задержаний забирать продовольствие и вещи, потребовав передавать их местным органам.

Обращаясь к сотрудникам комиссии в связи с очередной годовщиной образования органов ВЧК, он отметит, что комиссар или лицо уполномоченное обязан соблюдать вежливость, корректность, «...отнюдь не допускать никаких грубых выходок и упреков по адресу подвергнутого обыску; он должен быть строгим и дисциплинированным исполнителем...».

Первый руководитель требовал от крымских чекистов строго исполнения установок руководства ВЧК о необходимости укрепления связей с областным комитетом большевистской партии, указывая, что полная оторванность от партийной жизни, замкнутость, обособленность, а также отсталость, крайне вредно отражается на деле.

За нарушение дисциплины и совершение коррупционных преступлений председателем комиссии будут отданы под трибунал 4 сотрудника.

8 января 1921 года Каминский приказом № 25 поручит коменданту И. Д. Папанину сформировать батальон при КрымЧК. Будущий дважды герой СССР и известный исследователь Арктики станет его первым командиром.

Отдельно требуется остановиться на взаимоотношениях крымских чекистов с многочисленным аппаратом дислоцированных на полуострове Особых отделов, входящих в Управление Особыми отделами ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов.

Заняв должность руководителя крымских чрезвычайных органов, Каминский пытается ограничить деятельность военных контрразведчиков обеспечением безопасности Красной армии.

27 декабря 1920 года под руководством Каминского в г. Симферополе прошло совместное заседание Коллегии КрымЧК с руководством Особого отдела 4-ой Армии и местных органов государственной безопасности на транспорте.

Поводом для совещания стало требование 23 декабря к Евпаторийскому революционному комитету начальника Особого отдела побережья Черного и Азовского морей в связи с образованием в городе особого военноконтрольного пункта «влиять» в его состав местное политбюро, входящее в состав КрымЧК.

Каминский обращается за помощью к руководству Крыма и евпаторийское политбюро остается в составе территориального подразделения ВЧК.

На заседании собственно обсуждались всего два вопроса: о разграничении функций и разграничений функций между местными чекистами и особистами из отдела побережья Черного и Азовского морей.

По первому решили, что «Особотдел ведет работу в отношении дел чисто военных, О.Р.Т.Ч.К. и Р.Т.Ч.К. в отношении дел железнодорожного характера и Крымчека – в отношении дел гражданского характера». Для большей «контактности» участники совещания договорились ввести в состав своих коллегий представителей участников совещания с правом решающего голоса.

Второй вопрос вызвал полемику и его отложили, предложив провести отдельное заседание.

В последующем роль органов военной контрразведки будет постепенно уменьшаться и в апреле 1921 года они станут частью местной Комиссии.

Каминский останется руководителем крымской ЧК до 19 января 1921 года, когда его сменит секретарь Ф. Э. Дзержинского Станислав Францевич Реденс (1892-1940 гг.).

С. Ф. Реденс приедет на полуостров 18 января 1921 года и станет первым руководителем образованного Полномочного представительства ВЧК в Крыму. Он изменит структуру местных органов безопасности, образовав вместо Крымской ЧК три городские чрезвычайные комиссии (со штатом и правами областных): Симферопольскую, Севастопольскую и Керченскую [1, с.670]

19 января Каминский подпишет свой последний приказ в статусе руководителя КрымЧК, потребовав от подчиненных сдать дела утвержденному Реденсом председателем Симферопольской городской ЧК М. М. Вихману и получит назначение в Керчь.

4 февраля 1921 года Каминский приезжает в город и подписывает свой первый приказ о вступлении в должность председателя Керченской городской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Через три дня типографским способом будет напечатан новый «Приказ №1», в котором населению будет объявлено о создании в городе нового чрезвычайного органа, который расположится на Александровской набережной в доме №4 [4, с.22].

Пункт № 3 данного документа запретит проводить любые следственные действия, аресты и обыски без разрешения председателя КерчьЧК, и ограничит деятельность местных особистов только военными учреждениями.

Этим же приказом все местное население, владеющее огнестрельным оружием должны будут его сдать, и сообщать в ЧК о всех прибывших и выехавших из города.

В заключении Каминский обратился «...ко всем честным гражданам с призывом выполнить свой гражданский долг и помочь ей в деле очистки Керчи и окрестностей от контрреволюционных банд и отдельных белогвардейцев...».

Считая, скорее всего, себя пониженным в должности до председателя уездной ЧК, Каминский, как говорилось выше, обратится 8 февраля напрямую к Ф. Э. Дзержинскому. В своем докладе он раскритикует расформирование Крымской ЧК С. Ф. Реденсом, назвав создание городских чрезвычайных комиссий вредным, будет убеждать в необходимости создания «единого чекистского центра» и попросит председателя ВЧК вмешаться. Его доклад останется без ответа, но время все расставит на свои места.

Через три месяца произойдет очередная реорганизация крымских органов безопасности и основным аргументом образования Крымской областной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности станет «...Между тем до сих пор в Крыму нет объединяющего органа всех ЧК, который бы вел бы работу под единым руководством и по определенному плану...».

В апреле 1921 года Каминского оставляют руководить образованной Керченской уездной чрезвычайной комиссией. 4 мая 1921 года он лично обратится к Дзержинскому: «После почти постоянной организационной... работы в Курске, Минске, Крымчека нахожусь захолустное Керчека... Исполняя усиленно партийную работу больше продолжать работу в ЧК не в состоянии. Убедительно прошу срочно перебросить меня из ЧК на производственную или другую полезную для республики работу...» [5, л.59].

В конце лета 1921 Каминский уезжает из Крыма. В написанной спустя два года автобиографии, он укажет причину переезда и возвращения в Курск – болезнь.

12 июля Коллегия Крымской областной ЧК назначит нового председателя КерчьЧК, а Каминского отзовет в свое распоряжение. Это решение станет результатом деятельности Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма. В течение первых двух недель пребывания в Крыму, с 15 июня по 1 июля 1921 года, комиссия обследует большинство органов власти, в т. ч. чрезвычайную комиссию и ее подчиненные подразделения.

Результатом ее деятельности станет вывод комиссии о злоупотреблениях в ЧК и требование наказать виновных.

В крымских архивах автору удалось найти приказ Крымской областной чрезвычайной комиссии за номером 27 от 18 августа 1921 года, объявивший о рассмотрении дела членов Коллегии Керченской чрезвычайной комиссии Каминского Иосифа, Полякова Андрея, Шульгина Сергея и начальника разведки той же ЧК. Михайловского, обвинявшихся в применении вышей меры наказания к несовершеннолетнему, в избивании арестованных, в незаконном приобретении соли и обмене ее на продукты, часть из которых была ими употреблена для личных целей.

Решением Коллегии обвиняемые были признаны виновными, но с учетом партийного стажа, пролетарского происхождения и заслуг перед революцией первому руководителю крымских чекистов и его бывшим подчиненным запретили работать в органах безопасности.

Думается, что столь мягкий приговор (за аналогичные преступления ревтрибунал Республики приговаривал к высшей мере наказания) связан с попыткой «отреагировать» на выводы Комиссии ВЦИК. Косвенным доказательством этому является отсутствие в доступных архивах каких-либо других упоминаний о вменяемых преступлениях Каминскому, в т. ч. в архивах ФСБ России. Нет их и в его личном деле.

В органы безопасности первый чекист вернется 4 октября 1923 года и прослужит всего год в должности заместителя начальника секретно-оперативной части Полномочного представительства ОГПУ по Западному краю – начальником Смоленского отдела ОГПУ. В следующем году он умрет от осложнения болезни, которую он так и не вылечил [5, л.68].

Список литературы

1. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: Антиква, 2008. – 724 с.
2. Крымский щит России / Л.В. Михайлюк и [др.]. – Симферополь: Н. Оріанда, 2019. – 187 с.
3. Орлов, Г. С. Тревожные будни: Очерки о чекистах / Г. С. Орлов. – Симферополь: Таврия, 1987. – 192 с.
4. Прошу доложить т. Дзержинскому / Управление Федеральной службы безопасности России по Республике Крым и г. Севастополю, Крымский государственный архив. – Симферополь: Таврида, 2016. – 254 с.
5. ЦА ФСБ России (Центральный архив ФСБ России). Ф.7.Оп.1.Д.79627.
6. ЦА ФСБ России. Ф.7. Оп.1. Д.6019.

Статья поступила в редакцию 15.03.2020

Terekhov, S. A. I. I. Kaminsky – the First Head of the Soviet State Security Agency in Crimea

The article considers the life path and activities of the first head of the Crimean state security agency in the first years of the final establishment of Soviet power and the formation of the Crimean ASSR.

Keywords: security officers, state security, civil war, Crimea.

УДК 94(47)

Обстановка на Юго-Западе России во время Гражданской войны в целом была схожа с общей ситуацией по стране, однако при этом она характеризовалась значительно большим количеством сторон конфликта, быстрой и неоднократной сменой власти в регионе и отдельных его частях, временами становясь достаточно запутанной. Отношения противоборствующих сторон в регионе следует отнести к категории наименее изученных в истории Гражданской войны. При этом, многочисленные факты свидетельствуют о том, что для достижения своих целей на определенных этапах имело место сотрудничество противоборствующих сторон.

Ключевые слова: Юго-Запад России, Румынский фронт, Бессарабия, Приднестровье, Румчерод, комитет «Спасение Бессарабии», Хотинское восстание, Бендерское восстание.

А. С. Цыганов, старший преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: tsyhanov72@mail.ru

Л. П. Нелина, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: larisanelina@gmail.com

А. А. Ирхин, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: alex.irhin@mail.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Отношения противоборствующих сторон на Юго-Западе России являются одной из наименее изученных и, в то же время, одной из самых трагических страниц в истории Гражданской войны. В связи с сохраняющимся расколом российского общества во взглядах на апробированные историей и перспективные пути своего развития, переосмысление событий Гражданской войны и роли отдельных ее участников является важным этапом на пути общественной консолидации и укрепления гражданского мира.

Целью данной публикации является исследование динамики военно-политической обстановки на Юго-Западе России на фоне фактической дезинтеграции политической системы и системы государственного управления, сепаратизма, конкуренции региональных и внерегиональных сил, обусловленных состоянием Гражданской войны и отягощенных внешней агрессией.

Методология заключается в применении исторического и геополитического подходов, которые обусловили применение целого ряда методов исторической и политической науки: историко-описательного, историко-генетического, историко-хронологического, метода политического анализа и др.

Исследуемый период характеризовался многочисленными конфликтами между различными группами в борьбе за власть, изменение государственного и национального устройства в юго-западной части России. Начиная с февраля 1917 года российское общество фрагментируется по социальному, политическому, национально-этническому и другим признакам, образуя множество конфликтующих между собой групп и мелких группировок. В сложившейся ситуации обстановка на Юго-Западе России какое-то время остается мирной, но довольно сложной и запутанной. В регионе наблюдается многовластие – двоевластие, а по сути даже троевластие. Так, одновременно с общественными комитетами, которые представляли интересы Временного правительства, существовали различные Советы и местные органы украинской Центральной Рады.

Количество органов, претендующих на власть в регионе постоянно росло. Кроме Совета рабочих депутатов, созданного совместно большевиками, меньшевиками и эсерами, с весны 1917 года были созданы Крестьянский Совет, Совет матросских и офицерских депутатов, солдатский Совет, Совет трудовой интеллигенции, Совет профсоюзов, Совет фабрично-заводских комитетов и другие. Началось формирование отрядов Красной гвардии (рабочей милиции). Среди армейских частей Румынского фронта возникло и быстро распространилось по региону движение украинизации, выразившееся в формировании национальных украинских подразделений (гайдамацких куреней, полков, дивизий). На сторону Центральной Рады перешли отдельные корабли Черноморского флота. Также нельзя сбрасывать со счетов активные действия в регионе представителей криминалитета, которые объединялись в вооружённые банды, занимались грабежами и насилием под видом

революционных реквизиций. Дополнительным фактором дестабилизации являлось большое количество имеющих боевой опыт вооруженных людей, перемещающихся по региону.

В то же время регион оставался прифронтовой зоной Первой мировой войны, ситуация на фронтах которой оставалась сложной и непредсказуемой. Так, после стремительного поражения Румынии в войне против Центральных держав (всего в течение трех месяцев после вступления в войну на стороне Антанты) в декабре 1916 года был создан Румынский фронт в составе четырех русских армий и остатков румынских войск. Зимой 1916–1917 годов, когда на всем Западном театре войны наступило затишье, «отдохнуть не удалось лишь Румынскому фронту» [3, с. 145].

Летом 1917 года для руководства Румынским фронтом и флотом, а также Бессарабской и Херсонской губерниями, был создан Совет Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы (Румчерод). Следует отметить, что несмотря на конкуренцию за власть, на Юго-Западе России все три силы (Временное правительство, Советы, Центральная Рада) проявили способность к консолидации в случае возникновения общей опасности. Свидетельством этого стало создание коалиционного Временного Ревкома для противодействия Корниловскому мятежу и разгулу бандитизма. В состав Временного Ревкома вошли представители от социалистических партий (эсеры, большевики, меньшевики, украинские и еврейские соцпартии), городских властей, Совета и Румчерода [6, с. 36].

Осенью 1917 года значительно усилилась политическая активность различных групп населения в регионе. Сложилась парадоксальная ситуация, когда вышеуказанные власти сотрудничали и одновременно противостояли друг другу в различных комбинациях. Сразу после прихода к власти большевики согласились с заявлением Центральной Рады о том, что Юго-Запад бывшей Российской империи входит в состав УНР, которая, в свою очередь, входит на правах республики в состав Федеративной Демократической Российской Республики. Поэтому вскоре вновь был создан коалиционный орган – Революционный Комитет, в который также вошли представители Центральной Рады и руководители Одесского военного округа. Однако сложившаяся в Одессе уникальная ситуация мирного сосуществования большевиков и Центральной Рады продлилась всего несколько дней [6, с. 39 - 40].

Обстановка в вооруженных силах была не менее запутанной. Штаб Одесского округа, армейские части, военные училища и донские казаки присягнули Центральной Раде, однако на флоте украинский флаг был поднят только на крейсере «Память Меркурия», на остальных кораблях Андреевский флаг снимать отказались. Необходимо отметить, что события в России привнесли настороженность в союзнические связи между странами, которая лишь усиливалась по мере развертывания в стране революционного процесса и нараставшего разложения русской действующей армии. Но даже в сложившихся условиях, численность Румынского фронта составляла около 1,5 миллионов человек. Особенность ситуации заключалась в том, что войска Румынского фронта находились и на территории юго-западной части России, и на территории Румынии, где война продолжалась. При этом, в связи с удаленностью частей фронта от очагов революционных процессов, обстановка развивалась довольно плавно. Как указывает М. В. Оськин: «Имея в качестве тыловой опоры румын, помощник главнокомандующего фронтом (помглавкорум) Д. Г. Щербачев мог вести разновекторную политику. Эта политика включала в себя и сотрудничество с большевистскими войсковыми комитетами, и связи с украинской Центральной Радой, и формирование белогвардейских добровольческих формирований, и переговоры с союзными миссиями» [4, с. 67].

Сразу после октябрьских событий 1917 года Румынский фронт подчинялся СНК, однако под давлением румынского правительства, действовавшего совместно с Центральной Радой, уже в конце ноября Румынский и Юго-Западный фронты объединяются в Украинский фронт, который возглавил помглавкорум Щербачев, признававший Украину частью неделимой России. Это решение поддержали и «национальные» комиссары Румынского фронта. При заинтересованности Румынии активно шел процесс создания национальных формирований. С ноября 1917 года на Румынском фронте были сформированы пять национальных корпусов: два польских, по одному украинскому, мусульманскому и молдавскому. Кроме того, с декабря того же года на развитие обстановки в Юго-Западной части России значительное влияние оказывало образование Молдавской Народной Республики в составе Федеративной Российской Демократической Республики.

Несмотря на обострение противостояния между большевиками и Центральной Радой к концу 1917 года на Юго-Западе России эти силы продолжали сохранять способность к примирению и сотрудничеству перед лицом общей угрозы. Так, к примеру, в декабре 1917 г. в ходе поднятого большевиками при поддержке местных и сербских военных подразделений вооруженного восстания в Одессе, анархистами и местными криминальными группировками начались погромы складов с коньяком и шампанским. Значительные людские потери вынудили командование Красной гвардии и гайдамаков договариваться о прекращении огня. Итогом этих договоренностей стало создание «примирительного» Временного объединённого комитета Советов из представителей Одесского

Совета и Одесской Украинской рады, а также Временного революционного бюро из представителей Румчерода, штаба округа, Центральной Рады и комиссара Временного правительства [5, с. 9].

В январе 1918 года Киев заявил об отделении Украины от России, в связи с чем Одесский Совет (меньшевики и правые эсеры) и Центральная Рада создали еще один орган – Временный комиссариат (ВК). После проведения съезда большинство в Румчероде получили большевики. В конце января 1918 года в Одессе началось новое восстание под руководством Военно-революционного комитета Румчерода, в который входили представители большевиков, фабрично-заводских комитетов, левых эсеров, анархистов. На стороне большевиков выступили Красная гвардия, Еврейская самооборона (уголовные элементы Мишки Япончика), солдаты, матросы, члены боевых организаций левых эсеров и анархистов, интернациональный отряд против сил Центральной рады (два гайдамацких куреня, юнкера, отдельные отряды, в том числе из гимназистов и студентов). Несколько воинских частей гарнизона объявили о своём нейтралитете. Осознав бесперспективность сопротивления, лидеры войск УНР пошли на перемирие и вывели войска из города [6, с. 60]. Необходимо заметить, что всех погибших (красногвардейцев, юнкеров, гайдамаков и мирных жителей) похоронили в одной могиле – на Куликовом поле в Одессе. В феврале 1918 года на территории Херсонской и Бессарабской губерний была образована Одесская советская республика (ОСР) с подчинением Совнаркому (Петроград).

Одновременно в западной части региона, Бессарабии, с начала января 1918 года началось румынское вторжение. При этом румынским войскам, бывшим военным союзникам России, пришлось занимать Бессарабию с боями. Перед лицом общего врага различные вооруженные формирования Юго-Запада России (располагавшиеся в Бессарабии разрозненные части русской 8-й армии Румынского фронта и части спешно сформированной Особой Одесской армии в составе большевиков, левых эсеров и анархистов) пытались оказывать вооруженное сопротивление. Им в поддержку из Одессы и Севастополя были направлены несколько военных судов с десантом матросов и красногвардейцев. Кроме оказавшихся в состоянии войны с Румынией Советской России и Советской Украины, военные действия против нее начала и Центральная Рада [6, с. 69-70]. В результате, к началу марта румынские войска в Приднестровье были разгромлены, чем были сорваны их попытки закрепиться на левом берегу Днестра, а войска Красной армии планировали продвигаться на Кишинев и далее на Бухарест. Однако в марте 1918 года после подписания Брестского мирного договора, по которому Россия потеряла около 1 млн км², включая Юго-Запад бывшей Российской империи, и обязана была демобилизовать армию и флот, австро-венгерские войска захватили Подолье и вышли к Одессе. Одесским советом и Румчеродом была признана бесперспективность обороны и власть в городе с 12 марта перешла к Городской думе, которая на переговорах с австрийским командованием добилась беспрепятственной эвакуации красных армий [5, с. 74]. 13 марта Одесса без боя была занята австрийскими войсками. Формально Юго-Запад бывшей Российской империи находился под управлением УНР (с апреля – Украинской державы П. Скоропадского). Однако фактически регионом управляли немецкая и австро-венгерская военные администрации. В то же время в регионе действовало многочисленное подполье, которое занималось антигетманской агитацией и устраивало террористические акты. При этом остается фактом «финансовая и организационная поддержка» большевиками и анархистами руководителя уголовных элементов Одессы Мишки Япончика [6, с. 97].

После изменения международного положения в ноябре 1918 года, Германия и Австро-Венгрия, недавние союзники гетмана, начали вывод войск с юго-запада бывшей Российской империи. С началом восстания против гетмана Скоропадского, располагавшиеся на юго-западе России войска, раскололись на сторонников гетмана и Директории. Большинство офицеров приняли сторону русской Добровольческой армии. В конце ноября 1918 года в Одессу, где еще оставался гарнизон австро-немецких войск, прибыли английские и французские корабли, в порту высадились французские и сербские войска, польские легионеры. Однако Одесса и прилегающие районы были захвачены войсками Директории, гетманские войска капитулировали. Русские добровольческие отряды, оборонявшие город, готовились в порту к эвакуации в Севастополь, однако при поддержке прибывших дополнительных французских сил и польских легионеров вынудили украинский гарнизон оставить город. По требованиям Антанты войска Директории прекратили боевые действия, разблокировали район вокруг Одессы и отвели войска на 40 км севернее Одессы, где был установлен Южный фронт армии УНР. Французское командование предполагало разделить территорию Украины на две части. При этом на северную часть (Киев) должна была распространяться власть Директории УНР, а в Причерноморье (Одесса) предполагалось иметь смешанную (французско-русско-украинскую) армию с отдельными румынскими воинскими частями и собственное правительство [6, с. 129]. Однако договорённости так и не удалось достичь.

Было создано правительство во главе с генералом А. Н. Гришиным-Алмазовым, который впоследствии отказался выполнять приказы Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) А. И. Деникина, был крайним противником украинизации и объявил войну активно

действовавшим бандитам в регионе. В результате снова образовалось многовластие (французская, румынская, гетманская, петлюровская, гришин-алмазовская власти и др.), результатом которого стала анархия. К весне 1919 года проведение реквизиции продовольствия у крестьян региона вызвало повсеместные восстания крестьян против войск Антанты и белогвардейцев. При поддержке большевиков восставшие продолжили наступление на Херсон, Николаев, Одессу. При этом между большевиками и немецкими войсками, остававшимися в регионе еще в течение полугода после поражения Германии, отмечались случаи договоренностей. Так, 14 марта по договоренности с немецким солдатским комитетом Николаев был сдан без боя. Кроме того, 4 апреля 1919 года французское командование после переговоров передало власть Одесскому совету рабочих депутатов и Ревкому. После чего была проведена эвакуация войск Антанты из порта Одессы. Белогвардейцы, польские легионеры отходили с боями в сторону Румынии, румынские войска отошли за Днестр.

Следует отметить, что «с румынской оккупацией Бессарабии в 1918 г. не смирились не только красные, но и белые» [8, с. 95]. Общей целью и тех, и других стало возвращение области в состав России. Высказываются даже предположения о существовании негласной договоренности между основными конфликтующими сторонами Гражданской войны. Основанием выступает факт поддержки основанным белогвардейцами комитетом «Спасение Бессарабии» Хотинскому (январь 1919 г.) и Бендерскому (май 1919 г.) восстаниям, организованным большевиками [8, с. 95]. Также членами комитета готовилась операция войск ВСЮР по освобождению Бессарабии.

Хотинское восстание на севере Бессарабии является одним из ярких примеров сотрудничества противоборствующих сторон на Юго-Западе России против румынской оккупации. Восстание одновременно было подготовлено разными политическими силами. Комитетом «Спасение Бессарабии» при финансировании командованием Добровольческой армии были созданы подпольные пропагандистские группы («бюро»), в Бессарабии и Центральной Румынии распространялись листовки с призывами к восстанию, были подготовлены инструкторы для партизанских подразделений. Одновременно большевики Бессарабской, Херсонской и Подольской губерний также подготовили восстание. В январе 1919 г. несколько вооруженных отрядов партизан переправились на правый берег Днестра, к ним присоединились крестьяне, рабочие и команда находившегося в Могилеве-Подольском бронепоезда из состава войск Директории. 23 января повстанцы вошли в город Хотин. Немаловажным фактом являлось то, что восстание происходило в период работы международной конференции в Париже по итогам Первой мировой войны, что значительно осложнило Румынии решение бессарабского вопроса. Еще в конце 1918 г. в Париж прибыли лидеры комитета «Спасение Бессарабии» А. Н. Крупенский и В. К. Шмидт, развернувшие во французской прессе кампанию с призывом не допустить признания румынской аннексии лидерами Антанты [8, с. 86].

Также во время восстания была предотвращена переброска румынских войск с юга Бессарабии. Для чего на помощь местным партизанам в крупный транспортный узел Тирасполь, который занимали войска Директории при поддержке румынских и французских войск, из Одессы, находившейся под контролем Антанты и белогвардейцев, прибыл партизанский отряд под командованием Г. И. Котовского. В дальнейшем по негласной договоренности, между красными, белыми и петлюровцами, интервенты вынуждены были покинуть город, а железная дорога, связывавшая части региона, была перерезана. Впоследствии, после неудачной попытки вернуть город, командование смешанных французско-румынских сил, имея в распоряжении достаточное количество сил, не решилось более предпринимать штурм Тирасполя в-основном из-за «нейтралитета» отряда бессарабских офицеров. Несмотря на достигнутый временный положительный результат, Тирасполь позднее красными был оставлен. Примечательно, что данный офицерских отряд, сформированный белым подпольем Бессарабии оставался в городе как при белых и Директории, так и после 18 апреля, когда в город вступили войска Красной армии, с которой у руководителя отряда полковника Жураля, видимо, также имела политическая договоренность [8, с. 86].

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает сотрудничество «красных» и «белых» в ходе Бендерского восстания (Приднестровье), вспыхнувшего 27 мая 1919 г. На эту особенность восстания уже указывалось в литературе [1, с. 1]. В восстании участвовали красноармейцы, рабочие дружины Бендер, приднестровские партизаны и горожане, не связанные с подпольем. Офицеры из комитета «Спасение Бессарабии» также активно участвовали в восстании, также была использована их агентурная сеть.

Необходимо отметить, что с конца 1918 года в регионе активизировались разведывательные службы и агитационно-пропагандистские организации. При этом ситуация с работой разведывательных (контрразведывательных) служб была совершенно неясной. Одновременно со значительным увеличением территории белых на Юге России, и, соответственно, количества формирований, возникло множество специальных органов различной подчиненности. Случались случаи, когда размещенные в одном населенном пункте спецслужбы, имевшие разную

принадлежность, порой ничего не знали друг о друге или конкурировали между собой. Так, Н. С. Кирмель в своем специальном исследовании указывает: «...в занятой французами Одессе наряду с контрразведкой, подчинявшейся ВСЮР, там располагались Международное информационное бюро подполковника Тишевского, Информационное бюро генерала Глобачева, Информационное бюро газетных работников, контрразведка Русско-германского Союза монархистов-христиан во главе с капитаном Вачнадзе, контрразведывательная часть Штаба генерала Шварца, а также чины контрразведки Украинской Директории. Кроме них в городе действовали контрразведывательные органы князя Кочубея, «Союза русских людей», капитана фон Кубе, поручика Браузе, английского и французского командований» [2, с. 4-5]. Кроме этого в регионе действовали немецкая, греческая, итальянская, украинская (гетмановская), и даже японская разведки (контрразведки). Все эти организации собирали и передавали часто недостоверную и ложную информацию, временами дезинформацию, вели информационные войны и еще более запутывали и так непростую обстановку в регионе. В регионе также действовали подобные организации большевистского и анархистского толка, однако их деятельность была в большинстве случаев скоординирована, насколько это возможно в работе специальных служб. С декабря 1918 г. в Одессе одновременно действуют подпольный Обком КП(б)У, большевистская «Иностранная коллегия», анархистская «Иностранная группа», Конфедерация анархистов Украины «Набат», куда входили французская, польская, румынская, сербская, греческая и английская группы [6, с. 133]. Основные усилия этих групп были сосредоточены на подрыве морального духа интервентов, в первую очередь на разложении военнослужащих-интервентов, которые были недовольны затягиванием войны (длилась уже шестой год) и необходимостью воевать против бывших союзников. Кроме того, работали несколько подпольных типографий большевиков, издававших на нескольких языках листовки и газету. Результатом активных действий агитаторов были многочисленные бунты во французских частях (кораблях). Наиболее значимым результатом деятельности разведки большевиков возможно считать подкуп начальника штаба французских войск полковника Фрейденберга, который обеспечил срочную эвакуацию войск интервентов в апреле 1919 года, несмотря на их значительно больший боевой потенциал по сравнению с потенциалом наступающих войск Красной армии.

Обращают на себя внимание интересные факты сотрудничества между специальными службами противоборствующих сторон. Так, несмотря на ликвидацию «белой» и французской контрразведками в марте 1919 года многих руководителей большевистского подполья, оперативная обстановка на Юго-Западе России существенно не изменилась. После многочисленных провалов областной комитет большевиков возглавила С. И. Соколовская, одна из руководителей «Иностранной коллегии». При этом основные поставленные задачи по предотвращению расширения зоны оккупации интервентов организованными действиями партизанских формирований и по ведению пропаганды для разложения войск (сил) интервентов были выполнены. Сама С. И. Соколовская была дважды арестована, но смогла бежать. Существуют свидетельства о коррупции среди контрразведчиков [8, с. 92], поэтому случаи выкупа и организация побегов арестованных не были редкостью. Хотя в Одессе оставалось более 2 тыс. членов Коммунистической партии, массовых арестов предпринято не было. Продолжала издаваться газета «Одесский коммунист», действовали «партийные коллективы», проводились многочисленные партийные совещания. Например, 2 ноября 1919 г. большевики Одессы даже провели городскую партийную Конференцию. Поэтому нельзя исключать возможность договоренности руководителя контрразведки и подполья большевиков. А именно, «крупных провалов так и не последовало, в уездах продолжали формироваться партийные группы большевиков и партизанские отряды... Располагая войсками численностью всего 13,5 тыс. штыков, в пять раз меньшей, чем интервенты в начале 1919 года, белые сохраняли контроль над всей территорией Херсонской и Подольской губерний. Неужели на почве общей позиции по вопросу об освобождении Бессарабии между шефом белой контрразведки и главой большевистского подполья была достигнута тайная договоренность о взаимной терпимости?» [8, с. 92-93].

Заслуживает внимания тот факт, что осенью 1919 года белые начали формирование войск, которые были объединены в Днестровский отряд, для действий по освобождению Бессарабии от румынских войск. Кроме этого, после восстановления боеспособности, Украинскую Галицкую армию, которая перешла на сторону белых в ноябре 1919 года, также планировалось задействовать в операции по освобождению Бессарабии. Но после ряда поражений ВСЮР в борьбе против Красной армии, части, подготовленные для освобождения Бессарабии, были переброшены на фронт с большевиками. Однако подготовка агентов для направления в Бессарабию продолжилась. Следует отметить, что белые не смогли исполнить свои планы по освобождению Бессарабии от румынских войск по причине поражения в Гражданской войне. Красные не смогли в то время также добиться цели по причине вмешательства внешних сил, в том числе, потому что «государства, претендующие на территорию Бессарабии, кардинально изменили свой статус... РСФСР и УССР все еще оставались непризнанными республиками» [7, с. 355].

Также представляется необходимым обратить внимание на факты сотрудничества между «белыми» и «красными» посредством предоставления взаимных уступок. Например, во время

подхода частей Красной армии к Одессе и Тирасполю были отмечены факты невыполнения приказа командования Добровольческой армии по ликвидации арестованных контрразведкой политзаключенных и чекистов охранявшими тюрьмы подразделениями белогвардейцев. Соответственно, красноармейцы не препятствовали переходу отступающих войск Добровольческой армии на север вдоль Днестра для соединения с поляками, после отказа Румынии в допуске их на территорию Бессарабии. О сотрудничестве белогвардейцев и большевиков в бессарабском вопросе с декабря 1918 до февраля 1920 г. свидетельствует и доклад румынской политической полиции (сигуранцы) под названием «Деятельность Центра «Спасение Бессарабии» в Бессарабии» [8, с. 79].

Необходимо отметить, что все деления на «белых», «красных», «зеленых» и других на Юго-Западе России во время Гражданской войны были еще более условны, чем на других территориях бывшей империи – создававшиеся союзы между сторонами были ситуативными и часто неожиданными по своему составу.

В заключении необходимо отметить, что в годы Гражданской войны на Юго-Западе России шла бескомпромиссная жестокая борьба нескольких идеологий и мировоззрений. При этом с разных противоборствующих сторон в первых рядах сражались наиболее искренние и мужественные люди. Каждая сторона имела свое понимание правды. Необходимо учитывать разные идеологические подходы руководства противоборствующих сторон к реалиям этой войны. Например, настрой революционно сознательных руководителей Красной армии был в отношении факта Гражданской войны справедливым и неизбежным. Руководство Белого движения естественно воспринимало Гражданскую войну как часть смуты, что не могло не сказываться на их настроениях и противоречило идеологии. При этом важно отметить способность разных групп договариваться между собой, что допускает возможность их примирения для достижения общих целей. Сотрудничество между сторонами конфликта является примером того, как во время масштабной войны могут происходить локальные комбинации представителей противоборствующих сторон. Когда в некоторых регионах страны происходили жестокие кровопролитные столкновения между противоборствующими сторонами, на Юго-Западе России существуют факты их сотрудничества, в первую очередь, против иностранного вмешательства.

Список литературы:

1. Иваненко, И. Сто лет Бендерскому восстанию. Как в разгар Гражданской войны родилась и погибла Бессарабская республика, / И. Иваненко // Украина.ру. – URL: <https://ukraina.ru/history/20190527/1023694846.html> (дата обращения: 15.04.2020).
2. Кирмель, Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918-1922. Контрразведка / Н. С. Кирмель. – М.: Вече, 2013. – 400 с.
3. Оськин, М. В. Проблема резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г. / М. В. Оськин // Вопросы истории. – 2011. – № 8. – С. 144 – 150.
4. Оськин, М. В. Распад и демобилизация румынского фронта зимой 1917-1918 г.: между красными, белыми и интервентами / М. В. Оськин // Русин. – 2018. – № 3 (53). – С. 64-81.
5. Савченко, В. А. Двенадцать войн за Украину / В. А. Савченко. – Харьков: Фолио, 2006. – 415 с.
6. Файтельберг-Бланк, В. Р. Одесса в эпоху войн и революций (1914—1920) / В. Р. Файтельберг-Бланк, В. А. Савченко. – Одесса: Оптимум, 2008. – 336 с.
7. Цыганов, А. С. Забытые уроки истории: роль стран-союзниц в потере Россией территории Бессарабии в 1918 году / А. С. Цыганов // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы III Международной научно-практической конференции / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; под ред. Е. А. Барминой, О. А. Москаленко. – Севастополь: СевГУ, 2018. – С. 348-356.
8. Шорников, П. М. Белые и красные на Днестре: саботаж гражданской войны? / П. М. Шорников // Русин. – 2014. – № 4 (38). – С. 78-98.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020

Tsyganov, A. S., Nelina, L. P., Irhin, A. A. Cooperation Between the Combating Parties During the Civil War in the South-West of Russia

The situation in the South-West of Russia during the Civil War as a whole was similar to the general situation in the country. However, it was characterized by a significantly larger number of parties to the conflict, a quick and repeated change of power in the region and its parts, sometimes becoming quite confusing. The relations of the warring parties in the region should be classified as the least studied in the history of the Civil War. At the same time, numerous facts indicate that in order to achieve their goals at certain stages, there was cooperation between the warring parties.

Keywords: South-West of Russia, Romanian front, Bessarabia, Transdnistria, Rumcherod, Committee "Salvation of Bessarabia", Khotyn uprising, Bender uprising.

УДК 94(497.1)''1941/1945''

В статье исследуются психологические аспекты коллаборационизма четников с немецкими оккупантами на территории Югославии в годы второй мировой войны. Автор показывает, что движение четников отличали глубокие внутренние противоречия, они повлияли и на тактику коллаборационизма. Руководители четников пытались скрывать подлинные масштабы сотрудничества с оккупантами против коммунистических партизан как от рядовых участников движения, так и друг от друга. Как следствие, это порождало атмосферу взаимного недоверия, лжи и лицемерия.

Ключевые слова: Югославия, Вторая мировая война, четники, коллаборационизм, оккупанты.

Ю. В. Шахин, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЧЕТНИЧЕСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Вторая мировая война в Югославии характеризовалась всплеском националистических движений, многие из которых предпочли сотрудничать с оккупантами, захватившими страну в 1941 г. Среди этих движений наиболее противоречивые оценки вызывает проблема коллаборационизма сербских националистов – четников. Хотя существуют многочисленные доказательства подобного сотрудничества, часть общественного мнения Сербии, равно как и сами бывшие четники, свято верит, что они не были коллаборационистами. Наоборот, появляются воспоминания четников и даже научные исследования, которые доказывают, что четники боролись с оккупантами. Кажущееся противоречие в оценках можно объяснить, если исследовать психологический аспект четнического коллаборационизма.

Прежде всего, идеология и практика четнического движения в целом путались в логически непримиримых противоречиях. Это было естественное состояние четников. Историки М. Бешлин и М. Самарджич выделяют свыше десяти пунктов, в которых четники одновременно демонстрировали несовместимые позиции. В частности, прибегая к коллаборационизму, свои цели о будущем Югославии и роли в ней сербского народа вплоть до 1944 г. они связывали с победой англо-американских союзников; активно используя патриотическую риторику, они прибегали к сотрудничеству с оккупантами, т. е. совершали предательство; жестко осуждая других коллаборационистов, одновременно сотрудничали с ними в борьбе против партизан [2, с. 64]. Это порождало как двойственность в самовосприятии четников, так и возможность их взаимоисключающей оценки в историографии.

Перечень противоречий, приводимый Бешлином и Самарджичем велик, но не исчерпан. Мы можем добавить к нему еще одно. При изучении сотрудничества четников с оккупантами обращает на себя внимание скрытность их отношений. Так, все важнейшие документы, фиксирующие попытки вождя четников Д. Михайловича договориться с немецким командованием, имеют исключительно немецкое происхождение. Хотя эти попытки с разным успехом предпринимались осенью 1941 г., осенью 1943 г. и на протяжении 1944 г., практически никаких прямых письменных свидетельств со своей стороны четники не оставили. Объяснялось это просто. По мнению Д. Михайловича и ряда подчиненных ему командиров, сотрудничая с немцами, они роняли свою воинскую честь [9, с. 128; 17, с. 27]. Тем не менее, подобное сотрудничество не только не прервалось, но до весны 1945 г. имело тенденцию к усилению.

Известно, что к сотрудничеству с оккупантами четников подталкивали нарастающие успехи партизанского движения, которое возглавляла компартия Югославии. Четники рассчитывали с помощью оккупантов победить партизан, которых они считали наиболее опасным врагом [2, с. 63-64]. Указания на связь коллаборационизма с успехами партизанского движения носят совершенно однозначный характер. Так, Д. Михайлович в телеграммах, отправленных 5 мая 1944 г., призывает четников в Банате использовать немецкую помощь, а четников Сербии воздерживаться от нападений на немцев: «Пусть все запомнят, что у нас большое число врагов. Мы не можем одновременно [бороться] против всех. Сейчас для нас самый главный враг коммунисты» [6, с. 165, 166]. Аналогичное высказывание он сделал 7 ноября 1943 г.: «...Всё внимание мы должны обратить на уничтожение коммунистов. Поэтому все благоприятные возможности, которые предлагают нам прочие враги, использовать искусно и точно, придерживаясь того, что врагов у нас много, и мы их не можем бить всех разом» [7, с. 146]. Здесь уместно напомнить, что количество врагов у КПЮ было точно таким же, как и у четников. Однако партизаны сделали ставку на активную борьбу против них всех и в этой стратегии даже преуспели. Так что подобная натянутая мотивация коллаборационизма позволяет поставить вопрос о его психологической подоплеке. По-видимому, выбор четников и выбор партизан – это отражение вечной психологической дилеммы: приспосабливать обстоятельства

к себе или себя к обстоятельствам. Оказавшись в сходных условиях партизаны выбрали первый путь, четники – второй. В политических терминах это можно обозначить как выбор между позициями революционера и оппортуниста. Хотя конечно в данном случае надлежит сделать оговорку, что речь идет о выборе не в рамках одной политической идеологии, а о выборе, который сделали две совершенно различные политические силы.

Коллаборационизм с итальянцами у четников особых психологических проблем не вызывал, хотя до югославского эмигрантского правительства сведения об этом они доводить не решались. А вот сближение с немцами, начавшееся в массовом порядке осенью 1943 г., давалось им очень мучительно. Потому источники показывают весьма противоречивую картину поведения или, по крайней мере, заявлений четников. На ней мы и сосредоточимся.

Лишь меньшинство четников испытывало удовлетворение от взаимодействия с немецкими оккупантами. К таким, например, принадлежал поп М. Джуич и его ближайшее окружение в командовании Динарской дивизии. Большинство же время от времени напоминало в своих приказах и инструкциях, что речь идет о врагах. Например, в ноябре 1943 г., как раз тогда, когда командиры четников с ведома Д. Михайловича начали подписывать секретные соглашения о сотрудничестве с немцами, сам же Михайлович предупреждал подчиненных, чтобы те не доверяли немцам, как бы любезны те ни были [7, s. 146]. В феврале 1944 г. четнический командующий Западной Боснии, майор, позднее полковник, С. Вранешевич в специальном приказе пытался ограничить сотрудничество своих подчиненных с немцами. Он призывал подчиненных не выдавать немцам секреты, ограничить их передвижение в местах дислокации отрядов, общаться с ними только через специально назначенных связных [13, s. 156; 14, s. 157]. «Раз и навсегда командованию нужно знать, что немцы и хорваты враги», – поучал С. Вранешевич. А возможных нарушителей его приказаний объявлял предателями [14, s. 157]. 15 мая 1944 г., уже в Сербии, командующий группы корпусов Горной гвардии майор Н. Калабич издал своим войскам инструкцию, где призывал к осторожности в отношениях с немцами, требовал беречь от них тайны, ибо те – враги и продолжают следить за четниками [18, s. 163]. Причины этого беспокойства позволяет понять одна из телеграмм, отправленных Д. Михайловичем в мае 1944 г. Его тогда обеспокоило не то, что немцы вообще получили сведения о четниках, а то что эти сведения говорили о координации действий между четниками и западными союзниками [6, s. 165]. Установленный немцами факт угрожал подорвать их доверие к четникам и сузить рамки коллаборационизма.

И все-таки удержаться от коллаборационизма четники не могли. Несмотря на все предостережения о враждебности немцев и Вранешевич, и Калабич, и Михайлович и другие с конца 1943 г. вели с немцами переговоры и заключали соглашения. Правда, эти соглашения оставались достоянием крайне узкого круга лиц. Даже в своей среде четники стремились не предавать их огласке. По-видимому, они отдавали себе отчет, что совершают нечто неординарное, а потому стремились не выдавать себя. Зачастую это еще больше усугубляло ситуацию, толкая четников на новые подлости. Когда в ноябре 1943 г. у четников успешно налаживалось сотрудничество с немцами, этого не выдержал член английской военной миссии Чарльз Робертсон. Он бежал от четников к партизанам, однако цели достичь не смог. По заданию Д. Михайловича он был ликвидирован [7, s. 146]. В феврале 1944 г. поручик Ёван Пупавец бежал из Динарской дивизии М. Джуича. Сохранился его отчет командованию Западной Боснии, где он объясняет причины своего бегства: за противодействие коллаборационизму М. Джуич приговорил его к смертной казни [5, s. 154-155]. Таким образом, коллаборационизм грозил четникам потерей кадров. Известно, что противники коллаборационизма не только покидали движение четников, но порой и переходили на сторону партизан.

Стремясь сохранить тайну отношений с немцами и в то же время сохранить кадры, командиры четников посвящали в свои соглашения только крайне узкий круг лиц, даже когда доходило до прямого боевого взаимодействия в борьбе четников и оккупантов против партизан. 7 ноября 1943 г., после достижения принципиальной договоренности с немцами, Д. Михайлович не известил своих подчиненных о том, что начинается период совместных боевых действий. Вместо этого он отдал приказ ударять в спину коммунистам, когда те ведут с немцами бои. Подобную тактику Дража Михайлович мотивировал мстостью. Якобы коммунисты поступали аналогичным образом во время боев четников с немцами, и теперь им нужно воздать той же монетой [7, s. 145]. Однако совместные бои с немцами требовали предварительной координации усилий. Поэтому Михайлович должен был отдавать своим войскам команды о передислокации и вступлении в такие бои. У подчиненных могли возникнуть подозрения из-за поразительной осведомленности военного министра Югославии о действиях и планах оккупантов. Поэтому Михайлович в приказах делал вид, что узнал о боевых действиях немцев как бы случайно, и постоянно подчеркивал, что четники непременно должны ударить по партизанам отдельно от немцев, т.е. одновременно, но не вместе.

Но даже таких предосторожностей со временем оказалось мало. Поэтому в марте 1944 г. Д. Михайлович предостерегает сербских четников, готовящихся к совместным операциям с немцами,

болгарами, недичевцами и летичевцами против партизан: «Вы должны следить, чтобы не доходило до более интимного соприкосновения наших сил и тех других, потому что это было бы неуместно. Наши будут активны и без этого. Точно также мы не можем использовать шоссе и транспортные средства» [4, s. 159]. Речь идет о транспорте противника, так как своим автомобильным парком четники не располагали.

Соглашения четнических командиров с немцами преследовали не только цель прямого военного подавления партизан, но и помощь оружием и боеприпасами. Эту сторону взаимодействия Михайлович и посвященные в его маневры командиры тоже старались скрывать. Сам Михайлович пытался представить любую передачу оружия, как инициативу, исходящую только от немцев [6, s. 167]. Аналогичным образом поступал в Боснии уже упоминавшийся Славолуб Вранешевич. В сентябре 1944 г. он давал своим подчиненным инструкции о процедуре получения оружия от немцев. Главным условием этого акта был объявлен его тайный характер [3, s. 171].

Высокая степень секретности, окружавшая коллаборационизм четников и немцев, сбивала с толку самих четников, которые не были посвящены в курс дела. Когда осенью 1943 г. инспектор четнических соединений полковник Еврем Симич и Никола Калабич подписали в Белграде соглашение с немцами, прослышавший об этом майор С. Оцоколич, агент Дражи Михайловича, информировал своего шефа, что это провокационный слух, распускаемый немцами, чтобы подорвать авторитет четников [10, s. 148]. В январе 1944 г. инженер Любомир Лазаревич извещал Д. Михайловича о положении дел в Черногории и явно осуждал сотрудничество местных четников с немцами. 3 февраля того же года Д. Михайлович ответил на это инструкцией, адресованной П. Джуришичу: «Используйте тех командиров, которые сотрудничают с немцами в Черногории, для борьбы против коммунистов» [12, s. 153]. Вместо того чтобы прямо сказать, что эти командиры выполняют его генеральную линию, Михайлович создавал впечатление, будто он здесь ни при чем, и хорошие четники должны воспользоваться помощью плохих. И это как раз в то время, когда сам Джуришич активно сотрудничал с немцами. Аналогично Дража Михайлович вел себя в отношении попа Джуича. 14 января В. Марович и И. Евтич, специальные агенты Д. Михайловича, сообщили о Джуиче, что «его сотрудничество с немцами превзошло всякие границы» и добавили, что он даже союзнических парашютистов передает немцам [11, s. 182]. Но реакция Михайловича на их сообщение была показательна: отношения с Джуичем он не порвал и даже продолжал с ним заигрывать, называя его «старым равногорцем» (т.е. участником четнического движения), а вот сведения о парашютистах его не на шутку взволновали. Он просил выяснить, точно ли Джуич передал парашютистов немцам [8, s. 186], ведь это компрометировало четников в глазах союзников.

Впрочем, в случае с Джуичем положение еще более запутанное. Если Михайлович пытался ввести в заблуждение своих эмиссаров в Динарской дивизии, то Джуич пытался ввести в заблуждение самого Михайловича. Из немецких источников, которые не были известны ни Михайловичу, ни его уполномоченным, следует, что Джуич скрывал истинный размах своей дружбы с немцами. Немецкая разведка, не доверяя Джуичу, вела за ним наблюдение и уже осенью 1943 г. сделала вывод: «Дража Михайлович оказывает постоянное давление, чтобы склонить его на свою сторону. Прослушивание многократно показало, что Джуич отправлял ложные сведения Д. М., чтобы уйти из-под его влияния» [19, s. 243]. Перед немцами Джуич старался создать впечатление, что он приверженец Летича. Таким образом, сотрудничество ряда командиров четнического движения с оккупантами могло происходить без ведома Дражи Михайловича. Проконтролировать, поставить пределы или призвать к дисциплине он мог далеко не всегда.

Как отмечал известный югославский историк, Б. Петранович, у движения четников не было жесткой вертикали управления. Местные командиры, как правило, признавали моральный авторитет Дражи Михайловича, но в своей повседневной деятельности могли и не руководствоваться его приказами. Во всяком случае, безусловно заставить их выполнять свои распоряжения Дража Михайлович и его штаб не могли [15, s. 365, 368, 370]. Поэтому многие четнические командиры прибегали к коллаборационизму на свой страх и риск, и поэтому порой трудно говорить о четниках вообще: часто приходится учитывать региональную специфику поведения четнических отрядов.

Еще один важный момент заключается в том, что сам Дража Михайлович тщательно избегал оставлять следы, которые бы лично его компрометировали и указывали на его связи с немцами. В многочисленных источниках четнического происхождения практически нет прямых свидетельств о его непосредственных контактах с оккупантами. Немецкие документы более откровенны, но и они в некоторых вопросах оставляют пробел, потому что в немецком руководстве сближение с четниками считали мерой вынужденной, и далеко не все его приветствовали. В частности, около 18 августа 1944 г. Михайлович и немецкий представитель Герман Нойбахер достигли соглашения о сотрудничестве, включавшем поставки оружия [16, s. 266-277]. Но уже 22 августа Гитлер отверг план Нойбахера поставить четникам оружие для 50 тыс. чел. [1, с. 125], а четников в немецких документах, предназначенных для внутреннего пользования, обычно называли словом «банды».

Итак, из всего изложенного вытекает вывод, что коллаборационизм с немцами вызывал у

четников чувство стыда и желание замести следы, скрыть истинные масштабы происходящего, а особенно отвести подозрения от высшего руководства движения и в первую очередь от Михайловича лично. Этот стыдливый коллаборационизм части четников давался непросто и по сути воспринимался как вынужденное приспособление к обстоятельствам. При этом скрытый характер сотрудничества с оккупантами вносил сумятицу в ряды самих четников, порождая атмосферу взаимного обмана и лицемерия.

Список литературы

1. Јовановић, Ж. Изгубљена битка за Србију. Последњи неуспели покушај Драже Михайловича да уништи НОБЈ у Србији 1944. године // Настава историје. – 1999. - №9. – С.122-135.
2. Bešlin, M., Samardžić, M. Postfaktualna istorija: savremeni revizionistički izazovi istoriografskoj metodologiji u Srbiji // Методолошки изазови историјске науке: тематски зборник међународног значаја. – Косовска Митровица: Филозофски факултет универзитета у Приштини, 2018. – С.57-76.
3. Četnici u Bosni traže municiju od Nemaca // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.171-172.
4. Draža Mihailović traži snažniji napad Nemaca i Bugara // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.159.
5. Izveštaj o saradnji četnika i Nemaca u Dalmaciji // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.153-155.
6. Izvod iz knjige poslatih depeša Draže Mihailovića u maju 1944. // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.164-167.
7. Izvod iz knjige poslatih depeša Draže Mihailovića u novembru i decembru 1943. // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.145-147.
8. Izvod iz knjige poslatih depeša Draže Mihailovića u 1945. // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.183-187.
9. Izvod iz knjige primljenih depeša Draže Mihailovića od 16-22 marta 1943. // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.125-132.
10. Izvod iz knjige primljenih depeša Draže Mihailovića u decembru 1943. // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.148-149.
11. Izvod iz knjige primljenih depeša Draže Mihailovića u januaru 1945. // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.181-182.
12. Izvod iz knjige primljenih i poslatih depeša Draže Mihailovića u januaru i februaru 1944. // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.151-153.
13. Naredba pov. br. 36 komandanta Zapadne Bosne // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.156.
14. Naredba pov. br. 37 komandanta Zapadne Bosne // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.157-158.
15. Petranović, B. Srbija u drugom svetskom ratu. – Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar, 1992. – 792 s.
16. Savetovanje u komandi Jugoistoka o prihvatanju hitnih ponuda Draže Mihailovića o saradnji // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.266-277.
17. Uputstvo Draže Mihailovića o mobilizaciji i odnosu prema okupatorima // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.27.
18. Uputstvo Nikole Kalabića za odnose sa Nemcima // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.163-164.
19. Vojvode Đujić, Drenović, i Rokvić izvršavaju naređenja nemačkih komandi // Saradnja četnika Draže Mihailovića sa okupatorima i ustašama. – Beograd: Društvo za istinu o NOR-u, 1999. – S.242-243.

Статья поступила в редакцию 24.02.2020

Shakhin Y.V. Psychological Aspects of Chetninks' Collaboration

The article examines the psychological aspects of Chetninks' collaboration with German invaders in Yugoslavia during the Second World War. The author demonstrates that the movement of the Chetninks was distinguished by deep internal contradictions, and they influenced the tactics of collaborationism. The leaders of the Chetninks tried to hide the true extent of cooperation with the invaders against the communist partisans both from ordinary participants of the movement and from each other. As a result, this created an atmosphere of mutual distrust, lies and hypocrisy.

Keywords: Yugoslavia, World War II, Chetninks, collaboration, invaders.

УДК 94(47)''1942/1945'':303.643.3(044.2)

На основе уникальных документов из семейного архива семьи Семенихиных описывается жизнь в Севастополе в годы Великой Отечественной войны в условиях оккупации 1942-1944 гг.. Документы из семенного архива участников событий дополняют подлинную картину жизни и быта севастопольцев в 1942-1944 гг. Поздравительный лист, удостоверение работника, справки о сдаче молока характеристика, награды и другие документы не только заслуживают внимания специалистов, но и являются документальными источниками, служат ярким напоминанием о сложной судьбе города и его жителей в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Ключевые слова: архив, семейный архив, семейная история, история Севастополя, Великая отечественная война.

Т. В. Вакулова, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

Н. В. Семенихина, бакалавр

Севастопольский государственный университет

E-mail: oldyard@mail.ru

ЖИЗНЬ В СЕВАСТОПОЛЕ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ 1942-1944 ГГ. В ДОКУМЕНТАХ ИЗ АРХИВА СЕМЬИ СЕМЕНИХИНЫХ

Актуальность исследования связана с необходимостью сохранения исторической памяти и правдивой информации о событиях Великой Отечественной войны. Использование сохранившихся документов хранящихся в семейных и личных архивах создаёт условия не только для изучения, но и понимания фронтовой жизни и жизни в тылу, на оккупированных территориях, раскрывают историю взаимоотношений фронтовиков и тех, кто вершил победу далеко в тылу. С помощью такого рода документов можно проверить уже существующие архивные материалы, определить степень достоверности собранного материала в архивах.

Типология современных архивов не включает в себя понятие «семейный архив». На основе закона «Об архивном деле в РФ» выделяют следующие виды архивов: государственные, ведомственные, муниципальные, личные архивы. При этом семейные архивы всегда являлись важным историческим источником, важной составляющей в сохранении исторической памяти, так как уникальные документы, хранящиеся в семейных архивах содержат не только семейную историю, в них содержится личная история жизни людей, и отражается региональная история. Под личными архивами понимают архив, принадлежащий отдельному человеку, который содержит его собственные документы, фото, другие информационные ресурсы [12].

Материалы семейного или личного архива можно условно разделить на три группы исторических источников: 1. Изобразительные источники (фотографии, негативы, слайды, фотоальбомы, рисунки, картины). 2. Документальные источники, к которым относят: а) биографические документы (метрические документы, документы об образовании, паспорт, удостоверения, трудовая книжка, характеристики, документы о наградах и поощрениях, документы об общественной деятельности, записные книжки; б) дневники и воспоминания; в) материалы служебной и общественной деятельности (тексты и черновики докладов, выступлений, статей, планы, проекты, служебная переписка, программы мероприятий; г) переписка (письма, открытки – от родных и друзей, ответы из учреждений и организаций). 3. Вещественные источники (личные вещи членов рода, награды, реликвии, сувениры, предметы самодельного творчества).

В семейных или в личных архивах могут храниться разнообразные источники: неопубликованные воспоминания, дневники, переписка, биографические документы, фотографии. Неопубликованные воспоминания так же могут являться очень важным источником. При этом семейные архивы часто разнообразны по своему составу и содержанию, потому что складываются стихийно и не системно. Вновь открывающиеся семейные документы дополняют уже имеющиеся исторические материалы, а систематизация материалов семейных архивов и включение их в музейные экспозиции делает доступными эти исторические источники широкому кругу людей, их можно использовать и в научных исследованиях. Публикация семейного архива формирует

возможность сохранения и передачи молодому поколению необходимой информации для преемственности семейных и культурных традиций, что, в свою очередь, способствует воспитанию патриотизма и любви к своей стране. Сегодня работа с семейными архивами ведется в разных формах: музеи и библиотеки устраивают выставки, проводят акции по сбору материалов, конкурсы на создание семейных историй. Работа с семейными архивами стала одним из направлений в исторической науке, вокруг неё развиваются разные формы деятельности.

Сохранившиеся семейные архивы отражают жизнь и быт населения города в годы Великой Отечественной войны, рисуют картину повседневной жизни севастопольцев, которые трудились, болели, лечились, женились, рожали детей, учились в школах, покупали и продавали товары в условиях фашистской оккупации.

За время Великой Отечественной войны Севастополь был полностью уничтожен, разрушения составили 94% зданий [11, с.3], население сократилось более чем на 100 тыс. человек. Любой документ военной поры, выданный в нашем городе, сегодня является уникальным. Семья Семенихиных всю войну прожила в Севастополе и сохранила ряд документов того периода. Цель данной работы – проанализировать семейный архив и сопоставить данные из него с историей нашего города периода немецко-фашистской оккупации.

К 3 июля 1942 года защитники Севастополя были вытеснены гитлеровцами на юго-западное побережье, там приняли последний бой около 80-ти тысяч бойцов [2, с. 250]. Десятки тысяч из них оказались в плену. С этого дня к центру города немцы стали гнать колонны военнопленных, большую часть из них направляли в степной Крым, остальных размещали в лагерях в черте города. Начались расстрелы защитников и мирных граждан. Из довоенного населения в городе к началу оккупации оставалось от 30 до 45 тысяч жителей [14, с. 31].

В районе вокзала города первых немецких солдат жители увидели 1 июля 1942 года в 12 часов 30 минут [7, с. 6-7]. Гитлеровцы бесцеремонно заходили в дома с требованием выдачи русских солдат. В этот же день люди увидели объявления, с приказом всем, находящимся в городе, явиться 2 июля на площадь III Интернационала (сейчас пл. Нахимова). За неявку – расстрел. С этого дня в городе устанавливался «новый порядок», жителям города было запрещено менять место жительства, вводился комендантский час, запрещалась любая помощь солдатам Красной Армии. Власть в оккупированном городе поделили между собой служба безопасности, жандармерия и Ортскомендатура (местная военная комендатура) [5, с. 7].

Семья Анастасии Ивановны Семенихиной жила в то время в частном домике у Исторического бульвара, тогда это была окраина города. Во время обороны ее муж инженер-энергетик Семенихин Михаил Андреевич работал на электростанции (ГРЭС 2) и по брони не подлежал призыву [Приложение А], сама Анастасия трудилась на хлебозаводе, вместе с ними жила дочь Оля и старенькая мама. Сохранилась справка с места работы

Уже после освобождения Севастополя от гитлеровцев в 1944 году Анастасия Ивановна получила неожиданное письмо от человека, которого вся семья считала погибшим в последние дни обороны. Это письмо заставило вспомнить страшные дни июля 1942 года, когда через центр Севастополя оккупанты гнали бесконечные колонны наших защитников, плененных на западном побережье города. Автор письма – Фомищенко Николай Иванович во время обороны был начальником ветеринарной службы Приморской армии, расквартированной рядом с Историческим бульваром, и другом семьи Семенихиных. Вот, что пишет Николай Иванович: – «... Как было больно, проходя мимо вашей усадьбы в последний раз... думалось о том, то больше не повториться, что больше не увидишь того, что дорого... Душа, конечно, рыдала. Это было 5 июля 1942 года. Вот дата того печального огорчения и боли... все было безнадежно...» [Приложение Д].

Сохранилось письмо.

Из более поздних писем станет ясно, что Николай Иванович бежал из немецкого плена и воюет в восточной Европе, а тогда в июле он стал одним из десятков тысяч человек, которых немцы гнали в лагеря степного Крыма. Судьба врача Фомищенко долгое время оставалась неизвестной, по спискам он числился как пропавший без вести.

Некоторым бойцам удавалось бежать из лагерей, им нужно было где-то укрыться, переодеться в гражданскую одежду, тогда можно было попытаться пробиться в горы к партизанам. Дом Семенихиных и стал одним из таких перевалочных пунктов. Ночью бежавшие по одиночке пленные передевались в сарае, в ход шла любая одежда мужа или брата-фронтовика, робу или военную форму под утро сжигали. Уже после войны, семья передала в музей деревянные башмаки-колодки военнопленного [5, с. 13].

В 1961 году в издательстве города Симферополя вышла книга Евгении Мельник «Дорога к

подполью». Автор этой книги воспоминаний Евгения Петровна Мельник была женой севастопольского артиллериста Бориса Мельника, служившего на береговой батарее № 35, располагавшейся у Херсонесского мыса. Все месяцы героической обороны Севастополя Е. П. Мельник провела на 35-й батарее, вместе с последними защитниками города пережила трагедию тех дней. Позже, в оккупированном немецко-фашистскими войсками Симферополе, Е. Мельник удалось связаться с советскими подпольщиками, руководимыми И. А. Козловым, и она стала участвовать в подпольной работе.

В этой книге есть упоминание о семье Семенихиных, точнее о маме Анастасии Ивановны Зинаиде Филипповне Ломоносовой и о её старшем сыне Алексее Ломоносове. В своей книге Евгения Мельник описывает момент, когда в первые дни после оккупации города она с маленьким сыном пыталась найти в городских развалинах своих родителей и ей это удалось. «... — Сейчас я Вас накормлю, мои бедные, — и мама начала возиться возле допотопной сложенной из камней печки. Быстро был готов роскошный обед: яичница из одного яйца и два тоненьких кусочка ветчины. Мы с Женей ели с удовольствием, хотя я все еще ощущала не голод, а жажду. Вдруг на доске, положенной на камни и заменявшей стол, появился чай с молоком. Чай с молоком! Сон сбился наяву, но как сбился! Только и того, что мы выбрались из могилы, нашли родных живыми, да этот чай. И, наслаждаясь им, я выпила чашку, мама налила мне вторую.

— Где ты взяла молоко?

— Два яйца, пол-литра молока и немного сухарей дала папе мать его ученика — помнишь, Ломоносова? У нее каким-то чудом уцелела корова, и домик ее уцелел, она живет недалеко отсюда. Я отлично помнила Алешу Ломоносова. Одно время он бросил учиться. К папе пришла мать Алеши и очень просила заниматься с ним математикой.

— Может быть, вам удастся, Петр Яковлевич, — говорила она, — повлиять на Алешу, заставить его учиться, а то мальчишка отбилась от рук...

И вот Алеша стал приходить к нам. Я помню, как папа его убеждал учиться. Вначале Алеша держался дикарем, но постепенно увлекся математикой, понял, что ему действительно нужно учиться, подготовился к вступительным экзаменам и сдал их блестяще в Ленинградском арктическом институте. Перед войной он так же блестяще закончил институт, приехал в отпуск в Севастополь и явился к папе, которого глубоко полюбил. Это был уже не бука, не дикарь, а цветущий парень, веселый, образованный, энергичный. Папа радовался, глядя на него. Мать Алеши каждый раз говорила при встрече: «Это вы, Петр Яковлевич, так на него повлияли, вы сделали его человеком» [10].

Вышло так, что Алексей Иванович Ломоносов родной брат Анастасии Ивановны, тот самый Алеша из книги, в этот момент воевал под Новгородом и был награжден орденом «Красное Знамя» [13]. Только родные узнали об этом уже после освобождения Севастополя.

В начале августа вышло постановление «О регистрации скота и транспортных средств», после учета которых, хозяева лишались права ими распоряжаться, скот чаще всего изымали [6, с. 10-11]. С мирных времен в хозяйстве семьи было две коровы, немцы позволили оставить одну, это подтверждается ветеринарной справкой, которая сохранилась в семейном архиве [Приложение Б], но большую часть молока нужно было отдать на нужды оккупантов. В это время Анастасия работала санитаркой в городской больнице (сейчас школа №14), часть молока ей удавалось проносить в палаты, ночью тайком она поила наших раненых.

Осенью 1942 года в семью Семенихиных пришла беда. Оля вместе с двоюродной сестрой 6-ти летней Валею отправилась на Исторический бульвар пасти корову. Маленькая Валя увидела усы немецкой мины, торчащие из земли, из озорства она решила бросить в мину камень. Весь удар стальных шариков, которыми была начинена мина, приняла на себя Оля, невольно закрывшая собой и сестру, и корову. До дома девочку донесли прибежавшие на звук взрыва люди, через сутки она скончалась от ран. От горя Анастасия чуть не потеряла рассудок. Получать справку о смерти и разрешение на похороны в городскую управу отправилась бабушка Зинаида Филипповна. В архиве семьи сохранилось свидетельство о смерти, выданное городской управой [Приложение В]. Из-за утраты дочери у Анастасии начались проблемы со здоровьем, давал знать о себе порок сердца. Но, вместе с со своей матерью Ломоносовой Зинаидой Филипповной она продолжала помогать нашим раненым. По ночам у них получалось передать продукты и молоко даже в тюрьму, которая находилась на площади Восставших, о чем свидетельствует характеристика, выданная Семенихиной А. И. уже после нашей Победы [Приложение Г]. В 1942 Анастасии – 34 года, а единственная дочь погибла, но рядом супруг и мама. Она принимает решение попытаться родить ребенка. Уже будучи в положении, Анастасия продолжала работать в больнице. Сохранилась справка, выданная городским

врачом о временной потере трудоспособности [Приложение Д], эта же справка выдавалась для получения хлебной карточки. Михаила Андреевича немцы направили на прежнее место работы электриком, его зарплата (около 250 рублей) считалась средней по городу. С 14 апреля 1943 года была разрешена свободная торговля. Жителям нужно было оформить патент и ежедневно платить взнос до 5 рублей. Свежий хлеба стал стоить 180 руб., килограмм сала – около 1 тысячи [8]. На рынок, находившийся на ул. Гоголя ходила менять вещи на продукты и Зинаида Филипповна. 28 июля 1943 года в семье Семенихиных родился сын, которого назвали Владимир.

Сложная ситуация наступила для жителей города в 1944 году. Красная Армия возвращала свои территории, бои шли в Крыму, освобождение было близко. В этот период зверства гитлеровцев усилились. Если за 1942-43 годы из города угнали на работы около 30 тысяч человек, то только в апреле – мае 1944 года было угнано более 9 тысяч [8] мирных жителей. Анастасии Ивановне чудом повезло не попасть под немецкие облавы. С маленьким сыном она пряталась в пещерах под Историческим бульваром.

Эти пещеры были ей хорошо знакомы т.к. Анастасия Ивановна работала на Историческом бульваре и стала свидетелем и участником спасения фрагментов полотна знаменитой картины кисти Фраца Рубо.

Старый довоенный адрес семьи Семенихиных – ул. 4-я Бастионная, дом №29. Сегодня по этому адресу расположена ветеринарная клиника, недалеко от нее на месте стадиона и стоял когда-то дом. Совсем рядом Исторический бульвар и знаменитое здание Панорамы «Обороны Севастополя 1854-1855 гг.». Во время войны недалеко от старых оборонительных сооружений 4-го бастиона были расположены позиции зенитной артиллерии. Территорию бульвара охраняла 1-я рота Войск воздушного наблюдения, оповещения и связи, личный состав роты разместили в маленьком помещении на склоне бульвара, ближе к площади Ушакова (тогда пл. Коммуны). На склоне, обращенном к Южной бухте, рядом с беседкой «Грибок» находилась позиция 357-й малокалиберной зенитной батареи, она прикрывала здание Панорамы и корабли, стоящие в бухте, от налетов немецкой авиации [4]. Рядом с памятником Э. И. Тотлебину тогда находился штаб Военно-воздушных сил Черноморского флота, штаб и командный пункт противовоздушной обороны. В подземных галереях под Историческим бульваром, сохранившихся еще с времен Крымской войны, работали курсы средних (младших) командиров береговой обороны [3].

Панорама продолжала работать и в период обороны Севастополя. Жители и военные приходили в музей как в мирное время, они в тишине слушали рассказ экскурсовода о событиях, которым минуло уже девяносто лет. Бойцы восхищались подвигами давних защитников Севастополя, хотя практически все эти подвиги они уже успели повторить сами в боях на подступах к городу, на высотах Балаклавы и Мекензиевых горах. Старая картина вдохновляла, в музей шли как на праздник, имена героев даже дети знали наизусть. Полотно панорамы уникально, второго такого по масштабам в мире не существует, а Исторический бульвар немцы бомбили регулярно, о том, что там находится мировой шедевр им было прекрасно известно. Руководство города хотело эвакуировать полотно еще в начале войны, но размеры его огромны, картина требовала специальных условий хранения. Цитата из воспоминаний Б. Борисова – секретаря горкома Севастополя: - «Военное командование и руководство города всеми силами стремились сохранить гордость Севастополя – славную панораму, которую из-за ветхости невозможно было эвакуировать». За 37 лет со дня открытия панорамы холст её пришел в такое состояние, что снять его, и упаковать без серьезных повреждений, было невозможно» [1, с. 327-329]. Военные объекты и позиции зенитчиков сознательно были размещены в отдалении от здания Панорамы, дорогой для каждого жителя памятник таким образом пытались уберечь от прицельного попадания немецких бомб. 22 июня 1942 года вражеская бомба все же попала в Панораму. Был разрушен стеклянный купол, сильные повреждения получила север-восточная часть здания, большие повреждения были и у полотна [1, с. 76]. Часть картины обгорела и свисала к предметному плану. Но основные разрушения здание панорамы и само полотно получили 25 июня. Около 18 часов пять немецких «Юнкерсов» скинули бомбы на здание, начался пожар. Спасением полотна занимались тогда курсанты – слушатели курсов средних командиров, помогали в спасении картины и местные жители. Анастасия Ивановна работала в женской бригаде, организованной в сохранившихся ходах подземно-минной войны. Их бригада занималась пошивкой обмундирования для курсантов, также женщины помогали раненым бойцам, готовили еду. По воспоминаниям самой Анастасии Ивановны пожар очень быстро распространился на все здание, полотно горело в нескольких местах, на спасение бросились молодые курсанты. Ими руководили военком курсов А. К. Карявин и командир курсов А. П. Ломан. Когда бойцы оторвали кусок горевшей картины, то увидели, что за ней пылают деревянные балки каркаса полотна, вместе с фугасными бомбами, гитлеровцы скинули на здание и

зажигательные. Именно они и вызвали такой сильный пожар. Женщины передавали ведра с водой. Сдранные со стен фрагменты относили на аллеи бульвара и в ров перед 4-м Бастионом. По воспоминаниям очевидцев герои первой обороны смотрели на героев второй, курсанты были обгоревшие, одежда порвана. Анастасия Ивановна мазала им руки топленным жиром и, словно повторяя, один из эпизодов картины, с ведром в руке, словно Даша Севастопольская, обносила водой обожженных людей девушка военфельдшер. Подвиг курсантов и жителей города описан в официальном документе «Акт о спасении художественного полотна «Панорама обороны Севастополя 1854-1855 гг.»: «При пожаре здания «Севастопольская панорама 1854-1855 гг.», возникшего в 19 часов 12 минут 25 июня 1942 года от прямого попадания вражеского снаряда в вышку здания... Группа курсантов курсов средних командиров Береговой обороны... при участии пожарной команды города, спасла большую часть картины «Панорама Севастопольской обороны 1854-1855 гг.», и ряд других картин (масло и акварель), в том числе и портрет Рубо. Пожарная команда города тем временем спасла здание и мебель... При проверке кусков спасенного полотна оказалось: картина спасена примерно на 85%, состоит из ряда кусков, многие из которых с рваными краями (полотно рубили топорами), причем на кусках различной величины имеются порывы от предыдущих авиабомбежек и артогня...» [9, с. 162 - 163]. Ширина полотна 14 м., отдельные куски имели длину по 16-18 м. при общей длине панорамы – 115 м. Для завертывания холста было выделено двести одеял, всего было сделано 36 рулонов, вес которых был так велик, что их с трудом грузили на грузовики 12-15 человек. Далее фрагменты спасенного полотна погрузили на лидер эсминцев «Ташкент», который под жесточайшим огнем сумел пробиться из Севастополя на Кавказ.

Уже после войны Анастасия Ивановна Семенихина получила справку, подтверждавшую ее работу в женской бригаде в составе школы младших лейтенантов (средних командиров). Подписал эту справку в 1946 году старшина Сухомлинов [Приложение Е], служивший во время обороны города на Историческом бульваре. Петр Сергеевич Сухомлинов в 1945 году был награжден орденом «Красная звезда». В наградном листе описан подвиг старшины: «... на здание «Панорамы севастопольской обороны 1854 г.» попала зажигательная бомба, загорелась крыша здания, что угрожало опасностью уничтожения картин. Высланная группа 12 человек курсантов от Курсов мл. лейтенантов БО ЧФ, во главе со старшиной Сухомлиновым Петром Сергеевичем, сняла картину, чем была спасена историческая картина...» [13]. Подписал наградной лист Военный комендант Севастополя полковник Старушкин. 9 мая 1944 года над центром Севастополя было поднято красное знамя. На момент освобождения из довоенного населения в городе оставалось всего около 3-х тысяч человек [11, с. 25.], в их числе были и члены семьи Семенихиных. В 1946 году Анастасия Ивановна и Михаил Андреевич Семенихины за самоотверженную работу в период обороны Севастополя и за помощь, оказанную нашим раненым и военнопленным в годы оккупации, получили медали «За оборону Севастополя» [Приложение Е]. Эти награды и документы до сих пор хранятся в семье Семенихиных и остаются ярким напоминанием о сложной судьбе города и его жителей. Семья Семенихиных считает своим долгом делиться данными из своего архива. Часть материалов была передана старшим поколением в Музей севастопольского подполья, а электронные копии сегодня хранятся в фондах ММК «35 Береговая Батарея».

Сохранившиеся документы из семейных архивов могут подтвердить или опровергнуть существующую информацию о войне. События и явления, запечатленные в документах и письмах, являются существенной информацией для понимания истории, поэтому важным является исторический контекст, в который помещаются эти документы. При этом сегодня такие документы не часто используют в исторических исследованиях, они чаще встречаются в публицистике, и дают яркий пример мужества и стойкости советского человека на войне.

Документы из семейного архива семьи Семенихиных, показывают жизнь в Севастополе в годы оккупации 1942-1944 годах и имеют значение для изучения жизни севастопольцев в годы войны. Документы семейного архива позволяют составить представление о бытовых моментах, о моральном и психологическом состоянии людей. В них прослеживается живая история повседневности того времени, доброе отношение к солдатам и мирным жителям. Через это отношение демонстрируется и отношение к Родине, так как для людей самое важное и ценное, то за что если они и их близкие будут живы и здоровы, будет жива и Родина.

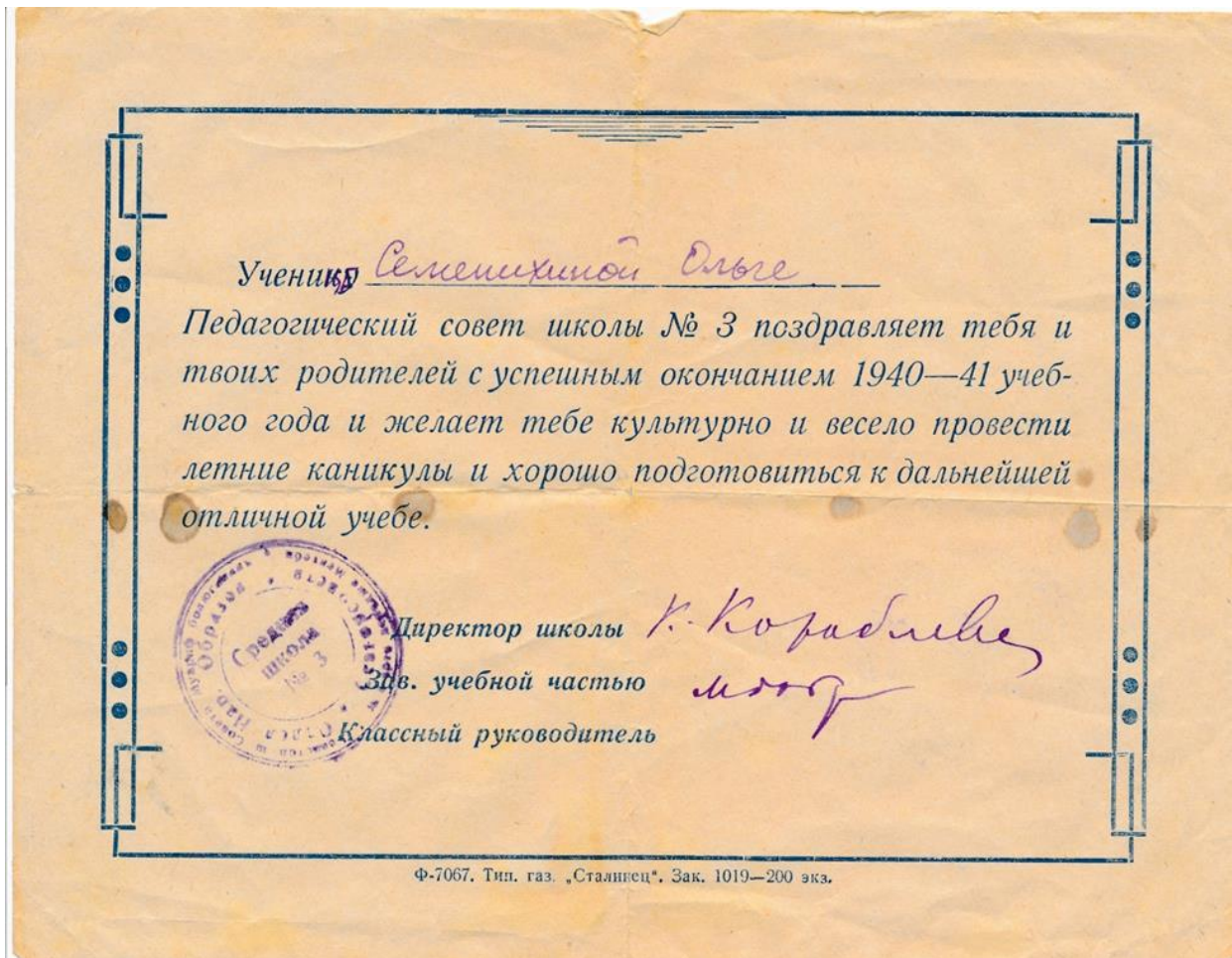
Список литературы

1. Борисов, Б. А. Подвиг Севастополя / Б. А. Борисов. – Симферополь : Таврия, 1977. – 400 с.
2. Ванеев, Г. И. Севастополь 1941-1942: Хроника героической обороны (в 2-х книгах). Книга 1 / Г. И. Ваникеев. – К.: Украина, 1995. – 254 с.

3. Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя. Сборник архивных документов. Севастополь. 1941-1945 гг.: сайт. – URL: <http://sevarchiv.ru/istoricheskijj-bulvar-podokumentam-arkhiva-goroda-sevastopolya/> (дата обращения 2.02.2019 г.)
4. Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя. / Официальный сайт. URL: <http://sevmuseum.ru/news/2017/10/12/> (дата обращения 2.02.2019 г.)
5. Задорожная, Н. Ф. Дом-музей севастопольских подпольщиков, 1942 - 1944 гг.: Путеводитель / Н. Ф. Задорожная. Музей героической обороны и освобождения Севастополя. – Севастополь : ЧП Борисов, 2007. – 92 с.
6. Задорожная, Н. Ф. Севастополь в период немецко-фашистской оккупации / Н. Ф. Задорожная // Севастопольские известия. – 2018 г. – 18 августа. – С. 10 -11 : сайт. – URL: https://sevvzakon.ru/view/pressa/gazeta/avgust_2018/n_32_1982-_subbota/ (дата обращения 4.03.2019)
7. Задорожная, Н. Ф. Севастополь в период немецко-фашистской оккупации / Н. Ф. Задорожная // Севастопольские известия. – 2018 г. – 28 июля. – С. 6-7 : сайт. – URL: https://sevvzakon.ru/assets/files/sevastopolskie_izvestiya/n29_28_07_2018.pdf (дата обращения 4.03.2019)
8. Иванов, В. Б. Севастопольская эпопея 1941-1944 гг. в официальных документах: сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации / В. Б. Иванов. – Севастополь : Библикс, 2004. – 319 с. : сайт. – URL: <http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=46> (дата обращения 05.04.2019 г.)
9. Крым в период Великой Отечественной войны, 1941-1945 : сборник документов и материалов / [сост. И. П. Кондранов, А. А. Степанова]. – Симферополь : Таврия, 1973. – 487 с.
10. Мельник, Е. П. Дорога к подполью / Е.П. Мельник. – Крымиздат, 1961. – 75 с. : сайт. – URL: https://royallib.com/read/melnik_evgeniya/doroga_k_podpolyu.html#389120 (дата обращения 05.04.2019 г.)
11. Моторин, Д. К. Возрожденный Севастополь : Очерки о восстановлении города, 1944-1953 гг. / Д. К. Моторин ; Отв. ред. Н. К. Проскуряков. – Москва : Наука, 1984. – 271 с.
12. Об архивном деле в Российской Федерации: федеральный закон : [принят 22 октября 2004 г. № 125 - ФЗ] // сайт URL: <http://archives.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (дата обращения: 09.07.2020)
13. Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / Электронный банк документов: сайт. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=2177440&tab=navDetailManAward> (дата обращения 13.04.2019)
14. Севастополь. 75 лет начала обороны, 1941-1942 гг. : материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» / Музейный историко-мемориальный комплекс героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» (Севастополь) ; под редакцией В. И. Володина, Е. В. Ерошевич, С. В. Рузаева. – Севастополь : Телескоп, 2017. – 154 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Поздравительный лист, выданный Семенихиной Ольге летом 1941 года в связи с окончанием учебного года.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Удостоверение работник ГРЭС-2 Семенихина Михаила Андреевича с отметкой об отсрочке призыва по мобилизации.

Приложение № 24
Действительно при наличии военного билета

Удостоверение № 5

Семенихин
фамилия

Михаил Андреевич
имя, отчество

Демурный инженер
работающий по должности или специальности

ГРЭС-2 им. Красина
наименование предприятия или учреждения и адрес его

Севастополь, Северная сторона

Год рождения 1904 Запас 1 разряд

Категории

Состав средний технический Военно-учетная специальность № 1445-16

Звание Воеутехник 1-го ранга

Пользуется отсрочкой призыва по мобилизации на основании постановления СНК СССР Центральной комиссии об отсрочках от 27 февраля 1942 года за № 26 пункт 3 раздел II таблицы на срок 31 декабря 1942 года

С.В. Зор военный комиссар
наименование военкомата

Начальник 1 части

1942 г.

Действительно по 31 декабря 1942 года

М. И. Демурный
СевГРЭС
ГРЭС-2
им. Красина
подпись руководителя предприятия

Миховский

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Справки о сдаче молока, выданные весной 1942-го года Семенихиной Анастасии Ивановне.

НКПП-Крым АССР
КРЫМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
Промышленный Молочный
Трест
„КРЫММОЛОКО“
Севастопольская бытовая
маслобаза
Крым АССР АСХЗ
Крым. Деят. Сп. Севаст. Трест
Севастополь. Нп. Сп. База

СПРАВКА
Дана гр. Семенихиной.....
в том, что с 12/12..... 1942 года
сдано Государству 52...литр
молока и взамен получено
26...кг. кормов.

12. Август 1942 г.
№
г. Севастополь

1745-41

НКПП-Крым АССР
КРЫМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
Промышленный Молочный
Трест
„КРЫММОЛОКО“
Севастопольская бытовая
маслобаза
Крым АССР АСХЗ
Крым. Деят. Сп. Севаст. Трест
„КРЫММОЛОКО“
Севастополь. Нп. Сп. База

СПРАВКА
Дана гр. Семенихиной.....
в том, что с 12/12 - 11/11..... 1942 г.
сдано Государству 26 3/4...литр
молока и взамен получено
50 1/2...кг. кормов.

15. Август 1942 г.
№
г. Севастополь

НКПП-Крым АССР
КРЫМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
Промышленный Молочный
Трест
„КРЫММОЛОКО“
Севастопольская бытовая
маслобаза
Крым АССР АСХЗ
Крым. Деят. Сп. Севаст. Трест
„КРЫММОЛОКО“
Севастополь. Нп. Сп. База

СПРАВКА
Дана гр. Семенихиной..... в том, что с 12го 12/12 1942 г. сдано Государству 48 3/4...литров молока и
взамен получено 97 1/2...кг. кормов.

19. Август 1942 г.
№
г. Севастополь

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Характеристика

Копия

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

Во время обороны г.Севостополя находящиеся в осаде с октября 1941г. по 1-е июля 1942г., т.е. по день отхода нашей армии, домохозяйки: Семенихина А.И. и Ломоносова З.Ф. оказали огромную помощь героической Кр.Армии и Флоту – они систематически изо дня в день доставляли молоко от собственных двух коров в лазареты города и даже возили молоко раненым бойцам в инкерманский лазарет, не взирая на непрерывную бомбардировку с воздуха и артиллерийскую канонаду оголтелых немецких извергов.

При чем молоко доставлялось исключительно по их инициативе за что командующий Приморской армии генерал-майор Петров устно благодарил их.

После занятия г.Севостополя немецкими извергами многие сотни тяжело раненных попавших в плен бойцов с открытыми ранами, без всякой медпомощи и питания, в невыразимо тяжелых условиях, были помещены в тюрьму. Но и этим обреченным нашим измученным героям приходили на помощь гр-ки Семенихина и Ломоносова. Они рискуя быть пристрелянными жандармами, с бидонами молока пробирались в тюрьму, чему содействовала пленная переводчица и поили молоком наших славных защитников в родины, этим самым многих спасли от смерти.

Впоследствии на протяжении почти двух лет, эти две неутомимые женщины в тяжелых условиях доставляли молоко тяжело раненым пленным нашим красноармейцам, обгоревшим летчикам и танкистам, в городскую гражданскую больницу, куда их помещали немцы для первой фазы лечения.

За последние два месяца ими было доставлено в больницу свыше 600 литров молока от коров, которых они всячески прятали от немцев, то в комнате дома, то в пещерах.

Молоко принимали хирург т.Липкин и операц.сестры. Жандармы неоднократно разыскивали коров, но все же коровы были сохранены на благо отечества.

Русский народ непобедим и он сумеет отомстить немцам шакалам за их зверства над советскими женщинами и детьми.

Русский народ умеет ценить своих испытанных патриотов

1. Депутат Горсовета 62 уч.округа (подпись) Волошина

1. Защитник г.Севостополя, чл.ВКП(б) №6483350 сержант (подпись) Мерзлый

Подписи Волошиной и Мерзлого Удостоверяю:

Зам. Председателя Исполкома (подпись)

Пред. Горсовета

26/III-46 Верина
Аман

секретарь

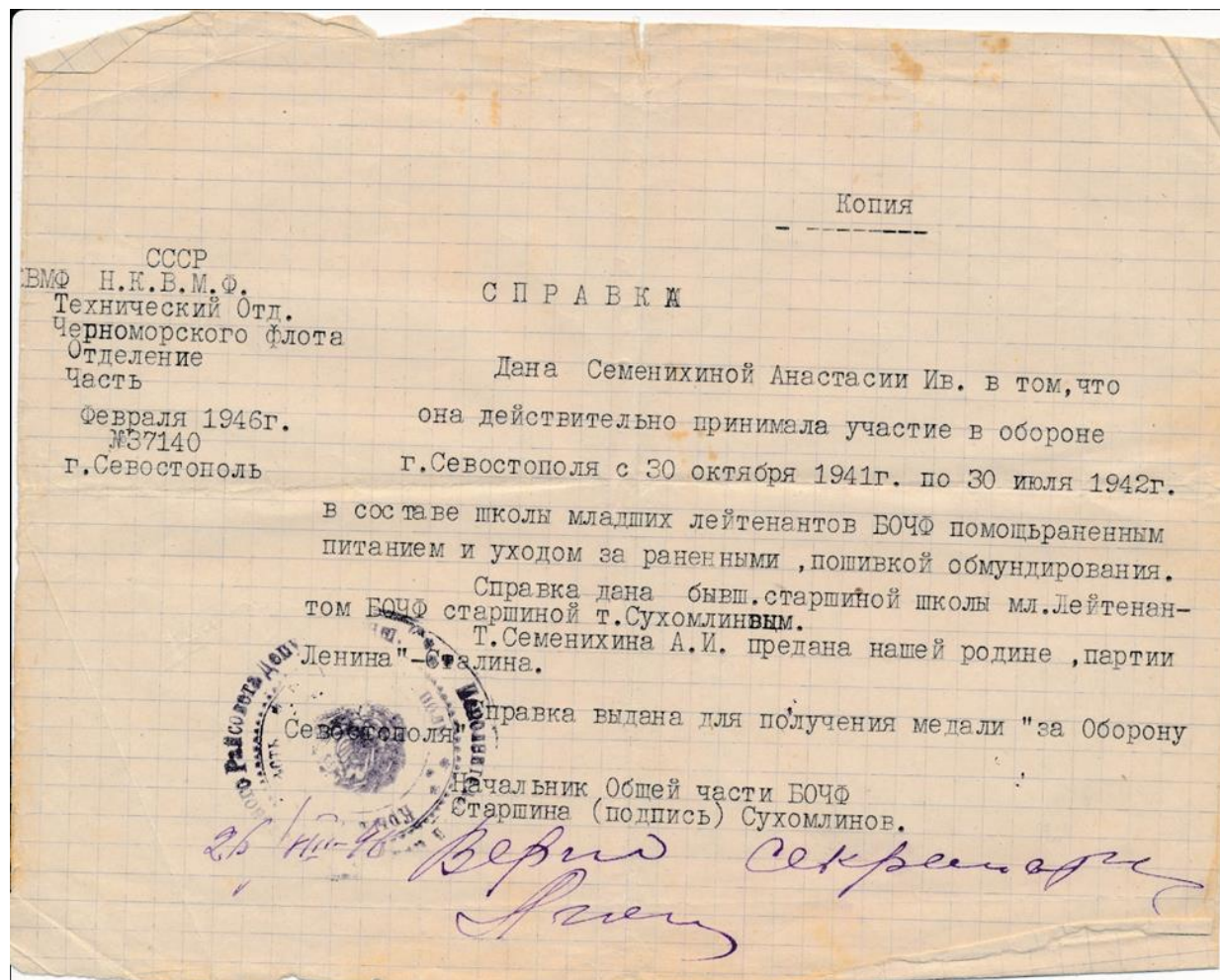
ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Фрагмент письма ветеринарного врача Н. И. Фомишенко.

вы здоровы и не болеете. Много вас дорожат надежда и вера
 утешается фотой и письмом в своем доме, оно не может
 баста забастовать, но утешается тем либо сообщением
 отбывайте себе тем только вернее, труднее
 вы любите, а в этом благородном деле все же
 можно фотой и письмом отбываться. Ряд писем чит
 по прекрасному имеет раздвигство, что все именно
 неужели ваша старинная «Машка» у вас как не са
 ее прожитой ищете. А как огородец в прошлом и
 этом году был и на том месте, где в 81 и Михаил
 Андреевич так много затратили труда, так и не
 прикинься в тот год попробовать посидеть с вами
 огорода, которые вместе садом и ивовым и был
 и они вообще. Как было болюно огорода и много вашей
 усадьбы в последний раз, много вспоминать, а душа
 о том что это было не повторить, что никогда не
 увидите то что дорого, что незабываемо, душа конча
 рыдаема это было 5 июня 1942 г. Вот дата того печал
 ного огорчения и боли, которые болюно ищете офи
 цально, на душевном и физическом моем состоянии
 все было безнадёжно - но все теперь воскресло. Когда

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Справка, подтверждающая, что А. И. Семенихина работала во время обороны Севастополя в составе школы младших лейтенантов.

Статья поступила в редакцию 28.05.2020

Vakulova, T. V., Semenikhina, N. V. Life in Sevastopol During the Occupation of 1942-1944 in Documents from the Archive of the Semenikhin Family

Based on unique documents from the family archive of the Semenikhin family, life in Sevastopol during the great Patriotic war under the occupation of 1942-1944 is described.. Documents from the seminal archive of participants in the events complement the true picture of life and everyday life of Sevastopol residents in 1942-1944. A greeting card, an employee's certificate, certificates of delivery, characteristics, awards and other documents not only deserve the attention of specialists, but also are documentary sources that serve as a vivid reminder of the difficult fate of the city and its inhabitants during the great Patriotic war of 1941-1945.

Keywords: archive, family archive, family history, history of Sevastopol, Great Patriotic war.

УДК [141.7:316.482.3]:930.7

В статье рассматривается проблема использования нигилистических устремлений в социальном конфликте. Анализируются причины трансформации эмоциональных реакций в деструктивные действия. Определяется генезис «логики бунта» в западноевропейской традиции. Выделяются черты феномена «своеволия» и его связь с предлагаемыми политическими проектами.

Ключевые слова: бунт, социальный конфликт, своеволие, нигилизм, деструкция, политическая мотивация.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreyvmironov@gmail.com

БУНТ В ЛОГИКЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

В 2020 году отмечается 100 летняя годовщина окончания гражданской войны в России (без учета борьбы, продолжавшейся на Дальнем Востоке до 1922 года). Исход белого движения и установление коммунистической диктатуры интерпретируется в российском обществе в прямо противоположных оценках, что формирует амбивалентные подходы к восприятию современных событий и вызывает споры относительно векторов дальнейшего движения государства. Стремление понять сущность исторических детерминаций политического конфликта определяет интерес к исследованию мировоззренческих посылок противостояния в социуме, трансформировавшихся в период 1905 – 1920 годов в различные формы насилия (материального, духовного, психологического), что актуализирует анализ нигилистических проявлений и в частности понимание «бунта» как его реализации. Осознание обществом последствий тотального отрицания традиционного уклада, сложившегося в рамках этнического становления, стимулирует поиск путей консолидации социума, препятствование наиболее радикальным выражениям разрушительных тенденций, попыток избежать ошибок прошлого.

Целью исследования является: 1) определить различия в понимании революционных действий и нигилистических устремлений; 2) выявить основные мотивации в политической борьбе через интерпретацию «бунта» в русской истории; 3) установить отличительные черты в генезисе данного понятия в европейской традиции XX века; 4) провести сравнительный анализ нигилистических векторов, задачей которого является выделение специфики данного феномена в ментальных моделях изменения социальных отношений. В качестве метода исследования используются метод историко-сравнительного анализа, позволяющий реконструировать историческую ситуацию в ракурсе отрицания и недоверия к общественной системе, а также системный метод, предоставляющий возможности сопоставления эмоциональных проявлений и популярных на тот момент политических теорий.

Интерпретация значимых исторических событий в социальной философии варьируется в контексте заявленных перспектив и полученных результатов. Мотивация населения к изменению общественного строя трактуется в критериях ценностной направленности, возможностей самореализации личности в новых условиях, ожиданиях социальной справедливости, определяемых как разрешение проблем, искажающих представления о должном устройстве общества. Политическое реформирование, принимающее конфликтные формы взаимоотношений со структурой, препятствующей их воплощению, сталкивается с необходимостью конструирования моделей противостояния, в которых раскрываются допустимые пределы насилия и разрушения. Тотальность предлагаемых перемен расширяет диапазон использования накопленной агрессии, которая стимулирует применение самых примитивных средств и деклараций. Логика борьбы, не подкрепленная внутренней осознанностью идейных принципов, отличается примитивностью выбора, упрощением выдвигаемых ценностей, нивелированием традиционного отношения к основным принципам жизни и к ней самой. Разрыв с принятой системой поведенческих установок понимается

индивидом как глобальная трансформация собственного существования, вызванная возможностью переоценки личностной значимости в ситуации фундаментальных общественных изменений. Выбор человеком действенной позиции в сложившихся обстоятельствах определяется проекцией собственного «Я» в ракурсе отрицания традиционных социальных отношений, в которых концентрируются интересы как элит, формулирующих цели «нового мира», так и потенциальных исполнителей этих проектов. Упрощение жизненных представлений способствует принятию форм разрушения в той части политических доктрин, которые совпадают с освобождением от социальной и моральной ответственности, предоставляя право на любые поступки.

В нигилистических устремлениях прослеживаются два вектора, направленные на разрушение системы социальных принципов: 1) мировоззренческий, опирающийся на неприятие «старого» (сюда можно отнести политические, религиозные, экономические, нравственные положения, сформировавшие устойчивый образ жизни большинства населения), 2) бытовой, в котором деструкция становится самоцелью и не нуждается в рациональных обоснованиях. В первом случае отрицание подкрепляется, как правило, утопическими идеями, не имевшими апробации в исторических реалиях, т. е. личностный конфликт с действительностью раскрывается через недовольство настоящим и иллюзиями относительно будущего устройства (в числе, которых воплощение справедливости выступает как основная составляющая). Во втором случае индивид разрывает социальные отношения через поступки, которые не укладываются в устоявшуюся модель взаимодействия между гражданами, выбирая «бесстыдство» (отречение от моральных критериев оценивания последствий собственных действий) как наиболее адекватную форму существования себя в конкретной исторической ситуации. Предложенное определенными политическими группами дистанцирование от традиционных ценностных ориентаций (нерушимость жизни, почитание собственности, уважение религиозных идеалов, моральное соблюдение) становилось фактором манипулирования массами, а политическое поощрение аморализма, способствовавшего выходу за пределы нравственных установок определенной части населения, выступало эффективным средством в борьбе за власть.

В российской истории самые крупные протесты народных масс против законной власти года характеризовались как «бунты» («бунт Степана Разина, «бунт Емельяна Пугачева» и т. д.). В них отсутствовала моральная преграда немотивированному насилию над человеком. Лояльность участников поддерживалась путем взаимообмена: неконтролируемость криминальных действий на выполнение приказов руководителей. В России конца XIX века – начале XX века оправданно критическое отношение к власти у просвещенной публики обернулось противостоянием прошлого и «счастливого будущего». «В прошлом – далеком недавнем – они (интеллигенты – А. М.) видели только позор и не желали слышать ни о какой преемственности с минувшим. В их системе ценностей существительное «прошлое» всегда сопровождалось прилагательным «позорное», бывшее представлялось только постыдным» [7, с.194]. Отказ от традиций и поиск новой модели отношений с другими содержал потенциальную угрозу выхода накопившихся негативных эмоций в агрессию против всех и всего. Отсутствие общественного пространства, содержащего даже иллюзорную видимость государственного приложения индивида, формировало ощущение безвыходности, недоверия, несогласия с предлагаемыми границами самореализации. Социальный мир приобретал черты враждебной реальности и разделял вину с правящими персоналиями за подобный порядок. События первой русской революции (материальные экспроприации, физическое уничтожение представителей государства, бессмысленное уничтожение собственности дворянских усадеб, этнические погромы) стали основанием анализа негативной мотивации в политическом конфликте. В вышедшем по «горячим следам» в 1907 году сборнике «Вехи» С. Л. Франк очертил проблему революционных выступлений, принимавших формы нигилистического бунта, в понятиях «уголовной» распушенности. Причиной духовного кризиса он считает утрату «абсолюта» в нравственном мирозерцании. Нигилизм в теоретических рассуждениях предстал в очертаниях бунтарской логики: «грабежи и разнузданность» стали следствием подмены в понятиях «добро» и «зло», исходящих из разделения на «своих» и «чужих». Политическая агрессия, принимая характер обыденного явления, перестает обладать сдерживающими функциями, и тем самым, освобождая человека от моральных запретов. Тиражирование принципа «право на все» ради «народного счастья» в силу повторяемости и утилитарных целей утратило сущностную детерминацию, открывая выход примитивной энергии разрушения. «Жизнь не имеет никакого объективного, внутреннего смысла; единственное благо в ней есть материальная обеспеченность, удовлетворение субъективных потребностей, поэтому человек обязан посвятить все свои силы улучшению участи большинства ...» [4, с.176].

Феномен «своеволия» – основа бунтарского мировосприятия. В социальной деструкции приоритет эмоциональных переживаний над рациональными установками закрепляется чувствами корыстной зависти, мести, неудовлетворенности окружающим миром, неоправданными амбициями. Политические идеи, представленные определенными группами, могут совпадать с накопившимися страстями и определяться как выход из тупиковой личностной ситуации. В октябре 1917 года в России сложились условия, которые позволяли удовлетворить потребность масс в разрушении, трансформируя спектр социального недовольства в действенные формы разлома. Жестокость и моральная индифферентность, приобретенные миллионами солдат на полях мировой войны получили логическое продолжение в общественном конфликте, где одна из сторон приобретала статус «врага» и несла ответственность за перенесенные страдания. Духовный вакуум, сформировавшейся в преддверии революционных событий, свидетельствовал о неспособности общества предложить те принципы, которые могли бы стать общезначимыми для большинства и служить платформой диалога различных социальных групп. Индивид, испытывая недоверие к общественной системе, полагался исключительно на свое ощущение «правды», в которой отсутствовал созидательный элемент и социальная перспектива. Потенциальные балансиры (религия, мораль, государственные интересы) перестали быть сдерживающими факторами, так как не могли представить модели разрешения проблем в условиях кризиса, поэтому утрачивали свое значение. Сила, подкрепленная оружием, придавала ощущение единственной опоры и вступала в противоречие с полученным ранее воспитанием, поведенческими правилами, религиозными наставлениями, ассоциируемыми с угнетением, несвободой, подавленностью. Тотальное отрицание, переходящее в разрушение, является логической закономерностью в условиях распадающегося социума и перерастает в циничные предъявления «собственной свободы».

Целевым вектором разрушительных действий выступал общественный резонанс, концентрирующий максимальный эффект оскорбительности, направленный против социума. Он раскрывался в различных формах: уничтожение значимых для общества принципов (патриотические чувства, события отечественной истории, целостность государства и его границ, культурные достояния); кощунственные поступки, содержащие надругательство над религиозными институтами, этническими обрядами, национальным самосознанием (осквернение мест захоронения, культовых памятников, смысловых артефактов общественного мнения); отторжение моральных правил, составляющих каркас гражданской коммуникации. Степан Разин, мечтавший о казацкой вольнице, на просьбу восстановить храмы, сгоревшие незадолго перед тем в Черкесске, ответил: «На что церкви? К чему попы? Венчать, что ли? Да не все ли равно: встаньте в пары под деревом да пропляшите вокруг, вот и повенчались» [3, с. 130]. Сознательное унижение вековых традиций придавало бунту качественно новое звучание – декларацию несовпадения с прежней жизнью и тем самым оправдание всех дальнейших бесчинств, что рекрутировало маргинальную часть населения в ряды протестующих против власти (в общественном сознании подобное отождествлялось с социумом).

Революционные события закономерно содержат нигилистические устремления, так как логика разворачивающегося конфликта протекает в границах отторжения прежних ценностных установок. Исторический генезис смены форм правления и перераспределения собственности демонстрирует повторяющиеся примеры противоречия между старыми и новыми поведенческими установками. Особенно они касаются моральной и религиозной сферы реализации личности (семейная, сексуальная, коммуникационная, профессиональная). Процесс самоосвобождения индивида от гражданских обязанностей (стихийный или сознательный) обосновывается иным пониманием собственного предназначения, в котором расставляются иные жизненные приоритеты. Политическая прагматика раскрывалась в использовании вектора массовой вседозволенности, стимулируемой декларациями об отказе от прежних социальных стереотипов, как несоответствующих новым условиям исторической реальности. Смысловая основа поступков в подобных обстоятельствах вытесняется хаотическими порывами, вызванными сиюминутными эмоциями (в большинстве случаев агрессивно-деструктивного характера). В призывах к свержению власти, насилию по отношению к ее сторонникам, «экспроприации эксплуататоров» прослеживается санкционирование проявлений низменных инстинктов человека: жестокости, ненависти, злобности. Отмена права частной собственности на средства производства и земельные наделы враждебных социальных групп обернулась латентной формой разрешения на насильственное завладения чужим имуществом, а право на агрессию на основании социального происхождения трансформировало нигилизм, как мировоззренческую позицию, в откровенный криминал. Таким образом, политическими партиями легализовались формы грабежа, разбоя, преступлений против личности с явно выраженной корыстной мотивацией, закамуфлированной в «революционную патетику».

В революционном бунте охлократическая составляющая превалирует над всеми остальными формами общественного взаимодействия. Коллективная ответственность за участие в разрушении выводит индивида за пределы морального самоосуждения. Человек целенаправленно устраняется от принятия личного выбора, и тем самым, определяет для себя: мнение толпы единственный ориентир в предлагаемых обстоятельствах. Данная поведенческая установка выполняет и другую функцию – защиту от чувства вины, потенциально возникающего в результате оценивания действий в шкале прежних нравственных стандартов. Растворение в других становится формой существования: оформленная личностная позиция провоцирует коммуникационные конфликты и содержит потенциальную угрозу изменения статуса со «своего» на «чужого». Политические положения на этапе развития революционного противостояния должны соответствовать стихийному порыву массового сознания, в котором отрицание представляет самый доступный и очевидный сегмент во взаимоотношениях с социумом. Данная ситуация генерирует перспективу непонимания между политической элитой и массой в случае изменения векторов революционного процесса. Переходный период от тотального ниспровержения к конструктивным тенденциям имеет черты тактической манипуляции агрессией как способом разрешения актуальных проблем.

В нигилистическом противостоянии (осознанно выбранной мировоззренческой ориентации) персональное понимание зла монополизировано личностью исходя из убежденности в собственной уникальности. Мнимое превосходство над другими не укладывается в общественные ограничения и формирует чувство неприятия социальной реальности. Восприятие бытия через абсурд обесценивает значимые для большинства положения и на этом основании выстраивается право распоряжаться жизнью другого. Детерминацией выступает несогласие индивида с местом в социальной иерархии, желание максимально выделиться из массы, психологические комплексы. В условиях, когда насилие приобретало тотальный характер, становилось повседневностью, декларация нигилистических принципов утрачивала свою привлекательность для эмоционально настроенной личности. Индивидуальное своеволие вынужденно подчиняться групповой требовательности и принимать ее логику.

Социальный организм несет ответственность за проявление насилия по отношению к человеку. Исторический генезис подавления конструирует в массовом сознании паттерны допустимого насилия со стороны государства, что при определенных обстоятельствах становится основанием для перераспределения полномочий в использовании этой функции. Бунт устраняет рациональные объяснения данной модели насилия и выводит индивида за пределы разумного истолкования своего бытия. Обособление от социальной структуры, разочарование в ней соответствует эмоциональному фону нигилизма. В XX веке А. Камю [2], Ж. Батай [1], М. Фуко [6] подчеркивали непреодолимость границы между общественной средой и человеком как изначальную данность его существования в мире (у Камю выраженной в понятиях абсурда, трансгрессии у Фуко и Батая), поэтому бунт воспринимался ими адекватным ответом, прорывом бессмысленности окружающей реальности. Гражданин, оказавшийся вне привычного коммуникативного окружения, переставший ощущать жесткий контроль с его стороны (восстание, социальный хаос, война) получает шанс утвердиться в новом для себя измерении «бунтующего человека». Новый пласт эмоций прежде недоступный из-за запретов морального и религиозного характера вынуждает произвести не корректировку отношений с другими, как социальными субъектами, а принципиально изменить акценты в отношениях. Отрицание существующего общественного порядка перерастает в самоотрицание себя как социального субъекта, в котором поведенческие векторы определяются «категорическим нет» прошлому мироощущению.

У индивида, переживающего деструкцию социальных контактов (ощущение несправедливости, очевидное материальное неравенство, общественное лицемерие, неспособность власти к эффективному разрешению насущных проблем) постепенно формируется чувство оставленности, ненужности государству и вместе с ним кристаллизуется желание его разрушить. Принимая участие в действиях, направленных на тотальное уничтожение существующего социума (любой бунт есть отрицание официальной конструкции взаимоотношений между гражданином и государством – А. М.), человек инициирует создание новой общности, скрепленной нигилистическими ценностями (разбойничья шайка, казачья ватага времен С. Разина, террористическая группа начала XX века). В своих поздних работах З. Фрейд предложил идею противопоставления двух начал мироздания природы и культуры. В его представлении сфера культуры содержит в своей сущности совокупность запретов (моральных, религиозных, социальных), препятствующих свободе индивида, что тождественно (в рамках его теории) получению наслаждений. Данные ограничения формируют конфликт, который сопровождает человека на протяжении всей жизни. Опека со стороны

большинства, выраженная в навязываемом одобрении или осуждении тех или иных поступков, вызывает раздражение, со временем перерастающее в антагонистическое противоречие. Импульс агрессивности нарастает в пропорциональности с принудительными действиями, сковывающими своеволие фантазии, желаний, спонтанности поступков. Страх перед общественным осуждением мотивирует индивида к обману, укрывательству подлинной сущности, что определяет разлад с самим собой и понижает самооценку. «Так создается впечатление, что культура есть нечто навязанное противящемуся большинству меньшинством, которое ухитрилось завладеть средствами власти и насилия. Естественно, напрашивается предположение, что все проблемы коренятся не в самом существе культуры, а вызваны несовершенством ее форм, как они складывались до сего дня» [5, с. 96]. Недовольство культурой становится отправной точкой генерации бунта: нежелание сотрудничать с социальной структурой (или отсутствие таких возможностей) преломляется в активное ей сопротивление. Логика тотального нигилизма исходит из идеи, противоречащей общественному взаимодействию, так как деструкция социальных контактов становится единственным ответом враждебному социуму. Подобный подход редуцирует индивида к самовосприятию исключительно через телесную сущность.

Концентрация агрессии в отдельно взятой личности может толковаться как следствие пессимистической атмосферы в обществе. Недоверие к традиционным институтам побуждает вырабатывать самооценности, которые отвечают внутреннему протесту, направленному на все то, что не соответствует личному настрою и пониманию. Постулирование асоциальности можно истолковывать как ультиматум о предоставлении всеобъемлющих прав, которые определяют власть индивида в единичном масштабе. Нигилистические тенденции могут быть использованы политическими силами в целях разрушения структуры социальной коммуникации, что предоставляет им возможность манипулирования массовым сознанием через навязывание иной ценностной ориентации.

Список литературы

1. Батай, Ж. Процесс Жилия Де Рэ / Ж. Батай. – М. : KolonnaPubications, 2008. – 298 с.
2. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – 415 с.
3. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х т. Т. 1 / Н. И. Костомаров. – М.: Эксмо, 2005. – 957 с.
4. Франк, С. Л. Этика нигилизма в кн: Вехи. Из глубины / С. Л. Франк. – М.: Изд-во Правда, 1991. – 608 с.
5. Фрейд, З. Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд. – М. : Ренессанс, 1992. – 296 с.
6. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 415 с.
7. Экштут, С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века / С. А. Экштут. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 428 с.

Статья поступила в редакцию 25.05.2020

Mironov, A. V. *Revolt in the Logic of Socio-Political Conflict*

The article deals with the problem of using nihilistic aspirations in social conflict. The reasons for the transformation of emotional reactions into destructive actions are analyzed. The genesis of the "logic of revolt" in the Western European tradition is determined. Features of the phenomenon of "self-will" and its connection with the proposed political projects are highlighted.

Keywords: rebellion, social conflict, self-will, nihilism, destruction, political motivation.

УДК 14:94(47)''1917.11.07''

Статья посвящена роли и значению революции и гражданской войны в России. Основное внимание уделено анализу различных подходов к решению этой проблемы в отечественной философии. Причины революции заключается в слабости власти и стремлении народа к социальным переменам. Гражданская война – это трагедия для народа, ее основная причина – классовая ненависть

Ключевые слова: государство, власть война, народ, революция.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук.

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ О СУЩНОСТИ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Трагические события 1918 – 1922 гг. не могли не стать объектом анализа отечественной философской мысли. Н. А. Бердяев назвал драмой для всего народа все формы проявления войны, в том числе и гражданской. Война охватывает все классы и сословия, политические партии и социальные группы, нации и народности. Война – это стремление одного народа отнять или ограничить свободу другого народа, т. е. борясь за свободу, одновременно ее отрицать. В процессе войны человеческие нравственные ценности заменяются проявлением жестокости и стремлением к насилию. Формы насилия многообразны, но даже в своей совокупности они являются условием ограничения свободы, ведь человек вынужден поступать в соответствии с законами войны, а не по своей воле.

Сущность гражданской войны, по мнению русского философа, заключается в подавлении человеческого начала. Мир основан на признании реальности общностей, духовного единства народа. Гражданская война отрицает общность, духовное единение, разрушая их. Такая война не может не вести к противоборству ценностей, интересов, взглядов. Не общие цели, не историческая судьба народов порождает гражданские войны, а цели подавления одних интересов другими.

Важным объектом анализа, философ считал психологию войны. В ней, по его мнению, заключается ответ на вопрос о происхождении войны, ее причинах. Война всегда имеет иррациональные основы и предполагает покорность человека целям, стоящим выше его постижимых интересов. Воевать нельзя во имя доступных и понятных людям целей. В этом, как утверждал Бердяев, заключается парадокс психологии войны. Он писал: «Большевики тоже заставляют народ воевать во имя непонятого и безумного, во имя всемирной социальной революции, третьего интернационала и т. п., и потому только они и могут воевать» [1, с.198]. Логика войны не должна быть рациональной. Народ привлекает мистицизм, тайна и, только в этом случае, индивидуальное стремление может быть подавлено коллективной целью.

Любая война имеет свою своеобразную мораль. В ее основе лежит этика отношения к врагу, пусть и не всегда, но в уважении к нему. Гражданские войны лишены морали. В них нет и не может быть идеи справедливости, свободы, поэтому, как отмечал русский философ, их характеризует чувства кровной ненависти, фанатизм, эгоизм. Если войны могут показать значение социального патриотизма, героизма и национального достоинства, то гражданские войны такой возможностью не обладают. Когда рушатся духовные и нравственные основы войны, она превращается в братоубийственное противостояние всех против всех. Вот почему, по образному определению Бердяева, гражданская война – это не «дуэль народов», а битва влюбленных, отцов и детей, единоверцев и т. п.

Философ считал, что гражданские войны во время революции являются неизбежностью. В тоже время гражданские войны не могут положить конец революции. Их нельзя определять, как войны революционных и контрреволюционных армий. По своей сути это борьба сил революционных с силами дореволюционными, революцией пораженными. В период революции родилась новая власть как результат экономического и социально-культурного кризисов. Бердяев подчеркивал, что в период войн и революций не могла возникнуть власть, построенная на гуманистических началах. Этот тип власти философ назвал грубо-народной, основанной на силе и подавлении, поэтому любые попытки реставрации «старой власти» на основе духовных и культурных начал являются не перспективными. В процессе революций и войн народ распадается на «левых» и «правых», обвиняющих друг друга в

разрушении государства, узурпации власти, крушении надежд и насилии. Но по своей сути и те и другие являются обычными людьми со своими пороками и взглядами, в тоже время они лишены «человечности» и в своих противниках видят только врагов.

Война и культура – антиподы. Если культура создает духовные ценности, то война их разрушает. Война не имеет духовной идеи. В период господства силы оружия и насилия не могут проявляться чувства красоты, любви и гармонии, поэтому любая революция, война, в том числе и гражданская в России, сопровождается кризисом в культуре. Русский философ считал, что культурный кризис в России имеет, по меньшей мере, три основные причины. Во-первых, русская дореволюционная культура была, преимущественно, дворянской. Это культура знати, ее идеи были не понятны и чужды русскому народу. Во-вторых, возникновение новой культуры требует времени, переосмысления традиций, ценностей, новых культурных форм и методов. В период господства жестокости и насилия духовный прогресс в культуре невозможен. С другой стороны, философ не отрицал возможность культурного ренессанса в России. Однако для этого необходим возврат к духовным христианским традициям, подъем индивидуального самосознания, переоценка ценностей и истинное осмысление причин кризиса. В-третьих, русская интеллигенция была оторвана от народа. Она не понимала «душу» народа, его интересы, ценности. Вместе с тем интеллигенция оторвалась и от традиций мировой культуры, ее завоеваний в области искусства, философии и науки.

Любые попытки отрицаний войны или ее оправдания Бердяев считал бессмысленными. Те, кто оправдывают войну, придерживаются чувства ложного патриотизма и национализма. Они руководствуются идеей превосходства нации над другой, но по отношению к народу нельзя утверждать, что какой-то народ чем-то лучше или хуже другого. Те, кто отрицают войну, предпринимают попытку снять с себя ответственность за нее, обвиняя других в жестокости, стремлении убивать и т. п. Признав, пусть в малой степени, свою вину, люди духовно очищаются. Только в этом случае приходит осознание, что война не является реальным злом, злом выступают причины ее вызывающие. Философ подчеркивал, что зло войны живет в каждом человеке и, понимая это, можно противостоять желанию убивать других.

В своей статье «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяев предпринял попытку сравнения коммунизма и христианства. В коммунизме, по его мнению, есть сходное с христианством понимание жизни человека, как служения не себе, а великой идее. Однако оно искажается отрицанием ценности индивидуальной жизни и свободы. В коммунизме также господствует идея необходимости участия каждого человека в активной организации социальной жизни, но и она принимает «маниакальные» формы и превращает человека из цели развития в средство подавления.

Анализируя сущность Гражданской войны, Е. Н. Трубецкой выделил три основные ее причины. Первая причина – это разделение единой общности русского народа на враждующие классы, как следствие переноса морали войны на общественные отношения. Общественные отношения стали отношением воюющих сторон, а образом врага – имущие классы. По мнению философа, после революции победило понимание, что народовластие должно утверждаться на праве силы. Такая точка зрения отрицает свободу и права личности. Классовая ненависть не совместима с моральными, религиозными и культурными ценностями. Русский философ отмечал: «И словно самой родины нет больше – есть только враждующие между собой классы. А временами кажется, что нет больше и классов. Есть только хищные волки, которые рвут друг друга на части или собираются в стаи, чтобы вместе нападать на одиноких» [4, с.259].

Вторая причина – крушение духовно-религиозных основ жизни русского народа. Трубецкой считал, что в мирное время народные массы были далеки от политики. Жизнь народа была подчинена цели – нужно работать, чтобы есть и пить. Но, в тоже время, русский народ отличала высокая степень духовности и религиозность. Православная вера облагораживала людей, воспитывала в них чувства милосердия, сострадания, веротерпимости. Зависть, ненависть, ревность по отношению к другим народам не были присущи русским людям. В период первой мировой войны и революций, религия утратила функцию сближения людей. Более того, как подчеркивал русский философ, отсутствие религиозных связей между людьми привело к приоритету биологического принципа борьбы за существование. Результатом действия этого принципа в области государственной жизни стало практическое безбожие, человеконенавистничество и духовное бессилие перед большевизмом.

Третья причина – экономическая и политическая ситуация в России. Тяжелая экономическая ситуация в стране привела к господству «морали войны», а, та, в свою очередь к разрушению государства. Государство, по определению Трубецкого – союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории. Его сила заключается в возможности распространять свои цели и задачи на все области общественной жизни. «Мораль войны» привела к

утрате государством «человеческих импульсов» развития и победе материальных ценностей над духовными святынями. Когда материальные интересы государства начинают подавлять духовные основы его существования, то жизнь общества подчиняется войне, а люди становятся ее «орудием». После революционных событий, сделал вывод русский философ, идеология отношений между государствами была перенесена на отношение между классами. Классовая борьба, по образному определению философа, привела к зарождению «звериного царства» и окончательному разрушению основ человеческого общежития.

Трубецкой верил в возможность возрождения России. Для этого, по его мнению, необходимо восстановление духовных ценностей общественной жизни на основе православной веры. Перед ликом Бога все люди равны – нет классовых различий, а человеческое начало побеждает биологические потребности.

П. Б. Струве назвал идеологом «белого движения» И. А. Ильина. Ильин утверждал, что основной причиной кризиса в России является зарождение и развитие русского коммунизма. Каждому народу, по мнению философа, соответствует своя государственная форма. Многонациональный состав населения влияет на особенности ее становления с целью преодоления причин возможного распада государства и гражданской войны.

Сущность государства составляет наличие единой цели, которой подчиняются личные цели и интересы граждан. Единая цель, в свою очередь, способствует развитию государственно-политического настроения, отражающего политические взгляды и мнения граждан. Если политические взгляды расходятся с реальностью, то наступает период классового противостояния и возможности начала гражданской войны. Гражданская война неизбежна, если в период становления государственной власти преобладает принцип классовой ненависти, а не приоритет духовной солидарности. Ситуация еще более обостряется, если политические партии будут субъектами отдельных социальных слоев или классов, а не защитниками интересов государства и народа. Русский философ считал необходимостью наличие у каждой партии программы всенародной справедливости или государственной солидарности, учитывающей интересы всех граждан.

Причину революции философ видел в отсутствии политического опыта, чувства реальности, патриотизма у русского народа. Результатом отсутствия политического опыта у российского народа стало непонимание преимуществ и недостатков форм государственного управления, что и привело к зарождению и господству властно-повелительной формы власти, основанной на классовом различии. Утрата чувства реальности – причина потери, не только основ политической свободы, но и хозяйственной самостоятельности. Философ писал: «Только тот, кто чувствует себя самокормильцем, приносящим пользу своему народу, имеет основу для независимого суждения о политике, для неподкупного волеизъявления и голосования. Он имеет под ногами некую творческую почвенность и в душе тот реальный образ мыслей, который возводит к верному пониманию государственного хозяйства и к верному ощущению государственных польз и нужд» [2, с. 36-37]. Чувство ложного патриотизма не связано с чувством ответственности за страну и проявлением гражданского мужества. В этой связи, по мнению философа, творческая форма демократии перерастает в деспотическую власть, основанной на классовой ненависти, приоритете материальных ценностей над духовными, разрушении веры и единства русского народа.

Особое место философ отводил развитию правосознания у народных масс. По его мнению, в основе правосознания лежит истинное понимание прав и обязанностей гражданина как субъекта права. Монархическое правосознание опирается на любовь и доверие к монарху как носителю высшей власти. В тоже время, оно не отрицает возможность критики личных способностей монарха управлять государством. Демократическое правосознание, как утверждал Ильин, предполагает «растворение» личного начала, да и государственного, в коллективе. Существенной характеристикой данной формы правосознания является признание сходства людей в их потребностях и, поэтому акцент на приоритете принципа равенства в процессе развития социальных отношений. Однако, если принцип равенства не распространяется на экономическую область жизни, например, область распределения национальных богатств, то творческая форма демократии, постепенно переходит в формальную. По мнению философа, ошибка дореволюционного правительства заключалась в нежелании воспитывать правосознание русского народа. Власть использовала народное правосознание, но не способствовала его развитию. «Грех» советской власти русский философ видел в «растлении» сознания народа на основе отрицания духовных ценностей и провозглашения приоритета принципа равенства.

Характерной чертой русского народа является священная идея его родины. Отношение к ней со стороны разных слоев и групп населения различается. Одни считают идею родины критерием

проверки своих действий и поступков; другие – целью своей жизни; третьи – возможным предметом молитвы или основой социального мировоззрения. По мнению Ильина, если идея родины охватывает весь народ, то она является дополнительным фактором для развития всех форм социальных отношений, включая политическую власть. Эта идея – основа и причина возможности создания религиозного, политического и культурного величия России. В этом, как утверждал философ, заключалась и цель «белого движения».

Как идеолог «белого движения», Ильин призывал не признавать Советскую власть. По его мнению, признание Советской власти требует от русского человека ряда недопустимых для него условий. Во-первых, отречения от родины или национальности (интернационализм). Во-вторых, отречения от православной веры или Бога (атеизм). В-третьих, отказ от духовных оснований жизни, ценностей (грубый материализм). В-четвертых, отказ от принципа индивидуальной или частной собственности (коммунизм). В-пятых, стремление распространения всех этих условий на весь мир (революционность).

Причину начала революционных и послереволюционных событий в России, С. Л. Франк видел в разрушении социальной формы отношений «Мы» и господстве отношений «Я» – «Ты». Но даже этот тип отношений не всегда подразумевает враждебное отношение к другому человеку. Выражением враждебности отношение «Я» – «Ты» становится в том случае, если другой человек воспринимается личностью как нечто безличное, бездуховное, лишенное мнения и свободы, как «Оно».

Как и большинство русских философов, Франк негативно оценивал революционные события 1917 г. Любая революция – это смута, несмотря на возможность ее организации. Она имеет разрушительный характер, ведет к раздробленности общества и задерживает поступательный характер развития государства. Несмотря на то, что основу русской революции составляло демократическое движение, к явным демократичным формам государственной власти она не привела. Ее результаты – диктатура пролетариата, преследование политического и духовного инакомыслия, отсутствие у народных масс истинного понимания цели революционных преобразований.

В тоже время философ отмечал, что большая часть русского народа не поддерживала и не стремилась поддерживать «белое движение», рассматривая его как «движение господ», поэтому советская власть для народных масс – это, скорее, союзник в процессе осуществления форм народного самоуправления. В этом философ видел главную причину поражения «белого движения».

Франк признавал, что только в процессе борьбы низшие классы могут достичь для себя политической свободы, а на ее основе утверждать идею равенства. Принцип свободы так или иначе связан с признанием формального равенства, но не отрицает реальные формы проявления неравенства в различных областях социальной жизни. Беда «старой власти» заключалась в отчуждении народных масс от политического воспитания, культурного и духовного образования. Ошибка «новой власти» состоит в стремлении заменить иерархическую структуру общества по признаку образования и культуры классовым противостоянием.

Франк не поддержал взгляды И. А. Ильина по вопросу о будущем Советской России. Ильин призывал к активной борьбе с советской властью, отрицал ее успехи и перспективы развития, как в экономической, так и в социально-политической области. Франк придерживался либеральной позиции. По его мнению, «диктатура пролетариата», экспроприация капиталистов, отмена частной собственности не исчерпывают идеи социализма и не являются основной задачей революционных завоеваний. Заслуга социализма заключалась в развитии идей солидарности и братства. Философ писал: «Ответственность общества за судьбу и благосостояние его членов, право личности, как члена солидарного целого, требовать от общества обеспечения себе условий свободной, разумной и достойной жизни – вот великий новый моральный принцип, внесенный социалистическим учением» [5, с.71-72]. В связи с этим русский философ сделал вывод, что можно говорить о возможности проникновения социалистической идеи в различные области общественной жизни и ее активном влиянии на будущее России.

Анализируя последствия революционных событий 1917 года, Л. П. Карсавин сделал ряд выводов. Он считал, что революция показала слабость правовой системы, отсутствие реальных гарантий предоставленных государством, разрыв связей власти с народными массами. Результат – классовая борьба, кризис политической системы и, как следствие, вооруженное противостояние партий, социальных сил, всего народа в целом. В тоже время, революцию нельзя охарактеризовать как национальную катастрофу, это закономерный этап развития, этап качественных изменений субъектов социальных отношений. Например, в процессе революционных преобразований

изменяется отношение к понятию «буржуазия». Это понятие начинает распространяться на всех сторонников «старой власти», определяя их как классовых противников.

Любая революция имеет две стороны. Первая сторона – формальная, она является общей для всех форм революций и связана с процессом вырождения правящего слоя и постепенным формированием нового. Реальная сторона обуславливает задачи и цели революции, ее ход и возможные последствия.

В революционном процессе философ выделил ряд фаз. Первая фаза – это саморазложение старого правящего слоя, которое может начаться задолго до революционных событий. Вторая фаза – период анархии и в, тоже время, зарождение новых идей, появление новых лидеров и субъектов власти. Третья фаза связана с рождением правящего слоя, установлением диктатуры власти.

Политический строй 1918 – 1920 гг. не представлял собой единую систему экономики, политики и социальной сферы, поэтому требовал жесткого контроля, учета, реквизиций и т. п. В тоже время, советский строй опирался на волю народа и его стремление к социальному переустройству общества. Вне этой опоры любая власть была бы бессильна в своих действиях. Власть большевиков, как утверждал философ, можно признать как единственное средство сохранения связи культуры и государственности.

Карсавин отмечал, что русский народ охватила вера в социалистические идеи. Философ отмечал: «Без веры в социалистические призывы вождей никого бы не увлекли, и только наивная, нелепая вера могла зажечь всех, кто являлся энтузиастом лучшего будущего для человечества, но по малограмотности своей в состоянии был мыслить это будущее только в рамках коммунистической идеологии и пролетарской логики» [3, с. 461-462]. Вне этой веры невозможно организовать армию, противостоять внутренним и внешним врагам, создавать условия для построения нового социального общества. Народ поддержал большевизм, способствуя рождению новой политической элиты, а вместе с ней, новых форм социальных отношений и политических союзов и взаимодействий.

Философ отмечал, что революционные события и гражданская война определили пути развития России, но концепции будущего российского государства у него не было. Карсавин не был сторонником модели демократического общества. По его мнению, демократия ведет к анархии власти и, как результат, к деспотическим формам правления с целью защиты интересов народа. С другой стороны, он не был сторонником идеи реставрации монархической формы правления, утверждая, что она не соответствует цели социальных преобразований. Философ признавал, что идеальная форма государственного власти в России должна обеспечивать единство государства и церкви, социального и индивидуального начал, что невозможно в сложившихся исторических условиях.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
2. Ильин, И. А. Почему мы верим в Россию: Сочинения / И. А. Ильин. – М.: Эксмо, 2007. – 912 с.
3. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – М.: АСТ, 2007. – 510 с.
4. Трубецкой, Е. Н. Избранное / Е. Н. Трубецкой. – М.: Канон, 1995. – 480 с.
5. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – Нью-Йорк: Посев, 1988. – 316 с.

Статья поступила в редакцию 27.03.2020

Chugunov, S. V. Russian Philosophy on the Essence of the Revolution and Civil War in Russia

The article is devoted to the role and significance of the revolution and civil war in Russia. The main attention is paid to the analysis of various approaches to solving this problem in Russian philosophy. The reasons for the revolution are the weakness of the government and the desire of the people for social change. The civil war is a tragedy for the people. Its main reason is class hatred.

Keywords: state, power, war, people, revolution

УДК 316.334.3:324(410)

В статье рассматриваются трансформации в социально-политической сфере, к которым привело распространение информационно-коммуникационных технологий, что изменило векторы взаимодействия государства и общества, ход процесса политической коммуникации, а также предложило новые способы доведения до аудитории политически значимых сообщений. Подчеркивается, что в современных условиях наблюдается широкий спектр интернет-технологий (официальные сайты СМИ, социальные медиа), которые активно используется в избирательных кампаниях разных стран и разного уровня. Анализируется специфика парламентской избирательной кампании Великобритании 2019 года.

Ключевые слова: информационно-коммуникационная революция, избирательная кампания, социальные медиа, политический процесс, Великобритания.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: astarta_05@mail.ru

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Коммуникационная революция и оформление информационного общества сегодня обуславливают изменение традиционной аксиологической базы личности и ее поведенческих шаблонов. Дигитализация социально-политического пространства, активное использование информационно-коммуникационных инноваций обусловили появление новых форм политической коммуникации, открыв широкие возможности для доступа к информации и обеспечения мгновенного контакта между людьми.

Использование сети интернет обуславливает трансформацию политических отношений, в том числе оказывая влияние на избирательный процесс. Так, опора на информационно-коммуникационные технологии в период избирательной кампании может повысить эффективность и прозрачность избирательного процесса (например, электронное голосование), способствовать налаживанию общения с избирателями, выступить действенным инструментарием для построения и/или корректировки имиджевой стратегии политических акторов (кандидатов, политических партий и т. д.) и др. Тем не менее в сложившихся условиях особую остроту приобретает вопрос осознанного политического участия граждан и возможности их влияния на политическую систему и политический процесс.

Изученность проблемы. Электоральной проблематике уделяется существенное внимание в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Особенности избирательного права Великобритании анализируются в трудах М. Горшковой, Э. Кука, Д. Фаррелла, И. Шухминой и др. Специфику изменений инструментария избирательных технологий исследуют Л. Гроссман, У. Раш и др., а воздействие новых технологий (информационно-коммуникационных) на ход и результаты избирательных кампаний в разных странах анализируют такие ученые как К. Фут, С. Шнейдер, Ю. Дорожкин, Н. Соленикова, И. Быков, А. Свинин и др. Оригинальность избирательного процесса в Великобритании и его корреляция с социальными медиа рассматривается в работах Е. Ананьевой

[1, 2] и др. Феномен «политического пробуждения» молодежи («молодежьтрясение») анализируется в работах таких исследователей как Дж. Слоам, М. Хенн [11], Л. Гарас, М. Росенко, Е. Скребец [6] и др.

Цель статьи – анализ особенностей избирательной кампании на примере досрочных парламентских выборов в Великобритании в 2019 г. и использование в ней социальных медиа.

Методология. Методология исследования построена на основе применения описательного анализа, а также использования принципа «case-study». В качестве конкретного кейса исследования выступают досрочные парламентские выборы Великобритании в 2019 г., анализ которого (кейса) позволяет экстраполировать выявленные тенденции, в частности активное использование политиками как в целях коммуникации, так и агитации избирателей социальные медиа.

Сравнительный метод позволил осуществить оценку роли социальных медиа в избирательной кампании Великобритании и выявить факторы эффективности / неэффективности использования новых медиа консервативной и лейбористской партиями в электоральном процессе 2019 года в сравнении с избирательной кампанией 2017 года.

Цифровизация и развитие коммуникационных технологий, обуславливая появление новых эффектов, продуцируют риски. Создается угроза существования демократии, достижение которой предполагает как наличие механизма реализации принципа разделения властей, развитой системы сдержек и противовесов, так и представительство разнообразных социальных групп в осуществлении власти, основывающееся на свободных выборах и развитом избирательном законодательстве. Тем не менее, простое существование выборов не делает демократию демократией.

В современную эпоху, по мнению британского социолога Колина Крауча, происходит постепенная эрозия демократических институтов, при сохранении формальных черт демократии (свободные выборы, партийная конкуренция и т. п.), политика становится «огрубевшей», поляризованной, оторванной от истины, что компрометирует отношения между элитой и обществом, возвращает «энергию и жизненную силу политики в эпоху, предшествующую демократии, – к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров, стремясь получить от них привилегии» [5, с. 8-9]. Демократия процветает лишь при условии возможности активного участия простых людей в формировании повестки дня общественной жизни, когда большинство из них активно использует такие возможности, и, хотя во многом речь идет об идеальной модели, тем не менее именно это и задает определенный вектор социально-политического развития [5, с. 10].

Несмотря на сложившиеся демократические системы в ряде стран мира, взрывное развитие высоких технологий порождает новые вызовы демократии и делает перспективы ее развития в XXI в. весьма противоречивыми. Сегодня во многих западных демократиях просматривается тенденция, коррелирующая с воспроизводством уровня социального неравенства и проецировании его на реализацию политических прав, а именно: участие избирателей увеличивается с ростом доходов и возраста, а бедные имеют меньше влияния на политику и политиков и меньше голосуют. Поэтому с увеличением состоятельности повышается вероятность быть выслушанным, и наоборот.

Демократия предполагает свободу участия в самоуправлении политического сообщества, возможность народа контролировать правительство, то есть в основе концепции демократии лежит политическая свобода и обязательным условием является получение альтернативной, заслуживающей доверия информации. Однако, в эпоху высоких технологий данное условие все труднее реализовать, так как человек попадает в поток коммуникации и не то что не всегда может разграничить правду и ложь, он просто не в состоянии «переварить» весь объем информации, которая на него сваливается. Так, ежедневно в Twitter отправляется более 500 млн. сообщений, 800 млн. человек делятся 4 млрд. историй, ссылок, фотографий и видео на Facebook. Каждую минуту на YouTube загружается 100 часов видео [12, р. 7]. Следует отметить, что объемы потоков постоянно увеличиваются.

Социальные медиа становятся нервной системой планеты, умножая силу отдельных людей, информируя о выборе, формируют способы получения знаний о мире. Создается ситуация, когда каждый человек может выступить в роли автора и, используя социальное программное обеспечение, не обладая специальными знаниями в области кодирования, размещать, комментировать, перемещать, редактировать информацию и создавать сообщества вокруг разделяемых интересов [3, с. 230].

Великобритания – страна с развитым гражданским обществом и сформированными институтами парламентской демократии, в которой потенциал социальных медиа и быстро развивающейся коммуникационной системы стал активно использоваться в политических целях. Согласно статистическим данным в 2015 году Великобритания среди стран ЕС имела 5-й самый высокий

уровень проникновения интернета [13]. По уровню проникновения социальных сетей - 18-е место в мире. В начале 2017 года число пользователей социальных сетей в стране варьировалось в пределах 39-42 млн. чел. [15].

Учитывая, что своеобразным полем политической битвы все чаще становится информационное пространство, актуализацию получает вопрос границы применения в избирательной кампании социальных медиа и, соответственно, адекватного законодательного регулирования процессов, происходящих в период избирательных кампаний в силу того, что правила «игры» в Великобритании были введены в действие еще в 2000 году, то есть когда речь еще не шла об избирательных онлайн-кампаниях.

Следует отметить, что инициируемая реформа избирательного законодательства (при правительстве Т. Блэра), формирование Комиссии для выработки проекта избирательной реформы (во главе с Р. Дженкинсом) и принятие ряда законов в данной сфере, не обусловили существенных изменений в партийно-политической системе Великобритании и реализации принципов пропорциональности. Не решенными остаются и вопросы полноты охвата избирателей, то есть наполнения избирательного реестра. Так, в сентябре 2019 года по исследованию Избиркома Великобритании, 17% (9,4 млн.) человек, обладающих активным избирательным правом или отсутствовали в реестре избирателей, или не были зарегистрированы по своему текущему адресу (существуют отличия между молодежной когортой, арендаторами, людьми с низким доходом с одной стороны, и когортой пожилых белых людей, владеющих собственными домами). На середину ноября 2019 года – 25% чернокожих избирателей в Великобритании не были зарегистрированы для голосования. Кроме того, не имеют права участвовать в голосовании многие мигранты, не имеющие гражданства. Конечно, в целях исправления сложившейся ситуации в спешном порядке была инициирована регистрация избирателей, тем не менее вне избирательного процесса осталась большая доля потенциальных избирателей.

Парламентские выборы 2019 года в Великобритании стали свидетельством необходимости срочных изменений и адаптации избирательного законодательства к реалиям современной действительности. Избиратели должны понимать «кто стоит за кампанией и кто ее создатель». До сих пор остаются неурегулированными вопросы касательно деятельности онлайн-агитаторов (содержание интернет-материалов не подлежит контролю со стороны регулирующих органов), обеспечения достоверности распространяемой информации (партии всего спектра идеологий обвинялись в распространении ложной информации в интернете), финансирование выборов и т. п. Отчетливо проявилась тенденция: миллиардеры-доноры защищают положение и интересы, обладающих богатством и властью. Деньги в политике и предвыборной кампании развратили избирательную систему, превратив цифровой ландшафт в «игровую площадку» для элиты. То есть социальные медиа переместились с периферии в центр предвыборной агитации, которая приобрела оттенок изощренного цинизма, когда партии осознанно распространяли ложную информацию в целях улучшения своих электоральных перспектив [7].

Конечно, активное использование социальных медиа изменило проведение выборов 2019 года и принципы взаимодействия общественности с кандидатами, однако недобросовестное и неэтичное использование медиа (дезинформация, атаки на социальные сети как распространенная форма преследования кандидатов и т.п.) стали угрозой не только безопасности политических кандидатов, а и оказали разрушительное воздействие на гражданскую активность, ведя к ограничению политического участия населения [16].

Справедливые выборы весьма затруднительны в эпоху социальных медиа, так как позволяют использовать весь спектр недобросовестной конкуренции, например, покупка сайтов (например, консерваторы купили labourmanifesto.co.uk – в котором разместили ложную информацию о предложениях лейбористского манифеста; тори изменили свой аккаунт в Twitter, чтобы выглядеть как служба проверки фактов), отправление сообщений с поддельных аккаунтов, распространение информации, не только вводящей в заблуждение, а и откровенной лжи (например, вирусное видео, показывающее пресс-секретаря лейбористов Кейра Стармера, неспособного ответить на вопрос о позиции его партии по Brexit) и т. п. Ложь на выборах 2019 года носила систематический характер по сравнению с избирательными кампаниями прошлых лет, особенно со стороны Консервативной партии. Политики, конечно, прекрасно понимают, что последует обязательно опровержение недостоверной информации, однако, этому не придается значение, так как основная функция лжи заключается не в передаче сообщения как такового, а в его воздействии на аудиторию. Опровержение уже никого не волнует, так как все запомнят кричащие заголовки, то есть память об изначальной лжи

останется. В 2019 году правая пресса усиливает свою атаку на лидера лейбористов – Джереми Корбина, тори поддержали медиамагнаты [8].

В современном мире эмоции разного рода играют фундаментальную роль не просто в социальной передаче новостей и информации, а в том что одни истории захватывают и распространяются гораздо шире по сравнению с другими. Рост социальных медиа обусловил обмен информации без проверки ее достоверности, тем не менее распространение постоянной лжи подрывает доверие, создавая путаницу, делает аудиторию мало восприимчивой к сообщениям оппонентов, деформируя сами политические отношения и порождая кризис доверия демократическим институтам в целом.

Конечно, политика немыслима без профессионального и конструктивного эффективного управления информационными процессами и информационными потоками, однако она не должна редуцироваться лишь к вызову необходимых эмоциональных реакций и манипулированию общественным мнением. Тем не менее, по мнению российского политолога Сергея Володенкова, массовые представления о социально-политической реальности все в большей степени формируются под влиянием замещающих и искажающих ее цифровых виртуальных моделей, воздействие которых на общественное сознание постоянно возрастает [4, с. 17].

Новые технологии делают традиционное пространство политики более поляризованным, конфликтным и манипулятивным. Происходит фрагментация практически всего: наличие разнообразных каналов коммуникации; раскол внутрипартийных идеологий; сегментирование публичной сферы (мозговые центры, официальные внутренние и международные органы и т.д.); разброс диапазона вопросов повестки дня – от национальной безопасности и беженцев из ИГИЛ до социальной помощи и психического здоровья.

«Феномен Корбина» на выборах 2019 года в Великобритании повторить не удалось, консерваторы получили 365 мест (такое количество мест партия получила во время премьерства Маргарет Тэтчер), а лейбористы - 202 места (самый худший результат партии с 1935 года). Явка в 2019 году составила – 67,3%, оказавшись несколько ниже в сравнении с 2017 годом – 68,7% (достигла самого высокого уровня, зарегистрированного с 1997 года) [14]. Следует акцентировать внимание на том, что «политическое пробуждение» молодежи не смогло повторить результат 2017 года, тем не менее оно показало растущее углубление разделения поколений молодых и пожилых избирателей. Возраст, а не социальный класс постепенно становится ключевым расколом, разделяющим электорат по всей современной Британии, проецируясь на партийных предпочтениях. Например, поддержка лейбористов в 2019 году среди пожилых избирателей достигла рекордно низкого уровня – упала до 18% в рамках возрастной когорты старше 65 лет [10].

В выборах 2017 года консерваторы (на тот момент лидер Тереза Мэй) сделав упор в своей избирательной кампании на традиционных СМИ, ключевым образом изменили тактику на выборах 2019 года, когда лидером партии стал Борис Джонсон. Решив исправить «просчет» тори, по мнению старшего научного сотрудника Оксфордского университета доктора Ричарда Флетчера, активизировали использование социальных медиа, пригласив для организации избирательной кампании консультантов по социальным сетям из Новой Зеландии – Шона Топхэма и Бена Герина.

Следует отметить, противостояние на выборах развернулось в основном между двумя крупнейшими партиями – лейбористами и консерваторами. Они активно опирались на социальные сети, в том числе самую широко используемую – Facebook (охват 67% населения). Так, консерваторы увеличили выпуск сообщений в день с 3-х в 2017 г. до 21 – в 2019 г; лейбористы также немного нарастили – с 12 в 2017г. до 18 – в 2019 г. и т. п. Тем не менее взаимодействие с аудиторией было больше (лайки, комментарии и т. д.) у лейбористов, возможно у них был более привлекательный контент, в том числе и видео [9].

Однако, более существенным моментом, стала корреляция демографического фактора и пользование определенных социальных сетей. Instagram (74% пользователей в возрасте от 18 до 44 лет) привлекателен для молодой аудитории, Facebook или Twitter – для более зрелой. Лейбористы стремились вновь активизировать избирателей моложе 47 лет, которые с большей вероятностью голосовали бы за них, а не за консерваторов [17].

Таким образом, в современную эпоху демократия сталкивается с целым рядом проблемных аспектов, связанных с активным применением в политике достижений информационно-коммуникационной революции, что приводит к падению доверия к политическим лидерам и персонализации политики, эрозии демократических политических институтов, снижению уровня легитимности власти, принижению принципов гражданского участия и народовластия. Данные

метаморфозы выступают угрозой существования «классической» демократии, существования ее как формы государственного устройства и феномена политико-культурного характера.

Быстрые темпы социальных изменений и активное внедрение социальных медиа, с одной стороны, предоставляет широкие возможности для активного политического участия, формирования действенного инструмента продвижения ценностей демократии. Однако, с другой – тотальное внедрение новых медиа способно порождать неоднозначные, а зачастую деструктивные эффекты, например, в контексте наличия потенциала формирования умных толп и непредсказуемости влияния их действий на процессы социально-политической жизни в целом. Данный факт потенциально позволяет бенефициарам «мягко» реализовывать намеченные политические цели, воздействовать на избирательный процесс.

Современные информационно-коммуникационные технологии не столько противопоставляются традиционной среде офлайн существования, сколько имплементируются в нее, что порождает новые эффекты, зачастую трудно прогнозируемые и анализ актуальной практики, скорее, демонстрирует негативные по смыслу эффекты. Проблемы, проявившиеся в период парламентской избирательной кампании 2019 года, обнажили существенные пробелы в избирательном законодательстве Великобритании. Всеобщие выборы 2019 года, скорее всего, запомнятся как первая британская кампания «фальшивых новостей». Поскольку консерваторы вкладывали особенно большие средства в свою цифровую кампанию и использовали целый ряд тактик дезинформации по дискредитации оппонентов. Всеобщие выборы 2019 года продемонстрировали способности «быстрой мобилизации» голосов.

В целях придания последующим выборам цивилизованного характера, необходимо урегулировать следующие вопросы: авторство и заказчика цифровой рекламы; запретить дезинформацию и всю персонализированную политическую рекламу в интернете (например, таргетирование избирательных округов и т. п.); повысить прозрачность финансирования избирательных кампаний и т.д.

Гражданам должны «позволять» обладать возможностью осуществления собственного политического выбора без принуждения и / или скрытого манипулирования. Иначе результатом цифровизации может стать существенное падение уровня массовой политической культуры, тотальное распространение общественно-политической безграмотности и инфантильности, отчуждение граждан от реальных политических процессов и жесткий контроль за содержанием общественно-политического дискурса.

Список литературы

1. Ананьева, Е. В. Итоги и последствия парламентских выборов 2015 г. в Великобритании / Е. В. Ананьева // Выборы и избирательные кампании в Европе (2014–2015) – Elections and election campaigns in Europe (2014–2015) / [под ред. В. Я. Швейцера (отв. ред.) и др.]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2015. – 100 с.
2. Ананьева, Е. В. Разобщённая Британия / Е. В. Ананьева // Современная Европа. – 2017. – № 5 (77). – С. 5-15.
3. Быков, А. И. Технологии Веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? / А. И. Быков, О. Г. Филатова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – Серия 9. – Выпуск 2. – С.226-237.
4. Володенков, С. В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии / С. В. Володенков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 6–24.
5. Крауч, К. Постдемократия / К. Крауч / пер. с англ. Н. В. Эдельмана. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010 – 192 с.
6. Росенко, М. И. Особенности парламентской избирательной кампании Великобритании 2017 года: феномен «молодежетрясения» / М. И. Росенко, Е. В. Скребец, Л. Н. Гарас // Общество: политика, экономика, право. - 2020. - № 4 (81). - С. 13-18.
7. Cushion, S. Rethinking impartiality in an age of political disinformation / S Cushion // UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign / Ed. by Jackson D., Thorsen E., Lilleker D., Weidhase N. - 2019. – URL: <http://www.electionanalysis.uk/uk-election-analysis-2019/section-1-truth-lies-and-civic-culture/rethinking-impartiality-in-an-age-of-political-disinformation/> (дата обращения: 10.03.2020)
8. Davis, A. The election where British fourth estate journalism moved closer to extinction / A. Davis // UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign / Ed. by Jackson D., Thorsen E., Lilleker D., Weidhase N. – 2019. – URL: <http://www.electionanalysis.uk/uk-election-analysis-2019/section-1-truth-lies-and-civic-culture/rethinking-impartiality-in-an-age-of-political-disinformation/>

and-civic-culture/the-election-where-british-fourth-estate-journalism-moved-closer-to-extinction/ (дата обращения: 16.03.2020)

9. Fletcher, R. Did the Conservatives embrace social media in 2019? / R. Fletcher // UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign / Ed. by Jackson D., Thorsen E., Lilleker D., Weidhase N. – 2019. – URL: <http://www.electionanalysis.uk/uk-election-analysis-2019/section-6-the-digital-campaign/did-the-conservatives-embrace-social-media-in-2019/> (дата обращения: 18.03.2020)

10. Henn, M., Sloam, J. Another election, another disappointment: Young people vote left and are left behind at GE2019 / M. Henn, J. Sloam // UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign / Ed. by Jackson D., Thorsen E., Lilleker D., Weidhase N. - 2019. - URL: <http://www.electionanalysis.uk/uk-election-analysis-2019/section-2-voters-polls-and-results/another-election-another-disappointment-young-people-vote-left-and-are-left-behind-at-ge2019/> (дата обращения: 18.03.2020)

11. Henn, M., Youthquake 2017: the Rise of Young Cosmopolitans in Britain / M. Henn., J. Sloam. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. – 142p.

12. Hermida, A. Tell Everyone: Why We Share and Why It Matters / A. Hermida. – Doubleday Canada, 2014. – 272p.

13. Internet usage in the United Kingdom (UK) - Statistics & Facts // Statista Research Department. 2020. Feb 10. – URL: <https://www.statista.com/topics/3246/internet-usage-in-the-uk/> (дата обращения: 16.03.2020).

14. Johnston, R. Unprecedented interest or more of the same? Turnout in the 2019 election / R. Johnston, Ch. Pattie // UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign / Ed. by Jackson D., Thorsen E., Lilleker D., Weidhase N. – 2019. – URL: <http://www.electionanalysis.uk/uk-election-analysis-2019/section-2-voters-polls-and-results/unprecedented-interest-or-more-of-the-same-turnout-in-the-2019-election/> (дата обращения: 18.03.2020)

15. Social media usage in the United Kingdom (UK) - Statistics & Facts // Statista Research Department. 2020. Feb 10. – URL: <https://www.statista.com/topics/3236/social-media-usage-in-the-uk/> (дата обращения: 15.03.2020).

16. Stevens, D. The «coarsening» of campaigns / D. Stevens, S. Banducci, L. Horvath, A. Krouwel // UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign / Ed. by Jackson D., Thorsen E., Lilleker D., Weidhase N. – 2019. – URL: <http://www.electionanalysis.uk/uk-election-analysis-2019/section-1-truth-lies-and-civic-culture/the-coarsening-of-campaigns/> (дата обращения: 15.03.2020)

17. Walsh, M. GE2019 – Labour owns the Tories on Instagram, the latest digital battlefield / M. Walsh // UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign / Ed. by Jackson D., Thorsen E., Lilleker D., Weidhase N. – 2019. – URL: <http://www.electionanalysis.uk/uk-election-analysis-2019/section-6-the-digital-campaign/ge2019-labour-owns-the-tories-on-instagram-the-latest-digital-battlefield/> (дата обращения: 18.03.2020)

Статья поступила в редакцию 21.04.2020

Garas, L. N., Maksimova, E. N., Skrebets, E. V. *Features of Election Campaigns in the Context of the Information and Communication Revolution: the Example of Great Britain.*

The article examines the changes in the socio-political sphere that resulted from the spread of information and communication technologies, which changed the vectors of interaction between the state and society, transformed the process of political communication, and also proposed new ways to bring politically significant messages to the audience. It is emphasized that in modern conditions there is a wide range of Internet technologies (official media sites, social media) that are actively used in election campaigns of different countries and at different levels. The article analyzes the specifics of the UK's 2019 parliamentary election campaign.

Keywords: information and communication revolution, election campaign, social media, political process, Great Britain.

УДК 316.75:17.035.3

Наиболее вероятный сценарий развития современного кризиса – распад мира на несколько валютных и военно-политических макрорегионов, одним из которых должна стать Россия, которая наконец осуществит евразийскую интеграцию, став самостоятельным интеграционным центром влияния. Для реализации этой модели российской элите необходимо перейти от логики периферийности мышления и не пытаться встроиться в чужой – сначала западный, а теперь китайский – проекты. Для первого мы являемся финансовым, а для второго – сырьевым донором. Емкость рынка, который может претендовать на самостоятельный технологический центр развития, должна составлять не менее 200 млн. человек: для России это вопрос реинтеграции постсоветского пространства. Пространство, в свою очередь, – это важный элемент развития любой великой нации. Крым в этом контексте несколько поправил положение, но не кардинально. А новый мир, исходя из этого сценария – это мир новых и традиционных имперских пространств. В статье рассматривается генезис развития российских мироустроительных идей в различных исторических и геополитических условиях.

Ключевые слова: Россия, конкуренция, США, Китай, идентичность, международные отношения.

А. А. Ирхин, доцент, д-р полит. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: alex.irhin@mail.ru

О. А. Москаленко, канд. филол. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: kerulen@bk.ru

Л. П. Нелина, канд. полит. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: larisanelina@gmail.com

Н. Э. Демешко, ассистент
Севастопольский государственный университет
E-mail: natalidem93@mail.ru

РОССИЯ В ПОИСКАХ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И КОНКУРЕНЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В XXI ВЕКЕ

Окончание холодной войны и последующее разрушение советской идентичности стало не только поражением России в процессе противостояния с Западом, но имело диалектические последствия по втягиванию всего мира в кризис идей дальнейшего развития. В итоге, по прошествии нескольких десятилетий можно констатировать, что исчезновение глобальной угрозы для США и введомой ими коалиции стало не меньшим вызовом в пространстве идентичности для его целостности и дальнейшего целеполагания, чем разрушение советской системы для исторической России. Начавшийся после 1991 года период неопределенности в американской внешней политике заканчивается в 1997-98 гг., а последующие процессы создания однополярной системы консервируются глобальным экономическим кризисом и российско-грузинским пятидневным конфликтом уже в 2008 году – все это стало показателями пределов глобализации, и мир начал дрейфовать в сторону старых моделей логики «сфер влияния». В настоящее время система международных отношений прибывает в некоем равновесии между развивающимися тенденциями однополярного и многополярного мира. Уже после 2016 года администрация Дональда Трампа в своих доктринальных документах констатирует, что последние четверть века направления развития американской внешней политики была ошибочна. Все чаще звучат тезисы о новом американском изоляционизме [14; 15]. Однако, сам американский президент избегает термина изоляционизм, называя себя антиглобалистом [9].

По мнению американского исследователя Ч. Капчана, реинкарнация идей американского изоляционизма связана с поисками американской исключительности, которая должна дать ответы на вызовы времени. Он говорит об Изоляционизме 3.0, которому предшествовали Изоляционизм 1.0 и Изоляционизм 2.0 (Глобализм), связывая последний с новой внешней политикой США. Невозможно вернуться к первому варианту исключительности, поскольку он не отвечает новым вызовам, а

исключительность глобализма привела страну к кризису. Таким образом, США предстоит скорректировать все пять аспектов нарратива исключительности: исключительность географии, которая обеспечит автономию во внешней и внутренней политике; сильная вера в мессианскую миссию; социальное равенство и экономическая мобильность; исключительность англосаксов [13].

Китай – главный выгодополучатель существующих международных изменений – также находится в ситуации кризиса идентичности. Его экономические возможности позволяют перейти к глобальной экспансии, которая, однако, последний раз проводилась Пекином в XV веке [6, с. 33]. Серьезными ограничителями в глобальной экспансии Китая является его культурный код, который веками формировал замкнутое пространство Поднебесной и интеграция в рамках цивилизационного пространства Большого Китая [1, с. 25]. Кроме того, США начали включать механизмы сдерживания Китая, формируя стратегию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific) [7].

Целью публикации является исследование положения постсоветской России в процессе конкуренции мироустроительных идей великих держав, которые продолжают размывать модель однополярного мира, руководствуясь логикой сфер влияния, что объективно приводит к регионализации мирового порядка.

Методология исследования заключается в использовании цивилизационного и геополитического подходов.

В настоящее время конкуренция ведущих держав мира разворачивается в двух пространствах, являя собой борьбу за ресурсы и конкуренцию за смыслы и идеи, которые формируют власть над умами народов и целых цивилизаций. При этом цивилизация будет пониматься как наивысшая культурно-политическая общность, в основе которой лежат три основных фактора: Бог и отношение к религии, одинаковое и общее отношение к истории, и язык коммуникации и смыслов [12]. Смыслы – ядро информационных войн, превратившихся благодаря глобализации информационного пространства в стали оружием массового поражения, а целью оказывается разум каждого. В инфовойне, а значит, и в цивилизационной схватке Россия обороняется, опирается на логику вторичной идентичности: «Мы не Запад», «Мы не Восток».

Проблема идентичности для российского государства и общества оказалась не решена после распада СССР. Но не осмелимся утверждать, что не предпринимались попытки. Некогда бывшие атеистами, экс-коммунисты ударились в дикий капитализм, внедряя реформы по разгосударствлению советской экономики, и стали глубоко верующими людьми. Новая Россия приняла в качестве господствующей идеологии демократию западного образца [5, с. 3]. При этом массово грабилось население, переписывалась история, внедрялись информационные технологии и реформы, направленные на разрушение общества и крупницы того государства, которое сохранилось после проигрыша в холодной войне. Потом заговорили об особой, российской «суверенной демократии»: вроде и западной, но с российской спецификой. В следствие столкнулись Россия красная и Россия белая, и компромисса между ними быть не может. Ключевая точка конфликта белых и красных элит – интерпретация истории, исторических фактов, формирование исторической памяти. Построение дискурса решает многое: Октябрьский переворот или Великая октябрьская социалистическая революция, Сталин-тиран или Сталин – отец народов, Великая Победа или неоправданно высокая цена Победы, развал СССР как геополитическая катастрофа или гибель «империи зла» [2].

Сколь бы ни были велики материальные и технологические ресурсы, которые страна направит на то, чтобы создать для себя положительный имидж в мире, все усилия будут бесполезны, если не будет выдвинут цивилизационный проект – проигрыша и в информационной войне, и в цивилизационной как следствие, избежать не удастся. Привычной игры на антиамериканских настроениях, которые Россия традиционно использует в качестве «мягкой силы» как у себя, так и в странах третьего мира, не достаточно из-за явной субъектности по отношению к Западу.

Как отмечается, Россия подошла к этапу очередного передела мира на условиях размытой внутренней идентичности между «красным», «белым» и либеральным проектами, что делает ее внутреннюю консолидацию маловероятной, а внешнюю политику, по крайней мере, ее информационно-культурную часть неконкурентоспособной [3].

Российские политическая и экономическая элиты откровенно демонстрирует интеграцию в западный проект и свою либеральную природу: они выводят за границу финансы, приобретают на Западе недвижимость, дают западное образование детям. Сама модель российской современной экономики, несмотря на начавшееся холодное противостояние с Западом, остается подсистемой западной экономики и является периферийной по отношению к западному ядру [4]. Успешное противостояние при такой модели исключено. А вот отсутствие общих точек военно-политических и экономических интересов демонстрирует неопределенность проекта современной России. Элита

стремится сберечь и преумножить ресурсы, а народ хочет вернуть стране славу великой мировой державы и оправиться после четверти века унижений.

Из-за несформированности российской идеологии война за умы и сердца разворачивается на поле истории, превратившемся в поле информационных битв. Например, из-за крайней непродуманности, спонтанности информационной политики Российской Федерации в Украине после распада Советского проекта мы можем говорить о том, что информационная война, включая и ее историческое измерение, проиграна с сухим счетом, историческая память переписана, а абсолютно все исторические события, начиная с древнерусского периода и заканчивая современностью, получили крайнюю антироссийскую интерпретацию.

История и ее интерпретация являются столпом определения цивилизации, как наивысшей культурной общности. В этом контексте исторический сегмент новых российских смыслов должен будет однозначно интерпретировать факты истории России и истории международных отношений под разработанную политическую идеологию, не допуская возможностей неоднозначных суждений.

Поэтому, на данном историческом этапе развития Россия должна выдвинуть с одной стороны концептуально насыщенный, а с другой – понятный и доступный в пространстве смыслов проект для объяснения для себя и за рубежом следующих направлений: Кто мы? Куда мы идем? Во имя чего? Без этой мироустроительной российской концепции невозможно иметь по-настоящему успешную внешнюю политику и ее информационное измерение в условиях, когда западная цивилизация намерена построить новый мир за счет побежденной в холодной войне стороны.

Анализ выдвигаемых российских смыслов за последнее тысячелетие позволяет вывести три определенных контекста, в которых они существуют и востребованы у абсолютного большинства населения:

- 1) запрос на великую державу;
- 2) запрос на социальную справедливость;
- 3) запрос на сильную центральную власть, для реализации двух первых целей.

Исторический опыт показывает, что Россия мобилизуется только под абсолютные, масштабные и вселенские смыслы. Такие всплески на идейной основе прослеживались на протяжении всей истории России и связаны, прежде всего, с внешней угрозой и являлись ответом на нее. Под воздействием внешнего экзистенциального вызова российская элита выдвигала функциональные мироустроительные идеи, которые мобилизовали все слои населения в одном направлении развития. За последние 1000 лет это были идеи киевского митрополита Иллариона «Слово о Законе и Благодати», монаха Филофея «Москва – Третий Рим», сильной центральной власти и опричнины во времена Ивана IV, греческого проекта Екатерины II, идеи единения царя-отечества-православия и большевистского красного проекта с центральной концепцией социальной справедливости. Последние смыслы обеспечивали все составляющие электоральных ожиданий населения Большой России.

Причем эти запросы устойчивы во времени и сохраняются в русском и российском сознании сквозь века и различные политические режимы.

Первый запрос аргументируется не только желанием, но и реальностью: русские – единственная национальность из восточнославянских народов, которая смогла создать устойчивое государственное образование, которое трансформировалось впоследствии в великую державу. Второй запрос аргументируется географическим расположением: Россия формировалась в неблагоприятных евразийских условиях, когда совокупный экономический продукт был ниже, чем в Европе и Азии. Эти условия способствовали общинному укладу развития. И именно эти условия показали наибольшую эффективность: столыпинские реформы не были панацеей для решения аграрного вопроса – они скорее вымораживали излишек крестьянского населения, а колхозные формы производства, по сути, восстанавливали крестьянскую общину позднецарского и древнерусского периода, помноженную на механизацию труда. Именно реализация последней обеспечила продовольственную безопасность государства.

Поэтому запрос на социальную справедливость был неразрывно связан с сильной центральной властью вне зависимости от формы: князь, царь, император, генеральный секретарь партии, президент.

Первый труд в генезисе российских мироустроительных смыслов, написанный между 1037 и 1050 гг., – «Слово о Законе и Благодати» – принадлежит киевскому митрополиту Иллариону, обосновавшему такие принципы: необходимость на Руси мощной верховной власти, высокий моральный облик правителя, законность происхождения и деятельности власти, мирный курс внешней политики, божественную значимость русской земли [8].

Концепция монаха Филофея (16 век) «Москва – Третий Рим» определяет три элемента российской власти: наследственное происхождение и высокий нравственный статус правителя, божественную сущность власти и ее законное употребление власти.

Царь строг со всеми, кто отступает от правды, поскольку он «слуга есть божий в наказание согрешающим, а поставлен от Бога на всех творящих обиду и содевающих неправду». Но он заботлив и справедлив в отношении всех своих подданных [11].

Идеи Москвы как Третьего Рима были выдвинуты Филофеем в условиях падения под ударами турками Византийской Империи. Монах последовательно показывает, что после этого события на Россию обратилось высшее Провидение, с целью определения ее дальнейшей судьбы. Величие и славу России Филофей образно сравнивает с величием и славой Рима и особенно Византии, которая издавна в глазах всех русских считалась могущественным и блестящим государством. Россия отныне становится главным центром православия в мире, что налагает на нее обязательство защиты единоверцев во всем мире.

Именно с момента появления концепции Филофея «Москва – третий Рим», можно говорить о начале международной субъектности России в пространстве смыслов. Основными фронтами в данной конкуренции становится Запад (на тот момент великими державами Запада были Испания и Португалия, однако их мало интересовало восточное сухопутное направление политики; Польша, германские ордены), Юг (Османская и Персидская империи) и Восток (Казанское ханство). Однако мироустроительная субъектность России была определена, и этот факт давал огромный ресурс в данной конкуренции.

Следующий этап эволюции русских смыслов относится ко времени жизни и правления Ивана IV (1530-1584 гг.). Нет более мифологизированной личности в российской истории, чем фигура этого царя: его конфликт с боярской олигархией, ярким представителем которой являлся Андрей Михайлович Курбский, введение опричнины, внешнеполитические успехи на Востоке и неудачи на Западе, централизация власти и приращение русских земель на такую же территорию за счет Казанского и Астраханского ханств и продвижения русских на восток Евразии.

Переписка Ивана IV с Андреем Курбским дает полное представление о его политических подходах по сохранению и приумножению величия российского государства. Кроме того, в этот период Россия интегрирует в свою государственную систему большое количество мусульманского населения за счет расширения на Восток и впервые сталкивается с западными санкциями и изоляцией во время Ливонской войны. На уровне научного системного подхода Россия Ивана IV становится схожим государственным организмом с современной Российской Федерацией.

- 1) Царь имеет абсолютную власть божественного происхождения.
- 2) Данная власть обладает значительными нравственными началами.
- 3) Предназначение церкви – усиливать своим авторитетом сакральный характер власти царя.

Иван IV вступил в письменную дискуссию со своим подданным, сбегавшим в Польшу – Андреем Курбским [10]. Последний был представителем боярства, которое Иван Грозный в силу политических и экономических причин вынужден был урезать в правах. Идеалом Курбского было государство, в котором царская власть была ограничена боярскими гарантиями, а последним гарантировались неприкосновенные права от царской власти.

В целом, несмотря на колоссальную негативную мифологизацию фигуры Ивана IV, он оказался чрезвычайно умелым социальным архитектором, нашедшим выход в укреплении государства в виде механизмов опричнины, усмирения церкви и бояр с опорой на детей боярских (формирующееся дворянское сословие), умело интегрировал мусульманскую часть населения, создав при этом межконфессиональные механизмы внутри России.

По сути, Иван Грозный создавал класс служивых людей, требуя от них, чтобы на первом месте у них были интересы державные, а затем только собственные.

Далее в России новый смысловой этап развития начинается с попыток Петра I (первая четверть 18 века) присоединиться к европейской цивилизации через соотношение двух составляющих: конфликта и сотрудничества. Петр учился у Запада, создавал общеевропейскую коалицию против Османской Империи, воевал с ведущими континентальными державами этого же Запада. После победы в Северной войне над Швецией и покупки Прибалтики по Ништадтскому миру начинается период Российской Империи. Время Петра дало пассионарный толчок к формированию таких идейных течений, как западники и славянофилы. Период Петра – это было время грандиозного преобразования России на европейский манер, со значительными преобразованиями государства, однако в пространстве смыслов Россия впервые стала вторичной в плане идентичности, так как, надев маску Запада, она не смогла стать Западом. Французские философы того времени начали называть Петра «северным турком, вторгавшимся в европейские дела». Во время Петра проявился и украинский вопрос, аналогия которого повторяется в современных российско-украинских

отношениях. В истории России И. Мазепа является предателем, тогда как для современной Украины национальным героем.

Греческий проект Екатерины II (был изложен в письме Екатерины II в 1782 году) был следующим этапом эволюции российских мироустроительных смыслов. По сути, греческий проект по продвижению российских интересов на юге и восстановлению под скипетром русского царя или императрицы Византийской Империи имел цивилизационное и геополитическое измерение. Он предполагал освобождение Константинополя и всех христиан Османской Империи и создание, таким образом, обширной сферы влияния на юге Евразии. К разделу Османской империи Екатерина предлагала привлечь европейцев, Священную Римскую империю и Венецианскую республику. Англия и Франция усмотрели в этом проекте прямую опасность для своих интересов в Средиземноморско-черноморском регионе. В греческом проекте можно усмотреть продолжение развития идеи монаха Филофея «Москва – третий Рим» в новом издании: сильной России, защищающей всех православных христиан в независимости от национальности и подданства.

Во внутренней политике Екатерина II руководствовалась принципами просвещенного абсолютизма. Однако едва ли внутреннюю политику великой императрицы можно считать эталоном государственности: привилегии дворян расширялись за счет модели значительного угнетения и закрепощения низов России – крестьян. В ответ она получила террор и крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева.

Следующим этапом эволюции российских смыслов можно считать выдвижение принципов «Православие – Самодержавие – Народность», сформулированных при Николае I, которые просуществовали до реализации красного большевистского проекта в России.

Последний заслуживает отдельного внимания. Красный большевистский проект в пространстве смыслов удовлетворял всем социально-политическим ожиданиям абсолютного большинства населения России. Он замораживал национальную проблему, разрешал аграрный и рабочий вопросы. По сути, большевики пересобрали Российскую империю на основе новых смыслов. На их базе была проведена модернизация России – грандиозный технологический рывок 1930-х гг., на инерции которого существует современная РФ. В последние 25 лет идет негативная мифологизация советского периода, однако, по сути, в историческом плане, он повторял кривые развития России при Иване IV и Петре I, когда Россия делала значительные рывки в своем развитии, вызванные внешними угрозами и необходимостью сохранения своего государства.

Идея должна находить материальное подкрепление, и в этой связи очень показательны внешнеполитические успехи России в рамках деятельности Екатерины Великой и Иосифа Сталина.

Из анализа модели Екатерины Великой видно, как, успешно играя на разобщенности Запада, оказалось возможным вернуть русские земли, прорывным образом продвинуть российские интересы, оставаясь при этом экономической периферией Запада. Отметим, однако, и наличие Греческого проекта как воплощения смыслов, предлагаемых за пределами государства и воспринимаемых внутри страны.

Реализованная И. В. Сталиным модель продемонстрировала как вне зависимости или в относительной зависимости от баланса центров силы, можно воплотить проектную экономическую, военно-политическую, технологическую, культурно-духовную и смысловую автаркию [2].

Итак, окончание холодной войны и последующее разрушение советской системы привело к кризису дальнейшего целеполагания развития мира для всех ведущих держав – прежде всего США и ведомой ими коалиции. Китай, являясь, главным выгодополучателем международных изменений, перешел к глобальной экспансии, опыт которой был у него в последний раз в XV веке.

Однако самые драматичные последствия окончания холодной войны испытала на себе Россия, подтвердив закон геополитики, о том, что новые системы международных отношений создаются за счет ресурсов проигравшей стороны. Россия не только потеряла веками осваиваемые геополитические пространства, но и лишилась национальной (имперской) идентичности. В ближайшее время руководство Российской Федерации должно выдвинуть цивилизационный проект развития России, параметры которого будут понятны внутри страны, притягательны для ближайшего окружения и идентифицировать Россию в ряду великих мировых держав.

Времена меняются, но интересы держав и модели их взаимодействия остаются. Коронавирусная инфекция может стать поводом или даже причиной столкновения США и Китая. Этот фактор уже в значительной степени используется во взаимных обвинениях лидеров двух держав. Российские же интересы должны лежать не в участии в антикитайских коалициях, равно как и в антизападных, а в использовании кризиса для формирования Евразийского союза, восстанавливающего единство постсоветского пространства: в экономической, технологической, военно-политической и идеологической его целостности. Однако этот проект не будет возможен без новой российской (евразийской) идентичности.

Список литературы

1. Ирхин, А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А. А. Ирхин. – Севастополь: Ребест, 2011. – 293 с.
2. Ирхин, А. А. Борьба за «умы и сердца» народа Украины: российские позиции и причины упущенных возможностей // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – №1. – С. 64-70.
3. Ирхин, А. А. Информационная конкуренция великих держав и «мягкая сила» России: причины упущенных возможностей // Вестник развития науки и образования. – 2015. – №6. – С. 33-40.
4. Кагарлицкий, Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 596 с.
5. Кара-Мурза, С. Россия и Запад: Парадигмы цивилизаций / С. Кара-Мурза. – М.: Академический Проект; Культура, 2011. – 232 с.
6. Кеннеди, П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. / П. Кеннеди. – Екатеринбург: Гонзо, 2018. – 848 с.
7. Лексютина, Я. В. Роль Китая в стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский региона» Д. Трампа / Я. В. Лексютина // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2019. – Том 19. – № 1. – С. 22-32.
8. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева) / Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 176 с.
9. Москаленко, О. А. Риторика Дональда Трампа и интертекст американских СМИ как факторы формирования общественной реальности / О. А. Москаленко // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – №4. – С. 82-88
10. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1155-perepiska-ivana-groznogo-s-andreem-kurbским> (дата обращения 12.03.2020)
11. Послание старца Филофея. Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения 12.03.2020)
12. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
13. Cupchan, Ch.. The Clash of Exeptionalisms / Ch. Cupchan // Foreign Affairs. – 2018. – 97 (2). – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/clash-exceptionalisms> (дата обращения 12.03.2020)
14. National Security Strategy of the United States of America (2017) – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 12.03.2020)
15. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge (2018). – URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения 12.03.2020)

Статья поступила в редакцию 2.04.2020

Irkhin, A. A., Moskalenko, O. A., Nelina, L. P., Demeshko, N. E. Russia in the Search of New Identity: History and Contest of Civilization Projects in the 21st Century

The most likely scenario for the development of the current crisis is the collapse of the world into several currency and military-political macroregions, one of which should be Russia, which will finally carry out Eurasian integration, becoming an independent integration center of influence. To implement this model, the Russian elite needs to give up peripheral thinking and trying to integrate itself into Western or Chinese projects as in the first case we are a financial resource and a commodity donor in the second case. The market capacity, which can lay claim to an independent technological development center, should be at least 200 million people: for Russia this is a matter of reintegrating the post-Soviet space. Space, in turn, is an important element in the development of any great nation. Crimea has somewhat corrected the situation, but not dramatically. And the new world, based on this scenario, is the world of new and traditional imperial spaces. The article examines the genesis of the development of Russian worldview ideas in various historical and geopolitical conditions.

Keywords: Russia, competition, the USA, China, identity, foreign relations

УДК 17.022.1:[316.46:32]

В статье рассматриваются функции политического языка в контексте основных его функций, определяется роль имиджеобразующей функции в формировании имиджа политического лидера. Автор утверждает, что функция формирования имиджа политического лидера делает его привлекательным для общественности, что позволяет решить конкретную политическую задачу. В данном процессе ведущая роль отводится политическому языку.

Ключевые слова: политические технологии, политический язык, функции политического языка, имидж, политический лидер.

Е. Ю. Шавардова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: lenash_72@mail.ru

ИМИДЖЕОБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Стремительное развитие демократических процессов в обществе и активное участие современного человека в политических изменениях, происходящих в социуме, побудило политических лидеров, для достижения своих политических целей, к использованию методов воздействия на людей с целью изменения их политического поведения, то есть применять политические технологии. Политические технологии – это искусное воздействие на мотивацию людей, на их сознание и подсознание, это умение побуждать людей действовать в соответствии с интересами политического субъекта и при этом поддерживать у них ощущение свободы своего выбора, естественности совершаемых ими действий. Наиболее общей причиной формирования политических технологий является потребность человека в рациональном, экономичном и эффективном способе реализации конкретных целей в политическом пространстве.

Как сформулированные методы достижения власти, политические технологии реализуют функции политической системы, направленные на повышение эффективности политического процесса и достижения желаемых результатов в сфере политики. Их грамотное, квалифицированное использование позволяет воздействовать на индивидуумов, на политический процесс, а субъектам политики бороться за реализацию своих интересов и добиваться поставленных целей. Этими действиями создается позитивный или негативный имидж политической власти. Сегодня политические технологии выступают базой для создания имиджа политической власти и политического лидера. Имидж лидера включает в себя разнородные факторы, важнейшие из них – известность, популярность и авторитет, на утверждение которых и направляется пропаганда имиджа. Формируют благоприятный имидж политика различные компоненты, это и целеустремленность, энергичность, организаторские способности, компетентность и готовность брать на себя ответственность, способность внушать людям доверие и другие. Также положительный имидж формируется через сказанное слово, манеру выступления, тональность, грамотность речи, эмоциональную окрашенность, образный ряд, орфоэпию, чувство меры в одежде, в том числе следование моде – все эти компоненты в целом определяют его политический успех. Язык это орудие и объект политики. Он отражает все политические события, благодаря чему они становятся способными к обсуждению и определяют способ восприятия политической действительности. Политический язык – это средство передачи информации политического содержания. Таким образом, политический процесс развивается вместе с языком. Политический язык как сложная знаковая система отражает существующую политическую реальность, благодаря чему она становится способной к обсуждению, и определяет способ восприятия политической действительности, изменяется вместе с ней и одновременно участвует в ее создании и изменении. В современном мире яркая политическая речь как проявление и функционирование политического языка все чаще становится материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий.

Таким образом, политический язык становится формой осмысления политической действительности, он способствует усвоению человеком политических ценностей, норм, представлений и обеспечивает его социализацию. Политический язык дает возможность получения определенного типа знаний, потому что язык влияет на то, как мы воспринимаем мир.

Политический язык как средство человеческого общения выполняет различные функции, адекватно намерениям и желаниям отдельной политической личности и, в целом, задачам человеческого сообщества. Информационная функция политического языка отвечает за распространение в обществе необходимых сведений и знаний о политической системе, государственном устройстве и политическом процессе. Эта функция реализуется посредством вербального общения, то есть осуществляется через общение людей, через их практическое взаимодействие, поэтому информационная функция неразрывно связана с коммуникативной функцией. Через информационную функцию в политике осуществляется необходимое управление поведением общества, она позволяет людям осуществлять обмен знаниями, привычками, умениями, способностями. Кроме простого информирования, политический язык выполняет интерпретационно-оценочную функцию, поскольку языковые знаки всегда несут в себе определенную оценку, что, накладываясь на информацию, которая передается с помощью их, предоставляет ей определенную интерпретацию. Любое политическое действие строится на оценочном компоненте, будь то избирательная кампания или комментарии политического события. Само государство строится на формировании в обществе собственной положительной оценки.

Как говорилось выше, с информационной тесно связана коммуникативная функция, которая заключается в том, что с помощью политического языка происходит налаживание общения, взаимодействия между субъектами политики, в частности между властью и гражданами. Коммуникативная функция направлена на то, что переданная информация должна привести к изменению политического сознания адресата, который приведет к определенным действиям.

Важной является функция формирования общественного политического сознания, когда с помощью политического языка происходит отображение политической действительности, при его посредничестве формируются политические идеалы, ценности, нормы, правила политического поведения, представление о политических институтах, отношениях между властью и гражданами и т. п. Функция формирования политического сознания обязана побуждать к осуществлению действий, что может осуществляться как в форме прямого обращения (в таких жанрах, как лозунги, призывы и прокламации, законодательные акты), так и в создании соответствующего эмоционального настроя (надежды, оптимизма, гордости, уверенности, чувства единства, враждебности, ненависти и др.).

Определяющей функцией, которая выделяет политический язык из общего языкового контекста, является функция убеждения и контроля. Использование выразительных возможностей языка, подбор языковых знаков, наделение терминов и понятий определенными значениями – все это в политическом языке направлено на осуществление влияния как на индивидуальное, так и на массовое политическое сознание и контроль за поведением граждан. Отсюда и суггестивная функция политического языка, функция вербального влияния на психику реципиента. Она обращена к несознательным механизмам психической деятельности и управлению функциями организма, апеллирует к эмоциям и чувствам, вызывает ассоциативные образы, благоприятные для восприятия информации. Суггестивное влияние проявляется как совокупность языковых средств и приемов направленного влияния на психику реципиента с целью изменения его установки. Тогда как манипулирование, следующая функция политического языка, в отличие от влияния, побуждает человека и заставляет его хотеть выполнить эти определенные действия, и человек верит, что делает свой собственный выбор, что позволяет осуществлять скрытое управление сознанием и поведением людей в желательном для субъектов власти направлении.

Также политический язык содействует выработке общественного консенсуса, то есть, совпадения во взглядах и действиях субъектов политики, организации и координации политической деятельности, принятию и обоснованию политических решений. Тогда политический язык выполняет функцию консолидации.

Функции политического языка это практическое проявление сущности политического языка, реализация его назначения в системе общественных явлений. Можно с уверенностью выделить и такую функцию политического языка как имиджеформирующую, когда посредством языка формируется публичный образ человека, функцию необходимую для создания образа, представления о политическом лидере, формирования доверия ему.

Имиджеобразующая функция направлена на создание имиджа политического субъекта, то есть на сознательное конструирование определенных свойств и качеств субъекта, делающих его привлекательным и интересным для общественности и позволяющих решить конкретную политическую задачу с его участием, как, например, добиться политического успеха, победить на

выборах, повышение рейтинга популярности политического деятеля, повышение легитимности власти и т.д.). В этом смысле имидж представляет собой важнейший структурный компонент сферы политики, при помощи которого властвующие субъекты поддерживают связи с населением, пытаются оказывать на общественное мнение целенаправленное воздействие.

Впервые понятие имиджа появилось в 60-80 годах XX столетия в области общей и социальной психологии в исследованиях зарубежных ученых. Его содержание толковалось преимущественно в контексте теории восприятия, деятельности, общения и социального познания. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает пять различных определений слова «образ»:

1. В философии: предмет и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека.

2. Вид, внешность.

3. Живое, наглядное представление о каком-либо предмете или объекте.

4. В литературе, искусстве: обобщенное художественное отображение действительности, которое предстает в форме конкретного, индивидуального явления.

5. В художественном произведении: тип, характер [3].

Благодаря таким этимологическим определениям понятия «образ» и приобретает традиционного значения, как вид, подобие. В аспекте массовой культуры художественный образ, приобретая публичности, начинает существенно отличаться от своего прототипа, приобретая формы социального мифа. В плоскости социальной мифологии художественный образ меняет свои функции, и приобретает качества клише – логотипа, с которым связывают те или иные обобщенные представления о профессиональных качествах актера, певца, журналиста.

Художественный образ под влиянием массовой культуры превращается в имидж-образ, который способствует распространению тех или иных идей, представлений и т. п. Создание имидж-образа является эффективным средством обработки массового сознания, манипуляции с ней и происходит это потому, что имидж обобщает те ключевые моменты, на которые безошибочно реагирует массовое сознание.

Стоит отметить, что образ – это результат психического отражения того или иного объективного явления. В процессе этого отражения возможны преобразования исходной информации, поэтому образ не обязательно представляет собой точную копию отображаемого. Все эти характеристики можно применить и в отношении имиджа. Однако слово «имидж» не является синонимом слова «образ». Имидж определяют как экспрессивную, выразительную сторону образа.

«Правильнее будет определить имидж, – отмечает Е. Б. Перельгина – как разновидность образа, а именно такой образ, прообразом которого является не какое-либо явление, а субъект» [4].

Таковыми субъектами могут быть, в первую очередь, человек, потом организация, коллектив, группа, и наконец, любой предмет, если ему в процессе создания и восприятия его образа предоставляются личностные, человеческие качества. В этом случае можно говорить об имидже города, имидж товара, имидж газеты, журнала и т. п.

Также у ученых вызывает заинтересованность знаковая, информационно-символическая природа имиджа. Так, В. М. Маркин указывает: «Имидж – это не маска, не украшение своего профессионального образа. В реальной жизни, конечно, существует и это. Но этот аспект в технологии имиджа, по моему мнению, не главный. Главными здесь являются возможность передать информацию о себе, о своих истинных убеждениях, идеалов, планов, действий» [2]. «Учитывая знаковую природу имиджа, его можно рассматривать, – свидетельствует А. Б. Перельгина – как адресованное аудитории сообщение о том, что клиент обладает определенными свойствами. Для того, чтобы аудитория смогла воспринять такое сообщение, оно должно быть написано понятным языком, а, следовательно, использовать знакомые ей символы (знаки) в их обычных значениях» [4].

А. П. Федоркина и Г. Ф. Ромашкина характеризуют имидж как «социально-психологическое явление, отражающее влияние на него не только сознательного, но и бессознательного компонентов психики разных социальных групп, мотивации их поведения, а также формулирования образов, которые вызваны сегодня народными массами» [6].

Нередко можно услышать определение, что имидж – это стиль и форма поведения человека, причем преимущественно внешняя сторона его поведения в обществе. Иногда имиджем называют «набор значений и впечатлений, благодаря которым люди описывают объект, запоминают его и начинают относиться к нему определенным образом, иначе говоря, благодаря которым объект становится известным» [1]. При этом, как правило, уточняется, что объектом имиджа чаще всего

является человек, группа людей или организация, и значительно реже – неодушевленные предметы (товары, услуги, продукты), по которым чаще всего употребляется понятие «образ».

В определениях понятия «имидж» подчеркивается, что имидж содержит не только природные свойства личности, но и специально разработаны, созданы, сформированы. В других определениях отмечено, что имидж во многом определяется объективными характеристиками объекта, в частности, имидж человека определяется его психологическим типом и соответствием запросам времени и общества. И то, и другое, безусловно, правильно.

Многие специалисты по имиджу включают в это понятие не только внешность человека, которая создается благодаря ее анатомическим особенностям и стилю одежды, но и практически все характеристики, доступные восприятию. Так, Полли Берд отмечает, что имидж – это «полная картинка вас, которыми вас видят другие. Она содержит то, как вы выглядите, говорите, одеваетесь, работаете; ваши умения, вашу осанку, позу и язык тела, ваши аксессуары, ваше окружение» [4].

Только некоторые специалисты, как правило, те, которые в своей практической деятельности специализируются именно на улучшении внешности клиента, используют термин «имидж» в узком значении, имея в виду только внешность (лицо, речь, прическу, стиль одежды и т.д.). В. М. Шепель, не считая имидж одной лишь внешностью, отмечает, что имидж прежде всего визуальный образ и напоминает о том, что имидж: «Это – визуальная привлекательность личности. Счастлив тот, кто от Бога наделен привлекательным имиджем, однако, как правило, многие вызывает симпатию у людей благодаря искусству самопрезентации» [7].

Сегодня политический имидж является методом и средством налаживания контакта с народом, формой управления настроениями народа, и способом проецирования социальных проблем на политику. Имиджеобразующая функция создает имидж организации, положительный и устойчивый образ в восприятии компании, как во внешней среде, так и во внутренней. Объектами имиджа могут быть как отдельные личности (политические лидеры), так и корпоративные структуры (партии, движения) и даже государства в целом или межгосударственные организации. Коммуникативные характеристики являются одними из базовых составляющих имиджа политика.

В основе технологий формирования политического имиджа лежит то или иное политическое действие или высказывания политика, которые могут послужить предпосылкой формирования благосклонного расположения общественности. Имидж формируется целенаправленно путем контроля над содержанием распространяемой информации и коммуникационными потоками. Политик заинтересован в направленном конструировании своего имиджа, так как в этом случае имиджу можно придать те черты, которые позволят вызвать позитивное отношение населения к нему. При подготовке и проведении избирательной кампании данное направление деятельности команды кандидата становится ключевым.

По утверждению Г. Почепцова, определяющим для имиджа является его информационно - коммуникативная составляющая часть, поэтому он рассматривается как инструмент общения с массовым сознанием.

Правильно подобранный и сложившийся имидж является наиболее эффективным способом работы с массовым сознанием.

Это утверждение он проводит через призму функционального аппарата имиджа:

- функция идеализации - именно благодаря имиджу желаемое выдается за действительное;
- функция противопоставления - имидж учитывает контрастное представление о действительности (злого человека можно увидеть только на фоне хорошего);
- функция идентификации - имидж задает апробированные пути идентификации объекта, следовательно, облегчает человеку возможность прогнозирования действий этого объекта [5].

Имидж-образ должен учитывать особенности публичного или внешнего «Я» человека, а также то, как они могут быть восприняты в конкретной социальной среде. В таком понимании имидж и выступает как способ социализации личности, ведь заставляет его играть ту роль, которая является оптимальной для этих социальных условий.

Рассмотренная особенность указывает на то, что имидж является средством аккумуляции определенной мировоззренческой информации. Вопрос только в том, в каком ракурсе эта информация воспринимается.

Коммуникативное обращение – эффективный вид сообщения в этом виде коммуникации, способен пройти сквозь фильтры недоверия и невнимания, которые характерны для массового сознания. Консервативный характер массового сознания позволяет опираться на модели, которые

уже были апробированы человечеством. Они имеют каждый раз новую реализацию, но в значительной мере используют старые штампы. Имидж действует в условиях, которые не очень благоприятны для его распространения. По этой причине он должен быть построен так, чтобы добиться однозначной реакции на него аудитории.

В формировании имиджа присутствует очень важный параметр манипулирования, который отмечают многие исследователи – два уровня действия. Явный уровень выполняет функцию «легенды», что маскирует истинные намерения манипулятора. Скрытым уровнем является тот, на котором как факт действия, так и его цель тщательно скрываются от адресата. Это опять попытка построения двойного сообщения, желание обойти фильтр аудитории, влиять на нее на подсознательном уровне. Эффективная коммуникация не столько задает новые сообщения, сколько подключается к наличествующим в массовом сознании представлениям.

Для формирования благоприятного имиджа специалистами уже заложены основные постулаты речевой грамотности, техники речи, голосовых качеств. Политическая речь как практическое применение политического языка – центральный элемент личного имиджа, поскольку воспринимается в совокупности с внешностью, манерой одеваться, двигаться. К вербальным средствам, которые используются для формирования положительного имиджа политической личности, корректировки или изменения своего образа в глазах других людей можно отнести такие привлекательные качества человеческой речи как умение говорить без бумажки (спонтанная речь), ясность, точность, логичность, уместность, чистота, правильность, лаконичность, выразительность, доходчивость, самобытность, богатство и др.

Человек воспринимает мир с помощью структур, которые не равны сообщению. Это типичные сценарии, описывающие правила, согласно с которыми построены в нашем представлении части мира. Искусственно созданный по заказу конкретной социальной группы тот или иной имидж через его носителей навязывается в сознании широких масс. Качественно спланированный политический имидж способен внушать определенный состав мыслей и чувств, действует на подсознание людей и воспринимается без возражений.

Список литературы

1. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 320 с.
2. Маркин, В. М. «Я» как личностная характеристика государственного служащего / Имидж госслужбы / В. М. Маркин. – М., 1996. – С. 67–73.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
4. Перельгина, Е. Б. Психология имиджа / Е. Б. Перельгина. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.
5. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук»; – Киев: «Ваклер», – 2002. – 704 с.
6. Федоркина, А. П., Ромашкина Р. Ф. Проблемы имиджа в контексте социального психоанализа / Имидж госслужбы / А. П. Федоркина, Р. Ф. Ромашкина. – М., 1996. – С. 83-95.
7. Шепель, В. М. Имиджелогия: секреты личного обаяния / В. М. Шепель. – М.: Культура и спорт; ЮНИТИ, 1997. – 382 с.

Статья поступила в редакцию 8.04.2020

Shavardova, E. Yu. Image-forming Function of Political Language

The article considers the functions of political language in the context of its main functions, defines the role of the image-forming function in the formation of the image of a political leader. The author claims that the image-forming function makes a political leader attractive to the public, which allows to solve a specific political problem. Political language plays a leading role in this process.

Keywords: political technologies, political language, functions of political language, image, political leader

УДК 321.013(470)''2014.03.18'':070(44)

В статье представлен сравнительный анализ публикаций французского медиапространства, в которых освещались события Крымской весны 2014 года и крымская повестка 2018-2019 годов. Практические наработки исследования могут быть применимы в процессе формирования имиджа Республики Крым и Севастополя как российских регионов во французском медиапространстве. Результаты анализа показали постоянное присутствие ключевых событий в Крыму во французских СМИ, уменьшение доли негативно окрашенных публикаций о событиях Крымской весны, упоминание Крыма в привязке к российской принадлежности, что говорит о медийном признании нахождения полуострова в российском поле и связи крымского дискурса с Россией и ее внутривластным полем.

Ключевые слова: медиапространство, медиаобраз, Крымская весна, Франция.

О. В. Ярмак, доцент, канд. социол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: sociocentre@sevsu.ru

А. С. Цепкова, магистрант

Севастопольский государственный университет

ОБРАЗ КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ФРАНЦИИ⁴

Актуальность исследуемой темы обусловлена противоречивостью и неоднозначностью информационной оценки событий Крымской весны во французском медиапространстве, вследствие чего формируются деформации в медиаобразе и общественном мнении, что влечет негативное отношение к России в целом и к Крыму, в частности со стороны французского общества.

С научной точки зрения осуществленное исследование реализовано в рамках направлений в области имагологии – науки об образах. Ученый-компаративист Хуго Дизеринк пишет об имагологии так: «Сравнительная имагология стремится в первую очередь к тому, чтобы исследовать и постичь определенные формы проявления образов (стран или народов), равно как момент их зарождения и их бытование. Кроме того, он хочет способствовать тому, чтобы осветить ту роль, которую играют такие литературные образы при встрече отдельных культур друг с другом» [14]. Неотъемлемый вклад в имагологию внесли как западные (Лерссен, Беллер [15]), так и отечественные ученые (Г. Г. Почепцов, И. В. Морозова, В. А. Хорев, А. Р. Ощепков и др. [7, 9, 10, 12]). Исследователи уделяют внимание процессам формирования образов народов и государств, анализируют предпосылки их взаимного восприятия. Считаем, что данное научное направление может содействовать анализу образа Крымской весны как медийного явления во французском медиапространстве. При анализе образа событий Крымской весны необходимо разграничить понятия «образ» и «медиаобраз»: если первое формируется исторически в общественном сознании другой нации, то второй создается в международной или региональной медиасистемах и влияет на формирование образа страны в целом.

Неотъемлемой частью исследования является понимание медиа как социального феномена. Исследователь медиа Маклюэн термин «медиа» понимал как любые внешние расширения человека [6]. Сюда Маклюэн относит и одежду, и предметы быта, и каналы коммуникации, и устную речь и многое др. Классическими в контексте рассматриваемой проблемы являются работы представителей символического интеракционизма (Ч. Кули, Дж. Мида и др.), в которых обосновывается значимость символического общения, в том числе в коммуникативной среде и медиапространстве. Базовыми для нашего исследования являются работы И. Гофмана и разработанный им подход, рассматривающий образы в качестве посредников культурной коммуникации [3]. Специфика социологического подхода к анализу образа и механизмов его формирования представлена в работах Т. Адорно [1]. Анализу коммуникации как механизму социокультурного взаимодействия были посвящены работы Н. Лумана, Ю. Хабермаса [5, 11].

⁴ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие методов агентного моделирования и больших данных для анализа социальных медиа в постконфликтных обществах» (Идентификатор 28/06-31, утверждён приказом проректора по научной и инновационной деятельности ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» от 14.04.2020 № 556-н).

В рамках исследования используется системно-деятельный подход, изучающий медиапространство как продукт культурной и социальной среды; концепция символического интеракционализма, рассматривающая медиапространство как производителя и хранителя символов и норм.

Для того, чтобы понять специфику формирования образа событий в медиа и факторы, влияющие на этот процесс, авторы сперва обращаются к понятию «медиаобраз». Данное понятие составное, но в его основе лежит категория «образ». Часто, говоря об образе в информационном пространстве, упоминают термин «имидж». Оба эти термина используются как синонимы, однако это не всегда возможно. В поле социальных исследований, в которых акцент сделан на построении взаимовыгодных и полезных отношений, т. е. гармоничного социального взаимодействия, узкая трактовка имиджа оказалась непродуктивной. Более глубокое представление об «имидже», которое раскрывало бы его как процесс и предпосылку для формирования соответствия слов и действий, дискредитировано наследством узкой трактовки. Видный отечественный психолог А. А. Бодалев отмечает, что образ – это «отражение какого-то объекта действительности в чувственной форме. Однако использование его в повседневной жизни людей более многозначно. В его содержание включается и понятийное знание, и эмоциональный отклик на объект, который является носителем того или иного имиджа [2, с. 32].

Итак, образ – это продукт сформировавшегося результата, без применения каких-либо целенаправленных усилий. Именно поэтому, важнейшим составляющим образа является его противоречивый характер, ведь конечная цель не была задана первоначально, а в случае же существования, то не были подобраны средства ее достижения, следовательно, получившийся образ не мог стать стабильным и результативным. Имидж же – это сознательно сформированный образ, иными словами, целесообразно и программно конструируемая категория. Говоря другими словами имидж создается благодаря объектам согласно с четко поставленными задачами, по конкретным программам, посредством необходимых технологий. Как правило, именно социальное развитие – привлекает к себе критические убеждения общества: нередко «имидж» разъясняется как не соответствующая действительности объекта, в таком случае «образ», предполагает собой соблюдение принципов подобия реальности. В процессе создания имиджа не должно быть ничего манипулятивного: следует, для того чтобы имидж соответствовал предложенному объекту, в противном случае, во-первых, нарушатся этические нормы общественной коммуникации, во-вторых, такая деятельность в любом случае не будет эффективной.

Итак, событие в сознании журналиста предстаёт в виде образа этого события. Образ события описывается им при помощи текста, конечной задачей которого является создание аналогичного образа того же события у реципиента. В этом процессе могут возникать намеренные и ненамеренные деформации [4].

Проблемное поле исследования состоит в том, что существует противоречие между образом Крымской весны в России и тем, как эти события представлены в медиапространстве Франции. Авторы провели качественный анализ информационных материалов французских электронных изданий с 2014 по 2019 годы. Задачи исследования состояли в определении динамики и тенденций в интерпретации образа событий Крымской весны в медиапространстве Франции за исследуемый период.

В ходе анализа публикаций использовался метод контент-анализа, позволяющий исследовать текстовое содержание интернет-изданий Франции. С помощью метода контент-анализа можно определить степень соответствия сообщений намерениями коммуникатора, изучить связи между характеристиками сообщения и реакциями на него аудиторией, а также ее реальным и коммуникативным поведением [8]. Одним из наиболее распространенных является определение контент-анализа, предложенное Б. Берельсоном: «Контент-анализ является объективным, систематическим и количественным описанием явного содержания коммуникации» [13].

Бесспорным является факт, что Интернет – это неиссякаемый источник доступной информации, включающий институализированные и неформальные источники. С другой стороны, чрезмерная информационная свобода может стать угрозой для свободы прессы, поскольку пробуждает у государства желание контролировать интернет-пространство. Также возникает опасность взаимного поглощения Интернетом и традиционных масс-медиа. Из этого следует, что вызовы для качественной журналистики в печатных СМИ в меньшей мере лежат в плоскости тенденций к монополизации прессы и в большей – в вопросах рефинансирования того или иного органа печати. Считаем, что источником качественной, надежной и достоверной информации остается пресса, что дает нам

возможность прибегнуть к анализу электронных версий французских изданий, имеющих широкую аудиторию, ее доверие.

Описание исследования. В рамках исследования медиаобраза Крымской весны во французских СМИ предполагаем, что медиаобраз России имеет позитивные коннотации, если страна идеологически ориентируется на западные тренды. Напротив, в периоды, когда Россия не следует этим тенденциям, то ее медиаобраз приобретает негативные коннотации в международном медиапространстве.

Как показало проведенное пилотное исследование 70 публикаций онлайн-версий ведущих французских изданий, посвященных освещению Крымских событий 2014 года, их характер с негативного сменился на нейтральный. Целью исследования стало изучение медиаобраза Крымской весны во французском медиапространстве, а задачами – анализ контента онлайн-версий изданий с выявлением трендов освещения событий Крымской весны, определением особенностей формирования их медиаобраза. Объектом исследования являются публикации онлайн-изданий Франции с упоминанием Крымской весны, а предметом – медиаобраз событий Крымской весны, формирующийся в медиапространстве Франции.

Новизна осуществленного исследования заключается в попытке мониторингового анализа контента франкоязычного онлайн-пространства о крымских событиях за период 2014-2019 годы. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения результатов мониторинга в целях формирования имиджа российского государства в целом и Республики Крым и Севастополя как российских регионов во французском медиапространстве.

Методом сплошной выборки были отобраны публикации ведущих французских изданий «Le Monde», «Figaro», «Le Parisien», «Ouest France», в которых освещались события Крымской весны и присутствие крымской тематики за последнее пятилетие с 2014 по 2019 год (табл.1). Поисковый запрос формировался с учетом семантических особенностей освещения событий Крымской весны в французском медиапространстве: использовался поисковый запрос «Crimée» (фр. «Крым»), а не «Крымская весна» в связи с тем, что данная трактовка существует в русскоязычном информационном поле, а во французском медиапространстве данные события интерпретируются иначе. В ходе анализа были выбраны онлайн-версии семи федеральных печатных изданий Франции с наибольшим тиражом, обладающих высокой репутацией и доверием французской аудитории. Важным критерием отбора послужило наличие тематического разнообразия материалов, и объем онлайн-аудиторий, посещающих онлайн-версии изданий: в абсолютном большинстве случаев она значительно превышает их ежемесячные тиражи, что является показателем усиливающейся цифровизации французского медиарынка. Если говорить о сайтах газет, то, в первую очередь, нужно отметить сайты ежедневных газет Le Monde и Le Figaro, конкурирующие по аудиториям.

Название	Город, где издаётся	Тираж в тыс. экз.	Политическая направленность
Le Monde	Париж	231.000	Левая
Figaro	Париж	278.000	Консервативная
Le Parisien	Париж	336.000	-
Ouest France	Париж	721.000	Либеральная

Таблица 1. Ведущие газеты Франции, имеющие онлайн-версии

Результаты исследования. Осуществленный анализ 70-ти публикаций о событиях Крымской весны 2014 года и на крымскую тематику с 2015 по 2019 годы французских интернет-изданий показал, что они оказались одной из обсуждаемых тем, но освещали их по-разному: в одних СМИ Крым упоминается как российская территория, в других – как часть украинской территории. Анализ отобранных публикаций зафиксировал тенденцию спада негативного контента и роста нейтрального (рис.1).

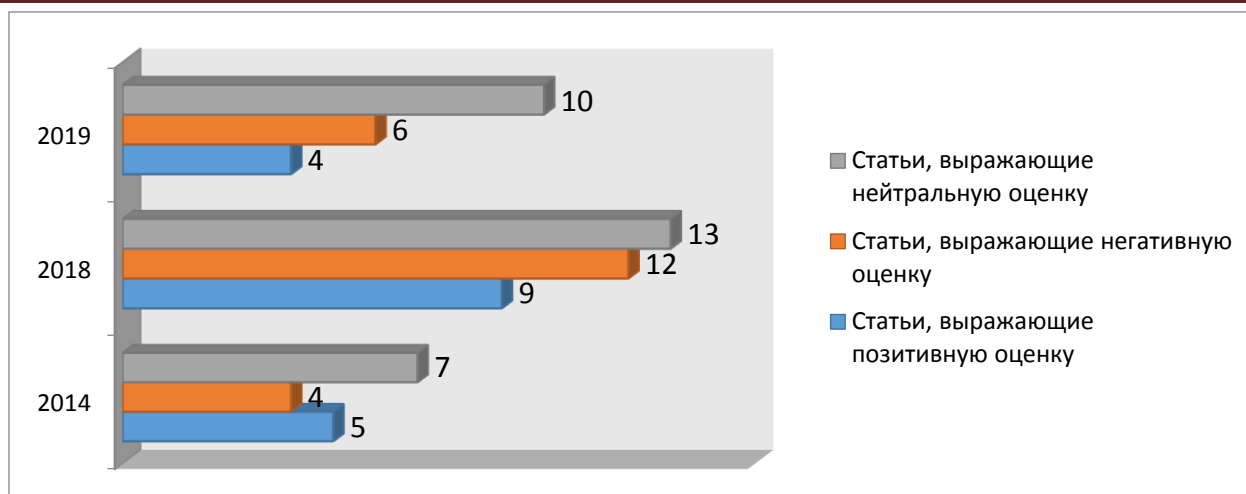

Рис. 1. Тональность публикаций французских СМИ за 2014-2019 гг.

Нейтральный характер освещения Крымской весны превалирует во французском медиапространстве: из 70 проанализированных авторами таких оказалось 30 статей. Что касается освещения Крымской весны 2014 года, то за этот период было опубликовано 18 статей, освещающих их позитивно и 22 – негативно.

Наиболее значимым информационным поводом 2014 года во французском медиапространстве стал Крымский референдум. Например, в публикациях 2014 года онлайн-версии газеты Figaro присутствовали следующие месседжи:

- Крым как регион, находящийся под российским влиянием;
- русскоязычная Автономная Республика Крым представляет стратегический интерес для Москвы;
- этот украинский регион - дом для российского Черноморского флота; ситуация на полуострове взрывоопасна;
- татарское меньшинство, преследуемое советским режимом, стало на сторону нового правительства;
- для Москвы район представляет стратегический интерес: в порту Севастополя находится Черноморский флот российской армии;
- по мнению многих россиян, исторически это их территория.

Вторым по популярности информационным поводом на крымскую тематику, за пять лет после крымского референдума, стали санкции против России и Крыма. Месседжами, сопровождающие данный медиатрек стали:

- Киев призывает к новым санкциям против Москвы;
- беспрецедентный инцидент в Черном море между двумя странами приведет к новым санкциям против Москвы;
- НАТО осудило военные действия России против Украины в Азовском море и предостерегло Москву от последствий своих действий.

Наиболее популярным Крымским событием 2018 года стало открытие Крымского моста, соединяющего полуостров с материковой частью России. В 2019 году основными событиями стали встреча В. А. Зеленского и В. В. Путина, открытие Президентом РФ железнодорожного сообщения по Крымскому мосту. Таким образом, на протяжении пяти лет после событий Крымской весны Республика Крым и Севастополь не покидают информационную повестку.

Кроме того, присутствует тенденция публикаций на крымскую тематику с положительной оценкой во французском медиапространстве.

Сравнительный анализ определенных авторами контент-единиц – «Крым», «Россия», и «Севастополь», показал, что их частота упоминаний в 2014 году отличается от 2018 и 2019 годах. В 2014 и 2018 годах наиболее популярными словами были «Крым» (98 ед.), «Россия» (43 ед.), «Севастополь» (20 ед.); «Крым» (132 ед.), «Россия» (73 ед.), «Севастополь» (33 ед.). Контент-единицы, отражающие информационную повестку о событиях полуострова, постепенно ушли. Контентный фон 2014 года формировался за счет усиления тегов «Украина» (9 ед. - в 2014 г., 6 ед. - в 2018 г.), «Янукович» (4 ед. - в 2014 г., 1 ед. - в 2018 г.), в 2018-2019 годах набрали популярности слова «Киев» (16 ед. - в 2014 г., 18 ед. - в 2018 г.), «Путин» (15 ед. - в 2014 г., 18 ед. - в 2018 г.),

«Флот» (4 ед. - в 2014 г., 11 ед. - в 2018 г.), «Москва» (3 ед. - в 2014 г., 7 ед. - в 2018 г.). Наиболее популярными контент-единицами 2019 года являются «Крым» (97 ед.), «Путин» (39 ед.), «Россия» (27 ед.). Надо отметить, что к 2019 году медийная привязка Крыма во французском медиапространстве осуществляется через теги федеральной привязки – Крым, Путин, Россия, а региональная - в виде «Севастополь», «флот» - уходит. При этом украинский внешний фактор, оказывающий влияние на формирование информационных поводов, остается актуальным, что подтверждается присутствием контент-единиц «Украина» и «Зеленский» (рис 2).

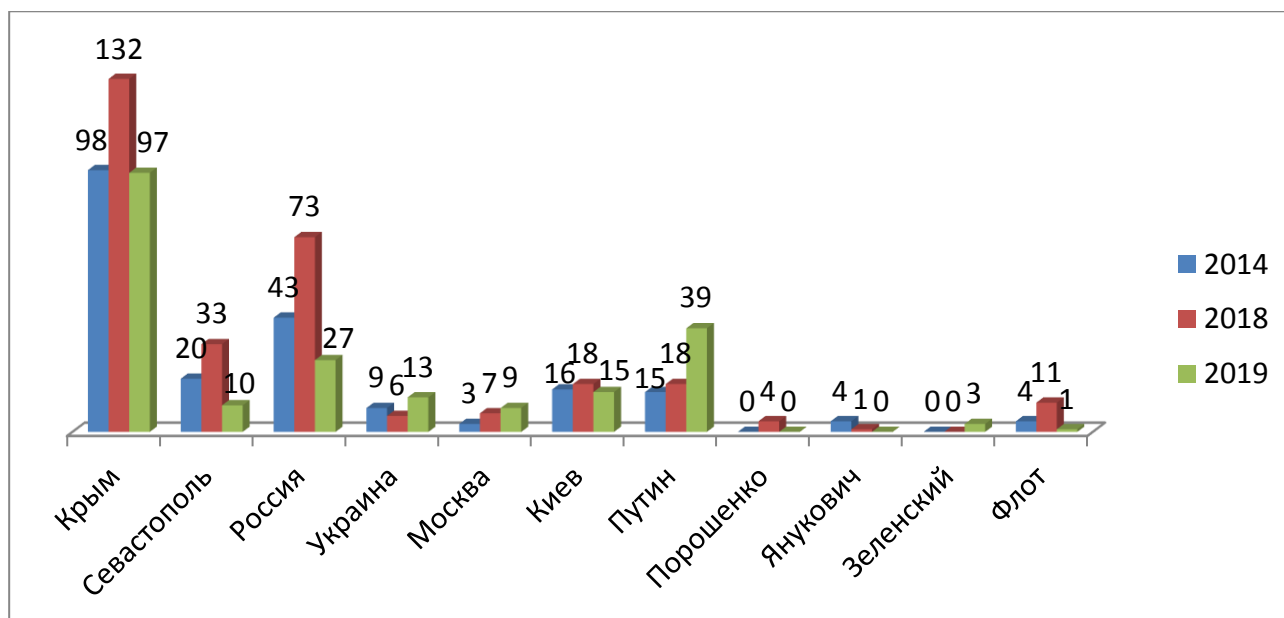

Рис. 2. Упоминания контентных единиц за периоды 2014 и 2018-2019 гг. (в ед.)

Осуществленный анализ позволил зафиксировать тенденцию постоянного присутствия ключевых событий в Крыму во французских СМИ и уменьшения доли негативно окрашенных публикаций о событиях Крымской весны, что свидетельствует о некоторой степени медийного принятия событий Крымской весны.

Таким образом, контент-анализ публикаций на крымскую тематику в медиапространстве Франции, с одной стороны, отражает хроникальное протекание событий, с другой стороны, спустя пять лет упоминание Крыма скорее связывается с российской принадлежностью, российской властью, российским президентом, что говорит о медийном признании нахождения полуострова в российском поле и связи крымского дискурса с Россией и ее внутривластным полем.

Список литературы

1. Адорно, Т. В. Эстетическая теория / Т. В. Адорно. – М.: Республика, 2001. – 526 с.
2. Бодалев, А. А. Имиджелогия – это серьезно / А. А. Бодалев // Психология общения: социокультурный анализ: материалы междун. конф. (30 окт. – 1 нояб. 2003 г.). – Ростов-н/Д, 2003. – С. 31-34.
3. Гофман, А. Б. Мода и люди: Новая теория моды и модного поведения. – М.: Наука, 1994. – 452 с.
4. Леонтьев, А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – с. 146-152.
5. Луман, Н. Понятие общества / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. – СПб, 1994. – С.25-42.
6. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн – М.: Кучково поле, 2018. – 464 с.
7. Морозова, И. В. О перспективах междисциплинарных исследований в изучении Америки: американистика и имагология // Американский ежегодник 2008/2009. — М.: ИВИ РАН, 2010. – с. 91-94.
8. Назаров, М. М. Массовая коммуникация и общество / М. М. Назаров. – М.: Авантиплюс, 2004. – 428 с.

9. Ощепков, А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251-253.
10. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2000. – 768 с.
11. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. – М., 2016. – 342 с.
12. Хорев, В. А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга /отв. ред. В. А. Хорев. – М.: Индрик, 2000. – С. 22-32.
13. Berelson, B. Content Analysis in Communication Research / B. Berelson. – Glencoe, IL:Free Press. 1952. – P. 15.
14. Dyserinck, H. Komparatistik. Eine Einf hrung / Hugo Dyserinck. – Bonn : Bouvier, 1977.
15. Manfred Beller, Joep Leerssen Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey (Studia Imagologica) Hardcover – Import, 1 January 2007, p. 476.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020

Yarmak, O. V., Tsepkova, A. S. *Image of the Crimean Spring in Media Space of France*

The article presents a comparative analysis of the publications of the French media space, which covered the events of the Crimean spring of 2014 and the Crimean agenda of 2018-2019. Practical research findings can be applied in the process of forming the image of the Republic of Crimea and Sevastopol as Russian regions in the French media space. The results of the analysis showed the constant presence of key events in Crimea in the French media, a decrease in the share of negatively colored publications about the events of the Crimean spring, the mention of Crimea in connection with Russian affiliation, which indicates the media recognition of the presence of the peninsula in the Russian field and the connection of the Crimean discourse with Russia and its internal political field.

Key words: media space, media image, Crimean spring, Fr

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 17-18
2020

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 07.07.2020. Формат 60×84/8. Заказ № 36/20.
Усл. печ. л. 8,25. Уч.-изд. л. 8,08. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7

